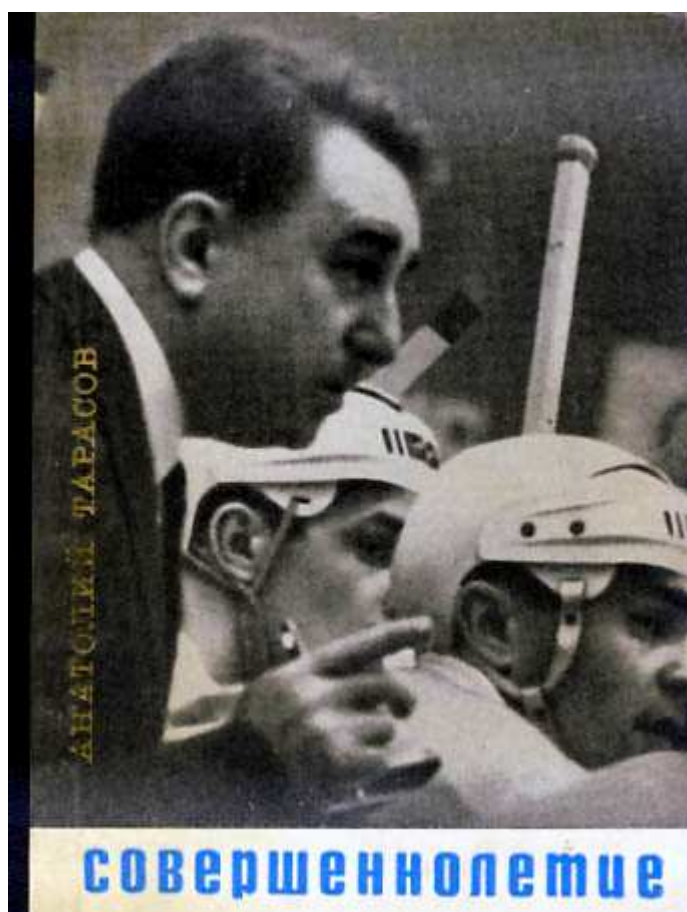

Анатолий Владимирович Тарасов Совершеннолетие

«Совершеннолетие»: Молодая гвардия; Москва; 1968

Аннотация

Книга известного советского тренера и педагога Анатолия Владимировича Тарасова «Совершеннолетие» хорошо известна и уже получила большую популярность у нас в стране и за рубежом.

Литературная запись Олега Спасского.

Дружеские шаржи и рисунки Игоря Соколова.

Анатолий Владимирович Тарасов Совершеннолетие

Вместо предисловия Пятисотая шайба Мориса Ришара

На моем столе лежит шайба. Внешне – самая обычная. Но все-таки это особая шайба. Ее подарил мне выдающийся канадский хоккеист Морис Ришар. Пятисотая по счету шайба, которую забросил он, сильнейший хоккеист мира, в официальных соревнованиях.

Ришар, безусловно, самый популярный человек в Канаде. И не только в Канаде. Королева английская ежегодно дает ему аудиенцию, и это рассматривается как высшая традиционная почать. Во имя Ришара, ради него в Монреале построен спортивный Дворец – благодарность великому хоккеисту, жизненный памятник ему.

Шайба, лежащая у меня на столе, напоминает о встречах с Морисом Ришаром, о той

переоценке хоккейных ценностей, которую пришлось произвести этому прославленному мастеру.

Наша первая встреча с Ришаром была заочной. Она состоялась глубокой осенью 1957 года, во время первого турне советской сборной по Канаде. Этому турне предшествовали долгие переговоры с руководителями канадского хоккея. Сейчас можно признаться, что канадцы совсем не хотели приглашать к себе советских хоккеистов. Мы сами напросились к ним в гости. И хотя еще в 1954 году сборная СССР стала чемпионом мира, канадские хоккейные руководители были твердо убеждены, что устраивать поездки нашей команды по Канаде нецелесообразно. Нам объяснили, что игра советской сборной не произведет впечатления что трибуны будут пустовать и потому организаторы этих встреч потерпят убытки. В Канаде считали, что наш хоккей пока еще слишком слаб, что победили мы на чемпионате мира в 1954 году совершенно случайно – в спорте ведь такое случается. А нам – и спортсменам и тренерам – очень хотелось попасть в эту сказочную хоккейную, страну. Мы стремились увидеть, как играют в хоккей на его родине, хотели проникнуть в сокровенные тайны этой игры, хотели, наконец, проверить себя. И все – таки в приглашении нам долго отказывали. Однако последующие наши успехи и воздействие общественности «раскачали» канадцев. И вот мы летим за океан.

Первая встреча – первое поражение. Со счетом 4:7 мы проиграли команде «Уитби Данлопс». Это поражение нас не особенно обескуражило, потому что игра началась сразу же после девятичасового перелета через океан и ребята не только акклиматизироваться, но и просто отдохнуть не успели. А ведь играть нам пришлось с сильным соперником, на его поле, где на нас обрушилась и сильнейшая психологическая атака зрителей. На следующий день газеты опубликовали отзыв о нашей игре Мориса Ришара. Он писал, что русских пригласили зря. Они, мол, играют так, как, играли канадцы, судя по рассказам его, Мориса Ришара, деда, лет этак 50 70 назад.

Это было похоже на пощечину. Но, может быть, и вправду Ришар был прав и мы действительно отстаем на полстолетия? Ведь написал это сильнейший хоккеист мира.

Но оказалось, что даже хоккейный маг может ошибаться...

Впервые очно, лицом к лицу, мы встретились с Морисом Ришаром в Праге, на чемпионате мира, куда он был приглашен как почетный гость.

Ришар пришел к нам и сказал, что хочет принести извинения за свою излишне поспешную оценку нашего хоккея. Он объяснил, что следил за игрой по телевизору, так как заранее был предубежден против русских хоккеистов и потому не хотел терять времени и ехать на стадион. Ничего хорошего от матча он не ждал.

А телевизор, сокрушенно качал головой Ришар, в тот день работал както неважно, с перебоями, и от того у него создалось искаженное представление о советском хоккее. Потом, подумав, Ришар добавил, что сейчас наша сборная все еще уступает коллективам высшей профессиональной лиги.

Однако уже при следующей встрече Морис Ришар рекомендовал нам сыграть с профессионалами. Трудно сказать, то ли он хотел проверить свое впечатление, то ли стремился прощупать нашу команду, понять, в чем ее сила.

А когда 12 декабря 1964 года советские хоккеисты вновь приехали в Канаду и проводили первую свою тренировку на стадионе «Монреаль канадиенс», то посмотреть на наших ребят в полном составе явились все хоккеисты этого прославленного клуба, старейшего и популярнейшего в профессиональном хоккее. Был на тренировке и Морис Ришар.

И вот что примечательно. Беседуя с нами, он проявил огромный интерес ко всему, что касается нашего хоккея.

Ришар задал нам в тот день чрезвычайно много вопросов. Слишком много для одной беседы.

Вопросы были самые разнообразные. Откуда позаимствована или кем разработана наша манера игры? Чем обусловлен такой ранний и скрытый пас? У кого перенимали тактику атаки и обороны? Чем объясняется пружинящая легкость в манере передвижения игроков? Как мы строим тренировки? Кто ваши учителя? Почему не канадцы?.. И еще великое множество вопросов.

Ришар говорил, что русские играют в другой хоккей, не в тот, что играют они, канадцы. В какой же именно? Ришар стремится это понять и потому приходит на нашу тренировку, потому принимает приглашение приехать в Москву, потому задает нам такое множество вопросов.

Размышляя над вопросами Мориса Ришара, продолжая мысленно начатый с ним спор, пытаюсь найти (уже для себя) наиболее полное и глубокое объяснение важнейших особенностей отечественного хоккея, я постепенно утверждался в мысли написать книгу, в которой следовало рассказать не столько о самом хоккее, сколько о нравственном воспитании человека в хоккее.

Ведь хоккей, спорт – лишь одна из сфер нашей общественной жизни. Общие принципы нравственного воспитания человека, своеобразно преломляясь, сохраняют здесь свою вечную ценность. И потому я должен сразу же пригласить в соавторы двух великих педагогов – Антона Семеновича Макаренко и Константина Сергеевича Станиславского. И пусть никого не удивляет упоминание здесь имени К. С. Станиславского. Читатель, будет еще иметь возможность убедиться, как много общего имеют театр и хоккей.

И вот книга написана.

«Совершеннолетие» – это не только мой опыт. Это итог размышлений и исканий многих наших тренеров. Плод не одних лишь успехов, но и неудач, огорчений.

Мне повезло: я встречался, вместе играл и работал с выдающимися спортсменами. Общение с ними обогащало меня, помогало многое понять в спорте. И пусть не посетуют на меня мои друзья, что не все они названы в этой книге.

Я писал прежде всего о тех, кого лучше знал и знаю. Отсюда не следует, конечно, заключать, что герои моей книги внесли больший вклад в развитие советского хоккея, чем те, кого я не назвал. Спортивная судьба моя накрепко связана с армейским клубом, и только потому хоккеисты ЦСКА – главные действующие лица «Совершеннолетия».

Итак, воспитание человека в спорте, через спорт.

Хоккей и хоккеисты.

ОТВЕТ МОРИСУ РИШАРУ

ТРОЙКА БОБРОВА ПРОТИВ ЗВЕНА АЛЬМЕТОВА

В одно касание

Московский дворец спорта. Через пятнадцать минут наша команда начнет свой последний в сезоне матч. Потом, после окончания встречи, – торжественная церемония награждения победителей, спуск флага чемпионата страны по хоккею.

ЦСКА – «Спартак». Два популярнейших спортивных коллектива. И потому трибуны заполнены, хотя все уже ясно, хотя встреча эта не играет никакой роли для распределения призовых мест. Я люблю вот таких болельщиков. Для них главное – не счет, не очки, не места. Для них важнее всего – сам хоккей, сама игра. Эти любители спорта умеют наслаждаться искусством ведущих мастеров хоккея, их темпераментной борьбой на ледяной площадке. Для этих болельщиков турнирная таблица менее важна и интересна, чем соревнования мужества, интеллекта, атлетизма и воли.

...Разминка заканчивается. Судьи вызывают команды на поле.

И вот мчатся на огромных скоростях хоккеисты, сверкают коньки, вскипают у бортиков яростные схватки, молнией выписывает зигзаги шайба. Начался хоккей!

Мы любим хоккей за удаль, за огневой характер игры, где порой совсем не просто разобраться в вихре происходящих событий. Клопочущая схватка страстей, скрытая борьба характеров, пышущий жаром темперамент – таков хоккей.

Хоккей – это соревнование не только мужества и скорости. Это и соревнование умов. Лишь тот может мечтать о победах, кто умеет мгновенно, как шахматист в цейтноте, разбираться в самых сложных, постоянно изменяющихся ситуациях, кто научился едва ли не каждую секунду находить наилучшее решение из всех возможных, кто умеет, наконец, предвидеть, предугадывать дальнейший ход происходящих на хоккейном поле событий.

Хоккеисту нужна не только мудрость шахматиста, но и точность снайпера. Отдать шайбу прямо на клюшку мчащегося партнера, попасть на большой скорости в незащищенный уголок ворот – право же, ничуть не легче, чем пять раз подряд выстрелить из пистолета в заветную «десятку».

И еще одну важную черту можно подметить у классного хоккеиста. Его... музыкальность. Умение чувствовать ритм игры, ритм или, напротив, аритмичность атак, умение менять этот ритм в зависимости от игровой ситуации.

Все это привлекает к хоккею не только сотни тысяч спортсменов, но и миллионы болельщиков. Яркое, красочное зрелище хоккейного поединка – это всегда праздник. Праздник чувства и красоты. Праздник юности и спорта. И мне всегда кажется, что люди, сидящие на трибунах, чутьчуть похорошему завидуют нам, хоккеистам. И им, видимо, тоже хочется попробовать свои силы.

...Однако игра продолжается, и темп ее все нарастает. Все стремительнее атакуют спортсмены, все быстрее – не успеваешь порой и следить – мечется шайба.

На ходу, не останавливая игры, проводим смену составов.

На площадку выскакивают Зайцев, Ромишевский, Ионов, Моисеев, Мишаков. Самое быстрое наше звено. Вот Зайцев перехватывает шайбу, передаст ее за воротами Ромишевскому, и Игорь, набирая скорость, устремляется в атаку. Спартаковцы поспешно откатываются назад. Перед Ромишевским свободный участок льда, он может продвигаться сам, но шайба уже летит к Жене Мишакову. Быстрее, быстрее! Мишаков наклоняется вправо, обманывая нападающего спартаковцев, а шайба у левого бортика, у Толи ИONOва. Нет, нет, у Толи она была только какое-то мгновение, он только коснулся ее, а сейчас шайбу отбивает спартаковский вратарь, парируя внезапный сильнейший бросок Юрия Моисеева.

Пока я успеваю отметить про себя отличную скорость, с какой развивалась атака, шайбой снова овладевают армейские хоккеисты. Они неторопливо откатываются назад, на свою половину поля, чтобы спустя несколько секунд, в одно касание передавая шайбу друг другу, снова на огромной скорости ворваться в зону соперника.

Я смотрю, как играют эти хоккеисты, и, отвлекаясь от происходящего на поле, думаю о том новом, абсолютно непонятном для Мориса Ришара коллективизме, который отличает действия наших спортсменов.

Дело не только в пасе

Разумеется, и на Западе хоккей носит коллективный характер.

Один спортсмен, даже самый большой мастер, обыграть целую команду не может. Одному трудно, практически невозможно, получив шайбу в своей зоне, провести ее до ворот соперника, обыграв по пути пять человек, тоже, кстати, мастеров. И потому хоккеисты продвигаются вперед, передавая шайбу друг другу, стараясь обыграть команду соперников не в одиночку, а общими усилиями, вместе, командой.

В пасе всегда участвуют два человека. Тот, кто пасует, передает шайбу кому-то. И тот, кто этот пас, эту передачу принимает. Поэтому мы и говорим, что хоккей – игра коллективная. Как, впрочем, и любая другая игра: футбол, волейбол, баскетбол, регби, ручной мяч, водное поло, где победа завоевывается трудом всего коллектива спортсменов.

Все хоккеисты в мире играют в пас. Но коллективизм нашего хоккея существенно отличается от коллективизма канадских хоккеистов, и именно в этом я вижу одну из самых главных причин успехов наших мастеров на международных соревнованиях.

Наша школа хоккея не похожа на канадскую прежде всего тем, что советские хоккеисты пасуют значительно чаще и больше. Чем это обусловлено?

Однако прежде несколько необходимых пояснений. Нужно отличать технический коллективизм (пас) от тактического (игра без шайбы). И именно в понимании тактического коллективизма канадские тренеры и специалисты особенно далеки от нас.

Известно, что скорость атаки или контратаки в хоккее зависит от скорости движения шайбы. И именно поэтому Игорь Ромишевский в той контратаке, о которой я рассказывал, даже имея возможность беспрепятственно продвигаться с шайбой вперед, решил отдать ее Мишакову. Как бы быстро он ни бежал – шайба всегда быстрее.

Когда Ромишевский отдал пас Мишакову, то один из защитников противостоящей команды бросился к нашему нападающему, стремясь помешать ему овладеть шайбой. Это закономерно: соперник вынужден реагировать на каждый пас. Следовательно, большое количество передач увеличивает эффект атаки. Ведь цель паса – иметь свободного, как бы лишнего игрока. И если соперники сделали в ходе матча 150 передач, а мы пасовали 270 раз, то это значит, что у нас было на 120 игровых моментов больше, то есть было больше благоприятных условий для развития атаки и в конце концов для взятия ворот.

Но дело не только в количестве передач. Пас должен быть точным и скрытным, замаскированным; как в той ситуации, когда Мишаков, сделав ложный финт, имитировал движение вправо, а шайбу при этом передал влево, на бегущего вдоль бортика Ионова.

Чтобы пас был неожиданным для соперника, нужно умело использовать приемы обводки. При этом передача должна быть активной, иначе говоря, шайба должна попасть не просто к свободному игроку, а к тому, кто находится в наиболее удобной для развития атаки позиции. А этот пас партнеру, находящемуся в наилучшем положении, будет тем более опасен, если не один, а дватри хоккеиста стремятся выйти на опасную для соперников позицию.

Разумеется, не следует забывать, что пас вовсе не является единственным и универсальным средством ведения атаки. Шаблон, стандарт, схематизм мысли и действий убивают, мертвят самую благовую идею. И если вся игра команды будет строиться на одних лишь передачах, шайбы, соперник легко сможет пресекать подобные атаки еще в зародыше.

Я умышленно не касаюсь здесь пока обводки как одной из возможностей обыграть соперника. Пока я говорю только о тех преимуществах, которые приносит коллективная игра в пас. Но хотел бы попутно заметить, что в условиях большой плотности игроков чрезвычайно важную роль играет пас в ходе обводки. Такой передачей: достигается подчас не одна лишь скрытность намерений: обыгрываются и ближайший и – нередко – другие хоккеисты соперника, не ожидающие столь острого и смелого решения.

Мы сами не сразу пришли к такому пониманию паса, коллективизма в игре. В первые годы мы весьма старательно подражали более опытным спортсменам других стран. Однако свои ошибки бывают особенно заметны, когда их повторяет кто-то другой и когда на них смотришь как бы со стороны. В 1952 году к нам приезжала шведская команда АИК. И вот что нам бросилось в глаза: шведские хоккеисты чаще всего дают пас, уже ввязываясь в единоборство с противником. Такой принцип игры у них был превращен в догму. Они пасуют как бы от худой жизни, когда нет другого выхода.

Эта особенность отличает игровой почерк, не только, скандинавских, но и канадских и американских спортсменов. Если канадец или швед имеет перед собой участок свободного льда, то он скорее сам «протянет» через него шайбу. Наш же хоккеист, напротив, поступит иначе: повышая скорость контратаки, немедленно передаст шайбу вперед партнеру. Ведь, кроме всего прочего, когда защитник (или нападающий) долго держит у себя шайбу, то соперники в это время успеют плотно прикрыть его товарищей.

Боюсь, что можно увидеть у меня противоречие: в одном месте я рекомендую давать пас, вязываясь в единоборство, а несколькими строками дальше осуждаю зарубежных хоккеистов, которые пасуют, как правило, на грани единоборства.

Здесь, поверьте, нет противоречия. Все зависит от конкретной игровой обстановки. Наш спортсмен всегда стремится дать пас, и прежде всего тогда, когда партнер находится впереди, ближе к цели, когда он остался, хотя бы на секунду, без опекуна, когда мы контратакуем. Но если возникла иная ситуация, если все партнеры прикрыты, если требуется обострить обстановку, привлечь к себе главное внимание соперников, то в этом случае целесообразно использовать обводку и выждать, пока партнер – опять же хотя бы на секунду освободится от опеки. А в этом случае уже должен последовать внезапный скрытый пас.

Формулу сокрытия своих намерений можно было бы выразить так: «Пасуя, грози обводкой, вступая в единоборство, угрожай пасом».

Пасом кто-то должен руководить. У заокеанских спортсменов эту функцию обычно выполняет тот, кто владеет шайбой. А у нас – тот, кто без шайбы, кто стремится занять наиболее выгодную позицию. Значит, них четверо зависят от одного, а у нас – один от четверых. И потому с нашими хоккеистами бороться труднее, ибо, за четверьмя следить сложнее, чем за одним.

Такой метод блестяще себя оправдал на люблянском и венском чемпионатах мира, где советская сборная была, самой результативной командой. В Любляне мы забросили в ворота соперников 55 шайб – почти в два раза больше, чем наши главные конкуренты! Еще более убедительной была наша результативность в Вене – 58 шайб заброшено и лишь 9 пропущено. Команда и хоккеисты, играющие в одно касание, выглядят порой на поле менее эффектно, чем команда, где спортсмены часто и много играют в одиночку, увлекаются индивидуальными проходами, обводкой противника. Зато игра первой команды чрезвычайно эффективна.

Однако при таком хоккее, при игре в одно касание спортсмен, отдающий пас, часто остается в тени (особенно в глазах неквалифицированных зрителей), и потому на такую манеру игры могут идти не все спортсмены, а только те, кто ради общего успеха согласен быть как бы на втором плане, только те, у кого хороший, добрый характер. Кто, перефразируя Константина Сергеевича Станиславского, любит не себя в хоккее, а хоккей в себе.

Я твердо убежден, что подлинный коллективизм в современной классной хоккейной команде возможен, только в том случае, когда в ней, в этой команде, играют добрые, умные, хорошие и скромные люди, умеющие уважать и любить своих товарищей, люди, которые всегда готовы бескорыстно прийти на помощь другу.

Несколько лет назад играл в ЦСКА молодой защитник. Внимательно наблюдая за его игрой, я пришел к выводу, что хоккеиста экстракласса, способного отстаивать честь советского спорта в борьбе за мировую хоккейную корону, из него не выйдет. Уж слишком честолюбив был этот парень и минуты буквально не мог оставаться на втором плане. Нехорошая жадность к шайбе не давала ему возможности играть в одно касание.

Володя (так звали хоккеиста) спорил со мной, говорил, что я не прав, что он знает себя, свой характер лучше, чем кто-то другой, что играть в хороший хоккей он тоже может. Чуть ли не на спор выходил на площадку играть в одно касание, но проходило восемьдесят минут – Володя увлекался происходящим на поле, переставал следить за собой, терял контроль над действиями и как результат передерживал шайбу, стремясь сам эффектно (непреренно эффектно!) – так, чтобы обратили внимание зрители, – обыграть соперника.

Большой мастер из Володи так и не вышел. И главная причина, из-за которой спортивная биография этого хоккеиста сложилась не так уж удачно, таилась в его внутренних человеческих качествах. Володя – плохой товарищ, себялюбец и потому так и не смог вырасти в выдающегося хоккеиста, хотя казалось, что он располагает для этого всеми возможностями.

Так хоккейные проблемы перерастают в общечеловеческие.

Все мы, советские люди, воспитаны в духе коллективизма.

И говоря об особом коллективизме в нашем хоккее, мы, тренеры, должны отдать дань высокому уважению семье, школе, институтской и рабочей среде, пионерии, комсомолу, партии, последовательно и терпеливо воспитывающим в душах нашей молодежи это бесценное нравственное качество.

О «звездах», солистах и статистах

В конце 40х годов я играл в одной тройке с выдающимися мастерами хоккея Всеволодом Бобровым и Евгением Бабичем.

Бобров был сильнее пас, и потому мы, его партнеры по звену, должны были подчинять свою игру ему, подыгрывать Всеволоду. Потом, когда я ушел на тренерскую работу, моё место занял Шувалов, но и при нем распределение обязанностей в этой тройке осталось прежним: на долю Бабича и Шувалова падал самый большой объем физической подготовительной работы. Быстрому и техничному Боброву оставалось, как правило, завершать начатую комбинацию голом, что он и делал блестяще.

Результативность Боброва была феноменальной. Достаточно сказать, что в среднем за игру он забрасывал дветри шайбы (точнее – 2,4). У лучших же хоккеистов сегодняшнего дня этот коэффициент значительно ниже двух, и только у Фирсова и Александрова он равен 2.

Безусловно, тройка Боброва была выдающейся. И потому по ее образу и подобию, по тем же принципам комплектовались и другие звенья. Такое же, на пример, распределение обязанностей было и в, тройке, в которое играли Михаил Бычков, Николай Хлыстов и Алексей Гурышев, где Гурышев был, забивающий, а Хлыстов и Бычков ему подыгрывающими.

Считалось, что такой принцип подбора троек, распределения функций внутри, них не противоречит коллективизму. Все равно, говорили нам, вы ведь играете в звене совместно, хотя и на Боброва. Ваша тройка – коллектив, в котором выделяется сильнейший. И в этом ничего страшного или порочного нет.

Алексей Гурышев

Нам приводили в пример оперу. В опере ведь тоже есть не только солисты, но и второстепенные исполнители. Без этого, доказывали нам, не может быть оперы.

Принцип разделения коллектива на солистов и рядовых исполнителей, если не сказать статистов, переносили и на хоккей. Правда, в хоккее, как и в других видах спорта, солистов чаще называли «звездами».

Любопытная деталь. В опере львиная доля аплодисментов достается на долю солиста, премьеры. То же получалось и в хоккее: и журналисты, и спортивные руководители, и любители спорта – болельщики громадную долю успеха всей команды относили обычно на счет выдающейся хоккейной «звезды».

Но вот опера провалилась. Кто виноват в провале? В театре, безусловно, виноват бывает чаще всего солист, ведь именно его пришли послушать зрители. А в хоккее? Кто угодно, только реже всего – солист, «звезда». Тут виновными оказывались обычно его партнеры, рядовые исполнители. Они, мол, недостаточно хорошо подыгрывали своему лидеру, не сумели обеспечить его точными и своевременными передачами, не так и не вовремя отдавали ему шайбу.

Нет, я (поймите меня правильно) не против хоккеиста» такого масштаба и такого таланта, как Всеволод Бобров, Алексей Гурышев и другие «звезды» того времени. Их роль в развитии хоккея, в обогащении технического арсенала этой игры, в успехах того или иного коллектива исключительно велика. И я не ратую за стирание ярких индивидуальностей, за хоккеистов-среднячков. Я совсем не против и той славы, которой окружены Хоккейные солисты. Ведь слава эта может быть могучим стимулом для овладения спортсменом высотами мастерства.

Сейчас я веду разговор о другом – насколько правомерно было наше понятие «коллективизма в хоккее» при построении тройки 1+2.

Думается мне, что в этом построении сказывался не столько обдуманый тактический

замысел тренеров, сколько ужасная в то время бедность на игроков экстракласса. Игроков, умеющих завершать атаки на ворота противника забитой шайбой.

И я рассказываю сейчас об этом не для того, чтобы както упрекнуть наших хоккеистов первых призывов. Причина такой игры объясняется, как читатель, надеюсь, понимает, не их личным характером. Просто иногда, обстоятельства бывают сильнее нас.

Не могу, однако, вместе с тем сказать, что подобное понимание коллективизма было единственным и лучшим выходом из создавшегося положения. И прежде всего потому, что такое построение троек не способствовало росту и воспитанию высококлассных игроков. Подыгрывающие всегда становились в зависимое положение от «звезды» и постоянно ощущали свою второстепенность. Тем самым порой незаметно для себя хоккеист суживал свою игровую задачу, видел свой маневр только в том, чтобы подыгрывать «забивающему». А это значит, что он не полностью использовал свои возможности.

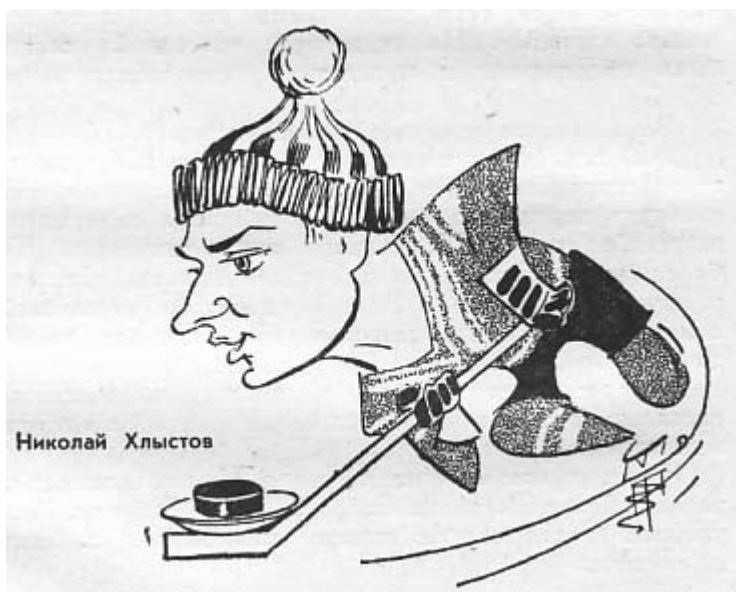
Если игровое задание не предусматривает инициативы игрока, максимальное раскрытие его способностей, то хоккеист в этом случае приносит команде пользу меньшую, чем мог бы.

К тому же довольно откровенное разделение внутри троек на ампула «подыгрывающих» и «забивающих» значительно ограничивало и возможности тройки в целом, ее боеспособность. У каждого была своя, определенная, отчетливо выраженная задача, и потому соперникам было легче, учтя особенности тройки, подлаживаться под ее игру, находить какое-то средство против ее атак.:

Но, пожалуй, главная опасность состояла в том, что выделение, в тройке «лидера», «премьера», «звезды» не способствовало росту класса самой «звезды», порождало, и довольно часто, так называемую «звездную» болезнь – зазнайство, самоуспокоенность, откровенное пренебрежение «звезды» к товарищам по команде.

Правда, истоки этой болезни я не хочу видеть только в характерах самих хоккеистов. Тут во многом повинны и тренеры, ставящие «звезды» в исключительное положение, часто потворствующие им, и... журналистыкомментаторы. Да, да, и они тоже, если не больше. Сейчас я перелистываю подшивки старых газет и вижу особенно ясно, как несправедливо много писали об одних хоккеистах и как мало, напротив, о других, о тех, без чьих усилий и без чьего мастерства были бы незаметны на хоккейном небосводе «звезды».

Вот один, другой, пятый, десятый отчеты, в которых сквозит одна мысль: матч выиграл Всеволод Бобров. А о его партнерах порой ни слова. Даже его замечательные товарищи по хоккейной тройке подчас принижались, замалчивались спортивными репортерами. Что уж говорить о других, менее талантливых спортсменах, совсем терявшихся на фоне ореола «звезды».

Я до сих пор не понимаю, как можно было «не замечать», например, Николая Хлыстова, этого невысокого, быстрого, техничного парня, умеющего использовать хлесткий удар Алексея Гурышева. О Гурышеве, как большом мастере, говорили и писали более чем достаточно. И он

это, конечно, заслужил. Но как часто забывали маленького Колю Хлыстова! А ведь сошел Хлыстов, и сразу же не стало былого Гурышева, грозного нападающего, опасного для всех вратарей.

Ну, бог с ними, с неискушенными любителями спорта, бог с ними, теми репортерами, кто видел на поле только «звезды». Но ведь этой «звездной» слепоте были подвержены и некоторые руководители нашего хоккея.

Вспоминается трагикомическая, история.

1953 год. Наши хоккеисты приняты в Международную федерацию хоккея. Цюрих ждет участников предстоящего первенства мира. С особенным нетерпением ждут сборную СССР: новички всегда интересны. Тем более что совсем недавно, неделю назад, советские хоккеисты выиграли в Вене студенческие игры, победив сильные команды Чехословакии и Польши со счетом 8: 1 и 15: 0.

Интерес к предстоящему чемпионату мира все возрастал. Мы с волнением готовились к первым трудным испытаниям.

И вдруг нам объявили, что в Цюрих команда не поедет: болен Всеволод Бобров. А без Боброва, были уверены руководители нашего хоккея, мы победить не сможем.

В коллектив» в команду сильнейших хоккеистов страны не верили. Верили в одного хоккеиста. Обидно!

Я был потом в Цюрихе. Смотрел все игры. Турнир проходил в два круга. И тогда был уверен и сейчас верю, что мы могли выступить успешно: команда была готова.

Нас, тренеров и спортсменов, такой «коллективизм» не устраивал. Мы чувствовали всю несправедливость взаимоотношений игроков, установившихся в то время в некоторых хоккейных командах. Нам было ясно, что коллективизм и у нас должен быть до конца последовательным, точно таким же, как в любом коллективе советских людей.

Солист или трио?

Но если принцип построения нападающей тройки 1 + 2 (один лидер забивающий и два ему подыгрывающих) мы отвергаем, то как, «а каком принципе строить тогда тройку нападения? Может быть, составить ее из трех асов – трех Бобровых? Тем более что со временем игроков высокого класса стало больше. Но могут ли играть в одном звене три Бобровых, три замечательных, но совершенно похожих друг на друга, по своей игровой атакующей манере мастера? Думаю, что нет. А вот три незаметных, классно подыгрывающих Бабича могут. Да еще как! Против такой тройки, уверен, не устояли бы самые сильные и опытные защитники мирового хоккея. Ибо подыгрывающий Бабич умел все – и мастерски завершать атаки, и давать партнерам неожиданные и коварные пасы, и играть, если нужно, в обороне.

Когда звено составляют три сильных, творчески разнообразных хоккеиста, которые понимают, что независимо от их силы они в команде и в тройке равны, то такое звено представляет собой значительно большую опасность для соперников, чем то звено, где играют тоже три таких же сильных мастера, но два из них при этом понимают, что они обязаны подчинять свою игру лидеру, играть на него. Конечно, не всегда и далеко не в каждой команде можно составить» тройки по принципу «трех Бабичей». Обычно кто-то из хоккеистов оказывается сильнее. Но и тогда роль этого сильного не должна подавлять «партии» своих товарищей. Продолжая сравнивать хоккей с оперой, я бы сказал, что в хоккее солирует не один, а трио.

Приведу пример из практики команды ЦСКА.

В звене «Б» у нас играли Леонид Волков, Валентин Сенюшкин и Анатолий Фирсов. Не секрет, что Фирсов был индивидуально самый сильный хоккеист в этом звене. Но манера его игры такова, что он никогда не просил играть на него, а сам с огромным удовольствием играл на своих; товарищей. Такие взаимоотношения в команде укрепляют как всю тройку, так и авторитет ее лидера, играть с которым становится и полезно и интересно. В нашей команде принято поощрять за игру на партнера, за заботу о товарище. Тем самым мы стимулируем коллективные действия. Ведь каждому хочется быть отмеченным и тренерами и друзьями, получить высокую оценку своих действий.

При таком подходе к игре изменилось и смысловое содержание паса. Теперь хоккеисты стремятся не просто отдать пас, а ищут такую ситуацию, в которой этот пас будет особенно удобен и полезен партнеру. И, отдавая шайбу, они снова тут же спешат на помощь товарищу, открываются, отыскивая свободное место.

Мало того, теперь спортсмены все чаще «жертвуют» собой ради партнера. Владея шайбой, они идут на столкновение с соперником (рискуя даже получить ушибы), ввязываются в силовую борьбу у борта, чтобы создать наиболее удобное положение товарищу по звену.

Для меня хорошей проверкой чувства товарищества у спортсменов является их реакция на забитую шайбу. Я смотрю, рады ли хоккеисты успеху товарища, рады ли они, что их партнер стал автором гола, разделяют ли они его счастье. И что бы там ни говорилось, что взрослым мужчинам, атлетам, спортсменам целоваться на поле не пристало, я знаю, что когда Александров целовал Сашу Альметова или Саша Веню, то за этими проявлениями дружеских чувств самая искренняя признательность товарищу за то, что он завершил их общие усилия, и – соответственно – благодарность за хорошую передачу, за помощь.

Именно нашим, современным пониманием коллективизма обусловлена во многом та тактическая идея, которая определила сущность игры сборной СССР на чемпионате мира и Европы в Вене.

И раньше, до этого чемпионата, мы использовали тактику силового давления. Вспомните, пожалуйста, как в матче с чехословацкой командой в Любляне эта тактика принесла нам успех на первых же минутах.

Однако тактика силового давления в нашем понимании: совершенно не похожа на ту тактику силового давления, которую изобрели на родине хоккея – в Канаде.

Принципиальное отличие заключается в том, что канадские защитники фактически не участвуют в решении игровых задач, связанных с этой тактикой, они быстро раскрывают зону, действуют позиционно, не ввязываются в рискованную борьбу, теряют территорию. Наши же защитники, запирая соперника в его зоне, довольно активно участвуют в атаках. Вспомните, например, что первая шайба в ворота чехословацкой команды в Любляне была заброшена после того, как А. Рагулин овладел шайбой в углу поля.

В нашей интерпретации тактики в силовом давлении участвуют пятеро хоккеистов, а у канадцев – лишь трое. Но втроем против пятерых – в матче равных команд успеха не добьешься.

Иначе трактуем мы в этой тактике и смысл силового столкновения: если у канадцев игрок сталкивается только для того, чтобы отделить соперника от шайбы, то наш, сталкиваясь, должен не терять контроль над шайбой, а второй хоккеист у нас при этом старается не только подхватить шайбу, но следить и за тем, чтобы прервать пас, если контратака соперника все-таки удастся. Наконец, третий игрок у канадцев главным образом перекрывает борт, мы же призываем наших хоккеистов опекать кого-то из соперников – того, кто может участвовать в атаке.

Довольно часто использовали мы в ответственных матчах и прессинг в собственной, своеобразной интерпретации.

Но вот после Любляны появилась идея сочетания этих двух тактических идей.

До сих пор мы, как правило, использовали лишь какую-то одну, хотя иногда в некоторых матчах, в разные игровые отрезки применяли поочередно обе. Подсчитав с карандашом в руках свои ресурсы, мы пришли к выводу, что такая «двойная» тактика наиболее полно раскрывает наши возможности и явится полной неожиданностью для соперников.

Было ясно, что наши хоккеисты при такой игре смогут всем составом хорошо накатываться, а это очень важно, ибо, накатываясь, мы вместе с этим «укатываем» и соперника, и, стало быть, перед командой открывается множество «зеленых улиц» – самое важное условие для многочисленных пасов, главное оружие советского хоккея.

Высокая сообразительность, инициатива спортсменов – неперемнное требование той манеры игры, к какой мы хотели перейти, но этого у нас, слава богу, хватает. В ходе такого скоростного катания мы смогли с большей эффективностью выполнить свои творческие задумки.

Эта наша тактика явилась глубочайшей неожиданностью для соперников, и сборная ЧССР

так и не смогла тогда, в Любляне, да и позже, в Вене, найти необходимые контраргументы.

Могут ли у нас быть «звезды»?

Конечно, могут!

Встречаясь со мной, Морис Ришар высказывал опасение, что при нашем коллективизме может произойти нивелировка хоккеистов. Ему почему-то показалось, что такой коллективизм не способствует расцвету личности, появлению ярких талантов.

Прав ли Морис Ришар?

Да несколько! В любом матче каждому игроку предоставляется возможность показывать все свое мастерство, все свое умение. И зрители, и спортивные обозреватели, и специалисты по достоинству смогут оценить его класс. Особенно большая ответственность падает на хоккеиста, когда он один, когда никто помочь ему не может. Наверное, любители спорта, бывающие на играх нашей команды, уже заметили, что едва лишь ЦСКА оставался в численном меньшинстве, как на поле немедленно появлялся Александр Альметов. Этому мастеру не было равных в индивидуальной борьбе, в умении подержать шайбу, в искусстве защищаться против численно превосходящих США соперника. А. Альметов не солист, но это игрок экстра-класса, «звезда» в хорошем смысле слова.

Под статью Александру и его друзья по тройке Константин Локтев и Вениамин Александров. Разносторонние, техничные, умные, эти нападающие поразительно дружны. Среди них не было игроков подыгрывающих и игроков, забивающих шайбы. Они прекрасно умели и то и другое. И я понимаю, как трудно было играть соперникам против этой тройки.

Творческий почерк этих трех хоккейных асов различен. Они отличались друг от друга и своей игровой манерой, и обводкой и финтами, и привычкой по-своему держать клюшку. Но они были едины в главном – во взглядах на общие принципы игры, они одинаково понимали хоккей. И оттого их согласованность в действиях носила уже во многом интуитивный характер.

Порой неискушенные любители хоккея, да и не только они, но и некоторые спортивные комментаторы задаются вопросом: кто выиграл бы, если против Бабица, Шувалова и Боброва сыграли бы Локтев, Альметов и Александров?

Вопрос, конечно, наивный. Не те времена, и не тот хоккей. Локтев, Альметов и Александров, безусловно» умеют все, что умели их предшественники, но, кроме того, они пошли и дальше (не могли не пойти: ведь хоккей в целом, как и жизнь, прогрессирует!).

Возьмем хотя бы Александра, его и сейчас называют вторым Бобровым, но играет Александров иначе. Он сумел избавиться от увлечения индивидуальной игрой. И о нем, как и о Локтеве и об Альметове, не скажешь, что кто-то на него работает. Он сам может и любит играть на товарищеской и остается при этом ярчайшей «звездой» на хоккейном небосклоне.

Я говорил уже, что при игре в одно касание игрок может оставаться в тени. Но вот когда в одно касание играло звено Альметова, то разве можно, например, не заметить Александра! Вы посмотрите только, как и сейчас удивительно четки, остроумны и коварны его пасы, как поразительно точны они по силе и неожиданны по решению.

К такому пониманию коллективизма, когда спортсмены, не стараясь выделиться, буквально забывая о себе, делают все возможное, чтобы партнер мог сыграть успешно, долгое время никак не могли привыкнуть специалисты хоккея на Западе.

Поскольку в советской команде все играли с равным мастерством, пусть не эффектно, но зато исключительно эффективно (стали чемпионами мира!), то дело порой доходило до курьезов. Правда обидных для нас курьезов.

Так, например, жюри первенства мира 1963 года, проходившего в Стокгольме, решило вручить три приза лучшим игрокам турнира (лучшему вратарю, лучшему защитнику и лучшему нападающему), хоккеистам всех стран – призеров чемпионата, кроме... команды победительницы.

Один из руководителей Международной федерации хоккея, господин Ахерн, объясняя это решение, заявил, что в нашей команде нет «звезд», что у нас некому вручать приз.

Это нас здорово обидело. Господин Ахерн, уважаемый в мировом хоккее человек, допустил очевидную и грубую подмену понятий. У нас действительно не было в сборной

солистов (и мы гордимся этим!). Но ведь в сборной СССР было немало игроков экстра-класса, по-настоящему выдающихся хоккеистов.

Люди, решающие судьбы трех призов лучшим игрокам турнира, просто не поняли, что у нас этот приз можно было вручить чуть ли не каждому спортсмену. Все были равны, все сыграли здорово! Уж никак не хуже прославленных хоккеистов из других команд.

В следующем году на Олимпийских играх в Инсбруке наши хоккеисты вновь стали чемпионами. И снова организаторы турнира не могли решить, кого же из советской команды нужно награждать специальным призом. Тогда было принято соломоново решение: отдали приз капитану нашей сборной Борису Майорову, чтобы он передал его в команду, и тогда мы сами решили, кто же у нас был сильнейшим.

На общем собрании хоккеисты согласились с тренерами, что приз надо передать Эдуарду Иванову. Конечно, все играли самоотверженно, все до конца отдавали свои силы победе. Все действовали с огромным мужеством, все, когда было нужно, ложились под шайбу, закрывая ей путь в ворота. Но даже в этой дружной и самоотверженной команде выделялся своим поразительным мужеством Эдуард Иванов.

Он бросался под шайбу не только тогда, когда это было уже необходимо. Эдуард сам непрерывно искал возможность проявить свое мужество, самозабвенно, с эдаким ухарством, не жалея себя, бросался с открытым лицом под броски шайбы, не щадил себя в поисках жесткого единоборства. И все это он делал с улыбкой. И тем самым вдохновлял своим энтузиазмом остальных.

В 1965 году в Тампере стало известно, что мы станем чемпионами мира за тур до окончания соревнований. И к нам, руководителям советской команды, обратились организаторы турнира с просьбой назвать им лучшего, на наш взгляд, нападающего нашей сборной.

Вместе с Аркадием Ивановичем Чернышевым, старшим тренером сборной СССР, мы проставляем оценки хоккеистам за каждую встречу. По своей игре, по сумме набранных баллов среди других наших нападающих выделялись трое – Александр Альметов, Константин Локтев и Вячеслав Старшинов.

Все обдумав и все взвесив, мы решили рекомендовать Старшинова.

Почему? Потому, что Вячеслав в этом турнире показал не только игру выдающегося мастера, но и проявил себя замечательным товарищем. Он сделал все, что от него зависело, чтобы помочь дебютанту первенства Анатолию Ионову. Вячеслав хорошо понимал, как волнуется его молодой товарищ, и потому в каждой встрече, в каждом игровом моменте давал – незаметно, ненавязчиво – понять Толе, что он, новичок, нисколько не уступает в мастерстве своим опытным товарищам. Он помог Ионову войти в игровой ансамбль как равному и тем самым дал Анатолию возможность играть в полную силу.

А на первенстве мира в Любляне, где мы в четвертый раз подряд стали чемпионами мира, нашей команде уже вручили не один, а два из трех индивидуальных призов – приз лучшего нападающего получил Константин Локтев, а приз лучшего защитника – Александр Рагулин.

Так же два приза из трех достались нашим хоккеистам и на венском чемпионате мира. Виталий Давыдов был объявлен лучшим защитником, а Анатолий Фирсов – сильнейшим нападающим. Так – под влиянием убедительных побед советского хоккея – изменились взгляды и вкусы тех, кто когда-то утверждал, что у нас нет ярких талантов. Ничего не скажешь – любопытная и приятная эволюция некоторых концепций!

Еще об одной «звезде»

Итак, и сегодня в нашем хоккее есть «звезды». И среди них, парней, глубоко любящих хоккей, преданных этой игре, на мой взгляд, выделяется своим особым фанатизмом, увлеченностью Анатолий Фирсов.

Несколько лет Фирсов входит в число лучших. Он олимпийский чемпион, четырежды чемпион мира и Европы, несколько раз получал медали победителя первенства СССР, о нем много пишут и говорят, но слава ни в коей мере не испортила его. Безусловно, это самая далекая от «звездной» болезни «звезда». Конечно, Анатолий не меньше других радуется

успехам команды и своим успехам, но эта радость, это упоение победой не сбивают его с толку, не порождают зазнайства. Первые шаги в спорте Толя делал в спортивном коллективе завода «Красный богатырь». Там он двенадцатилетним парнишкой играл в хоккей с мячом.

Знакомство с шайбой началось в «Спартаке». Затем в 1961 году Анатолий пришел в ЦСКА, я здесь полностью раскрылся его необыкновенный спортивный талант. Фирсов стал «звездой» первой величины.

В игре Анатолия поражает его скорость. Прежде всего скорость мысли. Порой мне кажется, что игра Фирсова состоит из непрерывного ряда озарений: в горячей, напряженной обстановке, мгновенно ориентируясь, он находит самые неожиданные решения. Затем скорость исполнения того или иного технического приема, паса, обводки. И в-третьих, скорость бега. Три скорости, взятые вместе и перемноженные. Он мыслит в игре, не отделяя задуманное от исполнения, думает синхронно с действиями и действует синхронно с поисками правильного решения.

В матче Анатолий всегда очень разный. Даже партнеры по звену, хорошо как будто знающие товарища, никогда не могут с определенностью сказать, что сделает он в следующее мгновение, и потому они стараются быть всегда наготове, всегда ждут от Фирсова паса.

Толя поразительно восприимчив ко всему новому, никогда не удовлетворяется уже найденным и апробированным. Помню, весной 1963 года после чемпионата мира я решил использовать его ловкость, предложил ему новый финт – «конек – клюшка». Суть его в том, что хоккеист, владеющий шайбой, вдруг пронесит клюшку над шайбой, как бы теряя ее, и затем, усыпив внимание соперника, коньком подтолкнет шайбу вперед, к клюшке. Технически довольно трудная штука. Это мое предложение осложнялось еще и тем, что Анатолий играет на левом крае и, стало быть, «удобной» правой ногой он мог подтолкнуть шайбу только к борту, но не к воротам – по кратчайшей прямой.

И тем не менее уже через неделю в очередном матче Толя с блеском продемонстрировал этот финт. И подталкивал он шайбу... левым коньком. Чтобы читатель понял, насколько это трудно, скажу, что финтом «конек – клюшка» в нашем хоккее в совершенстве владеет до сих пор один лишь Фирсов.

И дело, конечно, не только в одной одаренности Анатолия. Успехи Фирсова объясняются его... жадностью к хоккею. Ему всегда не хватает времени. И на тренировке. И в игре. После каждой тренировки он вместе со своими юными партнерами по звену Володей Викуловым и Витей Полупановым остается минут на 15–20 «повозиться» с шайбой. От него чаще всего я слышу просьбу позаниматься с его тройкой дополнительно. Тренируется он и в те дни, когда остальные хоккеисты на лед не выходят, использует любую свободную минуту для занятий.

На тренировках Фирсов работает с полной нагрузкой. Склонен к силовой борьбе. Более всего любит проверить себя на самых наших могучих защитниках – А. Рагулине, О. Зайцеве.

В минувшем сезоне Фирсов провел свыше ста игр, и все-таки, когда я говорю, что он должен отдохнуть и потому в очередном матче участвовать не будет, на меня смотрят обиженные и печальные глаза Анатолия, и в них – молчаливый упрек тренеру: неужели нельзя

поставить на игру?

В ходе матча Фирсов охотно принимает жесткую борьбу. И это совсем не случайно: среднего роста, худощавый, Толя внешне никак не напоминает гиганта, склонного во всех случаях демонстрировать свою исполинскую силу. Во вкусе Фирсова к жесткой игре проявляется его понимание законов развития хоккея, чувство времени: как бы ни затягивалось решение вопроса о встрече канадских профессионалов и советских хоккеистов, встречи эти не за горами. И Фирсов сам, без чьей бы то ни было подсказки готовится к ответственным матчам.

Когда речь идет о Фирсове, нужно сразу же сказать и о той роли, которую играет в спортивной подготовке этого мастера его жена. Надя, пожалуй, не хуже тренера знает, как важно хоккеисту соблюдать строгий режим, и потому делает все возможное, чтобы помочь мужу. В этой семье к хоккею относятся серьезно, им увлечены по-настоящему, и даже пятилетняя дочь Фирсовых Иришка сидит у телевизора, когда транслируется матч, где играет папа: она уже знает половину игроков нашей армейской команды.

Говорить с Толей Фирсовым о необходимости строгого спортивного режима было бы по меньшей мере странно. Его любовь к хоккею исключает даже самую возможность каких-либо отступлений от намеченной программы подготовки к соревнованиям. Я знаю, что в те дни, когда у нас тренировки нет, Толя сам позанимается столько, сколько ему нужно. У него даже дома есть штанга, и надо сказать, что у штанги не бывает выходных дней.

Но глубоко ошибается тот, кто вдруг подумает, что для хоккеиста Фирсова все интересы замыкаются на собственной личности. Совсем нет! Комсорг сборной СССР Фирсов стал отличным и добрым учителем для своих младших товарищей Викулова и Полупанова. Он не только на тренировке или в игре следит за ними, помогает им, учит их. Он даже отпуск с женой планирует так, чтобы поехать отдыхать вместе со своими молодыми партнерами (кстати, Анатолий еще и сам молод, он родился в 1941 году).

Лейтенант Анатолий Фирсов мог, я не сомневаюсь, стать лучшим нападающим турнира и в Любляне. Но он прежде всего думал о своих юных друзьях и потому делал все, что от него зависело, для успеха дебютантов сборной.

Убежден, что человеческая добропорядочность Анатолия Фирсова, его жадный интерес и великая любовь к игре позволят ему долго и ярко служить нашему хоккею, передавая одновременно бесценный свой опыт юным спортсменам. И не случайно на каждой тренировке именно около Фирсова чаще всего собирается молодежь.

Возврат к старому?

Расскажу, как Анатолий Ионов попал в сборную страны в 1965 году.

Перед началом первенства мира по хоккею, которое проходило в небольшом финском городке Тампере, стало ясно, что в сборной открылась вакансия: Евгений Майоров не может выступать в ее составе. В то время как всё его товарищи, непрерывно совершенствуя свое мастерство, с каждым годом играли все надежнее и увереннее, Евгений не рос как хоккеист. Он и раньше был значительно слабее своих партнеров по звену, но мы вынуждены были мириться с этим: не было более сильной замены. Но вот несколько хоккеистов по классу своей игры «достали» Евгения. Кроме того, и это очень важно, изменился характер нашей игры: современный хоккей требует, чтобы каждой спортсмен был бойцом. А Евгению не всегда хватало силенки и выдержки. Были выдвинуты два кандидата – Анатолий Ионов и Юрий Моисеев. Оба они играют в одной тройке ЦСКА. Я не раскрою, видимо, большой тайны, если расскажу, что вначале тренерский совет склонялся в пользу Моисеева. Юрий – талантливый, очень быстрый хоккеист. Прирожденный крайний нападающий. Необыкновенно устойчив на коньках, он после самых резких столкновений с защитниками все-таки умудряется не потерять шайбу, может эффективно обойти нескольких соперников и создать голевую ситуацию. Своей подвижностью Моисеев буквально вымучивает соперников.

Анатолий Ионов

Всеми качествами опасного нападающего обладает и Анатолий Ионов. Правда, проявляются они у него менее эффектно. И поэтому, играя в одном звене с Моисеевым, Анатолий както теряется на фоне бурной, темпераментной, искрометной игры Юрия. Создается зрительное впечатление, что Моисеев играет просто лучше. И потому на его долю так часто достаются аплодисменты зрителей.

Однако все эти хорошие качества Юрия Моисеева подчас мешают ему. Увлекаясь индивидуальной игрой, он может порой и забыть о товарищах, передержать шайбу, опоздать с пасом.

Нам же в сборной команде нужен был спортсмен, который, играя рядом с Вячеславом Старшиновым, хоккеистом, как нам подсказывало чутье, «среднего и ближнего боя», то есть с хоккеистом, особенно опасным вблизи ворот соперника, был бы в состоянии постоянно создавать Старшинову условия для взятия ворот, сам оставаясь как бы в тени.

И потому звено это усилилось не только оттого, что Ионов заменил Евгения Майорова, но и оттого, что в новом амплуа еще ярче засверкал талант Старшинова.

Я сомневался, что Юрий Моисеев сможет до конца подчиниться такому тренерскому замыслу. Но был уверен, что Ионов при его скромности и необыкновенной доброжелательности к людям, при его внимательнейшем отношении к товарищам, при его искреннем желании всегда играть так, как это нужно коллективу, с этой задачей справится.

Так и получилось. Анатолий успешно дебютировал в чемпионате мира и играл, прямо скажем, здорово.

И вполне справедливо ему было присвоено звание заслуженного мастера спорта.

Все получилось правильно и закономерно! Скромный, не рвущийся к славе хоккеист, спортсмен, исповедующий принципы подлинного хоккейного коллективизма, получал и всеобщее признание и общесоюзную известность.

Но не противоречит ли все только что сказанное тому, о чем я говорил несколько ранее? Нет ли здесь, в этом нашем тренерском замысле – Ионов играет на Старшинова, – возврата к игре на «звезду», подчинение роли одного хоккеиста другому?

Такого возврата здесь нет. Мы не против того, чтобы один хоккеист играл на другого, умело использовал и раскрывал его сильные индивидуальные качества. Мы не против этого! Но при одном неперемennom условии: чтобы не только первый работал на второго, но и второй на первого. Вот что важно!

В. Старшинов не только здорово использовал помощь Ионова, но и сам помогал ему. Так, в самых ответственных матчах с командами Швеции и Канады Толя Ионов забил четыре шайбы

и две из них с подачи Старшинова. Мы за талант, который умело питается соками партнеров, но и сам в такой же степени умеет и любит играть на товарищеской!

И не надо, мне кажется, выделять одного нападающего, забросившего много шайб, если его успех по праву делят с ним его товарищи.

Перед поездкой в Вену мы проводили товарищеский матч со сборной Швеции в городе Лександе. Из восьми шайб пять в тот вечер забросил Вячеслав Старшинов. И журналисты, после возвращения команды в Москву написав много об этом успехе Старшинова, ничего не написали о том, кому Слава обязан этой своей необыкновенной результативностью. Ведь все пять шайб были им заброшены так или иначе с участием Бориса Майорова. Борис жертвовал собой, шел на жесткую блокировку соперника, проявляя мужество, терпение и находчивость. Слава забросил две шайбы между ног шведского вратаря, но вратарь ничего не мог поделать, потому что рядом с ним маячил, мешал ему, сбивал его с толку, отвлекал на себя Майоров. Кстати, в этот день завязалась дуэль Бориса со Штольцем, и обычно хладнокровный швед был выведен из равновесия. Майоров все время атаковал и атаковал соперников, постоянно давал отличные пасы партнерам. В этой встрече наш капитан заслужил самую большую похвалу.

Я написал эти строки не для того, чтобы укорить в чем-то Вячеслава. Ни в коем случае. Речь здесь только о том, повторяю, что нельзя забывать простую истину: хоккей – спорт коллективный.

Так воспитывается коллективизм

Настоящий коллективизм (в том числе и в хоккее!) – это единая цель, единая мысль, единая воля, единая дисциплина наконец. И тот, кто более одарен, кто больше знает и умеет, должен нести и большую ответственность за дело всего коллектива. Вот почему мы, тренеры, взяли на вооружение один из основных макаренковских принципов воспитания: как можно больше уважения к человеку, как можно больше требовательности к нему. Кто лучше владеет клюшкой, кто лучше играет, с того и спрос больше. Ведущий мастер должен помогать своему партнеру совершенствовать мастерство, подстраховывать его в игре. Раньше коллективизм в ряде наших команд был, если так можно выразиться, «вымученным». Спортсмены играли коллективно потому, что таков был приказ тренера, но удовольствия от своей игры они подчас совсем не получали.

Мы – за коллективизм естественный, когда хоккеисты получают удовольствие от дружной игры, игры, в которой все уважаются в равной степени.

Настоящий коллективизм, товарищеская взаимовыручка, постоянная готовность немедленно и бескорыстно помочь товарищу воспитываются прежде всего самой атмосферой всей нашей жизни.

Когда спортсмен читает в газетах, видит и слышит, как помогают друг другу в повседневной обстановке его товарищи по работе, друзья, знакомые и незнакомые люди, он особенно ясно и отчетливо понимает, что подобные отношения – обычная норма нашей жизни, что отступления от них – это нарушение одного из главных принципов коммунистической морали.

Занятия в институтах, в вечерних школах, техникумах, повышая общеобразовательный и культурный уровень спортсменов, расширяют их кругозор, помогают им более верно и правильно оценивать отношения между людьми, видеть подлинную ценность каждого человека. И институт и школа, обогащая своих питомцев всеми теми богатствами, которые на протяжении веков копило человечество, незаметно, исподволь воспитывают в них чувство подлинного коллективизма.

Немало значит, и особенно для молодых хоккеистов, пример старших, опытных товарищей. Когда наши мальчишки, юнцы, только что пришедшие в команду, видят, как коллективно, в пас, в одно касание, без сожаления расставаясь с шайбой, оставаясь подчас незаметными исполнителями, играют такие выдающиеся мастера, как Вениамин Александров и Борис Майоров, Вячеслав Старшинов и Анатолий Фирсов, то они не могут не понимать, что именно так и нужно играть.

Важную роль в воспитании коллективизма в действиях наших армейских хоккеистов

играет и стимулирование за игру на партнера, за заботу о товарище.

Мы отказались от негласного соревнования хоккеистов, похожего на соперничество отдельных игроков. Оно у нас заменено соревнованием звеньев. Звено, играющее наиболее удачно, коллективно, по-настоящему современно, мы стараемся выделить, отметить как лучшее, достойное подражания.

Одним из самых интересных стимулов для хоккеистов ЦСКА является получение рекомендации в сборные команды страны.

Несколько лет назад мы ввели у себя правило или, может быть, традицию, не знаю, как это и назвать, включать спортсмена в сборную СССР только после одобрения его кандидатуры всем коллективом. На общем собрании хоккеисты довольно энергично обсуждают каждого кандидата в сборную. И тут уж берегись себялюбец или карьерист!

Кстати, история, включения в сборную Советского Союза Анатолия Ионова, то обстоятельство; что при обсуждении кандидатур на поездку в Тампере предпочтение (при прочих равных достоинствах) было отдано самому скромному и доброму товарищу, тому, кто чаще других бывал в игре как будто бы незаметен, заставит, видимо, задуматься тех спортсменов, кто рвется в сборные города или области, республики или страны, забывая о друзьях, о своих партнерах.

Коллективизм в хоккее – это, конечно, не только игра в одно касание, игра на партнера, не только забота о товарище в ходе жаркого хоккейного поединка. Коллективизм в хоккее – это и отношения между спортсменами за пределами хоккейной площадки. Это ответственность каждого человека перед коллективом, перед командой за самого себя. За свою учебу в школе или в институте. За свои успехи в труде, в военной службе. За свои дела, за свои поступки.

Хочу пояснить эту мысль на примерах. Принимая сборную страны, мы вместе с Аркадием Ивановичем Чернышевым изложили кандидатам свои требования. Перечисляя их, мы говорили о тех больших самоограничениях, без точного и строгого исполнения которых немислимо достичь высот мастерства в современном спорте. Готовы ли спортсмены их принять? Мы просили сразу, не подумав, не отвечать. Требования серьезные, и хоккеисты должны были это понять. На раздумья дали три дня, и когда ребята, кандидаты в сборную команду, обещали отдать все свои силы предстоящей борьбе за мировое первенство, обещали отказаться от того, что может хоть сколько-нибудь помешать их подготовке, то это прозвучало как обет, как клятва.

Предсезонный сбор в тот год проходил на юге, в Алуште. Соблазнов было много. И далеко не все кандидаты в сборную сумели сдержать свое слово. Были случаи нарушения режима дня, уклонения от тренировок и даже ссоры между отдельными игроками. И когда осенью решался окончательный вопрос укомплектования сборной, мы приложили все усилия, чтобы в ее состав не попали те, кто не очень-то уважительно относился к спортивному режиму, к установленным с общего согласия порядкам, ну и, конечно, не были допущены в команду люди с тяжелым характером.

Кстати сказать, с каждым годом все большую и большую роль при отборе кандидатов в сборную играет психологический фактор – ведь победы добивается только дружный, сплоченный коллектив, а игроки, даже большие мастера, но обидчивые, угрюмые, способные затеять ссору, приносят команде не столько пользу, сколько вред. И тут, мне кажется, важно учитывать любые мелочи. И всегда очень требовательно относиться к спортсменам – ко всем независимо от их мастерства и звания.

Глубокой осенью 1962 года, готовясь к первенству мира, мы совершали турне по Канаде. Команда наша, выступающая в значительно обновленном и омоложенном составе, играла успешно: в десяти встречах мы добились девяти побед.

Но вот стало известно, что три наших нападающих – Александр Альметов, Константин Локтев и Виктор Якушев, нарушая обет, данный торжественно коллективу, тайком курят.

Собрание команды было бурным. Все трое клятвенно заверяли, что никогда никаких срывов спортивного режима они не допустят. Что нужно было делать – простить нарушителей или наказать их?

Считаю, что решение тогда было принято правильное: Альметова и Якушева оставили в команде условно, до первого замечания. А капитана команды Локтева из сборной вывели. Ведь

он был капитаном! И, поймите правильно, отчислили не за курение. А за обман коллектива. За нарушение клятвы. За то, что, будучи капитаном, служил плохим примером для молодых игроков.

И в этом решении я вижу проявление подлинного коллективизма. Сурового, требовательного. Но прямого, честного! Легче, конечно, было простить уважаемого человека и сильного спортсмена... Легче, но... способствовало бы это укреплению команды? Думаю, нет.

А почему оставили в команде Альметова и Якушева? Может быть, побоялись, что потеряем целую плеяду талантливых мастеров? Нет, не поэтому. Ведь наказание прежде всего преследует цели воспитания человека, и мы верили, что Александр и Виктор поймут, какое доверие оказывают им товарищи, оставляя их в коллективе.

Советские хоккеисты стали в том сезоне чемпионами мира, хотя в команде не играл один из лучших нападающих страны – Локтев.

Хочу отметить, что спустя некоторое время Константин вернулся в сборную. Своей игрой, своим отношением к товарищам, строгим исполнением всех требований коллектива он честно заслужил это право. А в сезоне 1966 года он был признан лучшим нападающим мира. Наказание не убило его, а помогло ему выровняться, повзрослеть. И это еще раз подтвердило справедливость нашего решения.

Хочу рассказать еще об одном случае неуважения к коллективу и реакции команды на него.

Может быть, поклонники ЦСКА заметили, что во всех последних играх сезона 1965 года в составе армейской команды не выступал вратарь Виктор Толмачев.

Раскрою секрет. По решению всего коллектива Виктор был удален из команды на полтора месяца.

На тренировке Толкачев не выполнил распоряжения тренера Бориса Павловича Кулагина и, разговаривая с ним в присутствии всего коллектива, бросил такую фразу: «Я – основной вратарь... Уйду, еще пожалеете...»

Это обидело ребят, и они сказали Виктору, что и играть-то с ним больше не хотят. Они предложили отчислить Виктора из команды. И только после того, как Толмачев, поняв, видно, что ведет себя нечестно, не по-товарищески, попросил у всех прощения, было решено ограничиться удалением Толмачева на полтора месяца до конца сезона.

Измена коллективизму, неуважение к коллективу всегда бывают наказаны...

Такова логика нашей жизни. И потому в нашем хоккее торжествуют принципы спортивного коллективизма. Такого, подчеркиваю, коллективизма, который вовсе не исключает, а, напротив, предполагает свободный и полный расцвет талантов.

ЧТО ЕСТЬ МУЖЕСТВО?

«Духовная» крепость

Овладев шайбой, наши соперники сразу бросились в атаку. Они хотели с первых минут встречи навязать армейцам свою волю, свой ритм игры, стать хозяевами положения.

Оборона ЦСКА приведена в боевую готовность. Все понимают, как важно сдержать этот первый порыв соперника. Первая атака отбита. Но нападающие противника снова выскакивают на удобную позицию, и тугая литая шайба с огромной скоростью летит в ворота. Я знаю, как хочется увернуться, укрыться от этого маленького снаряда, но, закрывая собой ворота, защитник армейцев бросается вперед и принимает шайбу на грудь. Свисток судьи останавливает игру. Защитник поднимается, и я перехватываю его едва уловимый взгляд в нашу сторону...

Мне грустно и обидно. Этот здоровый и сильный парень просит отметку за свое мужество, беспокоится, что мы вдруг не заметим его бросок под шайбу...

В «Толковом словаре» Даля сказано: «Мужество – стойкость а беде, духовная крепость, доблесть; храбрость, отвага, спокойная смелость в бою и опасностях; терпение и постоянство».

В этом, подробном, раскрытии понятия «мужества» я всегда выделяю для себя два

последних определения – терпение и постоянство.

В самом деле, ведь мужество – это не только проявление в ходе матча смелости, доблести, самоотверженности. Этим качеств, продемонстрированных в ходе жаркого, захватывающего своим напряжением хоккейного поединка, еще мало, чтобы можно было назвать человека по-настоящему мужественным: если спортсмен будет вести себя на поле трусливо, то зрители его просто освищут, а тренер снимет с игры. Такую трусость не простят и товарищи по команде. Вот именно поэтому мужество и может быть подчас не идущим от сердца, а показным, как у того защитника, о котором я только что рассказывал.

Мужество – это прежде всего колоссальное трудолюбие. Творчество ежедневное, напряженное.

Мужество в хоккее – это регулярные тренировки. Работа с выдумкой, с огоньком, а не просто от сих до сих. И как бы тебе ни хотелось отдохнуть, сделать себе какое-то послабление, каким бы плохим ни было твое настроение, ты не должен, не имеешь права выбиваться из тренировочного ритма и испортить настроение своим товарищам.

И если ты не можешь закрепиться в основном сен ставе, если рядом есть более сильные, если тебе не повезет, случится беда и ты выйдешь из строя, не сможешь играть неделю, месяц, два, ты все равно будешь работать с прежней отдачей сил, чтобы вернуться в свой коллектив.

Долгая дорога в сборную

Двенадцатый сезон играет в ЦСКА защитник Володя Брежнев. Сложный и интересный характер у этого парня. Сложная и очень нелегкая спортивная судьба у него.

Старший лейтенант Брежнев стал чемпионом мира, заслуженным мастером спорта, удостоен правительственной награды. И все это пришло к нему в тридцать лет. А до этого он восемь лет – настойчиво, упрямо – шел к своей цели, к высотам мастерства.

О, это был совсем не гладкий путь!

Владимир Брежнев

Впервые я услышал о Брежневе, когда он заканчивал действительную службу. Помню, ездил специально в Ленинград, чтобы посмотреть его в матче команды Ленинградского

института физкультуры с командой МВО, за которую он выступал. После той игры у меня осталось двойственное впечатление. Я сидел на скамье рядом с ним и видел, как переживает он успех или неудачу своих товарищей, как рвется он в бой, как тяжело ему было дожидаться своего выхода на лед.

Такая любовь к хоккею подкупала. Но играл он, пожалуй, не лучше других, хотя и выделялся своим атлетическим телосложением, своей силой. И объясняется этот парадокс тем, что, полюбив хоккей, Володя еще не научился отдаваться ему до конца. Кроме того, рассказали мне, Брежнев был не в меру самолюбив, капризен, болезненно реагировал на казавшиеся ему несправедливыми замечания тренеров и товарищей. Было, одним словом, о чем подумать, перед тем как сделать ему предложение. Ведь, например, тот же Владимир Исполнов, играющий с Брежневым в паре, был тогда, пожалуй, сильнее.

И все-таки мы пригласили Брежнева в ЦСКА.

У нас Володя многому научился. Освоил, познал немало «секретов» большого хоккейного мастерства. Изменился его характер. Я помню Володю Брежнева в первые дни пребывания в нашей команде вспыльчивым, обидчивым парнем. Наверное, психологически это можно понять: когда человек чувствует себя в коллективе неуверенно, ему порой кажется, что его не уважают, что над ним смеются, и потому Володя всегда с какой-то обидой воспринимал все шутки, улыбки ребят.

С годами Брежнев менялся. Росло его мастерство, и вместе со спортивным совершенствованием, вместе с Брежневым хоккеистом рос и Брежнев человек. И это было самым отрадным. Хоккей помогал человеку выпрямиться, поверить в свои силы, почувствовать себя полноценным членом коллектива.

Володя стал больше тренироваться. Не убегал от высоких нагрузок. Стал лучше играть. Некоторые матчи проводил просто с блеском. Был активен, бесстрашен, росла его огневая мощь: бросков Брежнева стали бояться все вратари.

Владимира включили кандидатом в сборную. В 1961 году он даже ездил на первенство мира. Но полноправным членом сборной страны он стать никак не мог. По уровню, своего мастерства Володя балансировал где-то между пятым и шестым защитниками нашего хоккея. (Напомню, что в составе сборной на Олимпийские игры или на чемпионат мира обычно выезжало пять игроков оборонительных линий.)

Володе не удавалось окончательно закрепиться в этой пятерке. Все, казалось, было у него для этого, и все-таки...

Позже мы поняли, в чем дело. Выяснилось, что Брежнев весьма болезненно переносил нервное напряжение последних тренировок. Как раз тех, где окончательно решалось, кто же из защитников поедет на мировой чемпионат. (Вот она, психологическая закалка спортсмена, которой мы не всегда уделяли должного внимания!)

Достаточно было Владимиру узнать, что тренеры видят в нем возможного кандидата в сборную, как Володя становился неузнаваемым. Слишком волновался и играл значительно хуже. Проводил контрольные встречи очень неровно, со срывами. И мы, тренеры, решали брать с собой того, кто выступал хотя и менее ярко, но зато более надежно.

Володя, конечно, на нас обижался.

Наверное, мы совершали ошибку. Конечно, мы обязаны были более внимательно присмотреться к этому хоккеисту. Понять его и помочь ему. Кстати, хочу, сказать, что могла бы нам тогда помочь и комсомольская группа хоккеистов ЦСКА. Его друзья, пожалуй, лучше нас должны были знать характер своего товарища. Уверен, что сейчас, когда так окрепла дружба внутри армейского коллектива, когда интереснее, разнообразнее и полезнее стала работа комсомольцев, такая история была бы невозможна: мы быстрее бы разобрались в его сложном характере.

...Наконец принято решение включить Брежнева в сборную страны. Но случилась беда. Перелом позвоночника. Сорок пять долгих дней провел он в больнице. Потом пришлось лежать еще дома.

Но Володя не чувствовал себя одиноким, покинутым или забытым. Товарищи постоянно навещали его, держали в курсе событий и новостей, напоминали, что очень ждут его, что он необходим команде. Такая забота товарищей удесятерила силы, укрепляла веру в себя. И

Володя вернулся в строй. И снова заиграл. Даже лучше, чем прежде.

В этом рассказе о Брежневе мне хочется подчеркнуть одну чрезвычайно важную мысль. Не попав в сборную, Володя, погоревав немного, начинал работать с полной отдачей сил, с удвоенной энергией. И это была работа не только и даже не столько на себя, сколько для команды. Он слишком предан был ей, чтобы позволить себе капризничать, расслабиться, работать меньше, чем следует.

Владимир Брежнев, хоккеист, на сине-красной фуфайке которого выведена крупная цифра 6, вносил и вносит большой вклад в победы армейских хоккеистов. Шесть раз ему по заслугам вручалась золотая медаль чемпиона СССР.

Для команды он готов на все. Он бросил курить в 27 лет, а курил до этого, кажется, целую вечность.

Володя стал спокойнее, покладистее. Научился себя контролировать. И если, как я рассказывал, с ним прежде порой даже боялись шутить, то сейчас он один из самых уважаемых и веселых людей в коллективе.

Володя – редактор и художник нашей стенгазеты.

Уже несколько лет газета хоккейной команды и ее боевые листки занимают первое место в конкурсах спортивного клуба ЦСКА. Мне нравится, как он работает: с выдумкой, энергично, творчески.

Вместе с человеческой добротой, с хорошим и спокойным характером пришли и новое отношение к игре, новая дисциплина и новое понимание хоккея. И совсем не случайно вошел Владимир в число ведущих защитников страны. Дважды он в составе команды становился чемпионом мира, ему присвоено высокое звание заслуженного мастера спорта СССР.

Спорт, хоккей помогли Брежневу воспитать характер, стать цельным, волевым и мужественным человеком. А его человеческое мужество, его терпение и постоянство помогли совершенствованию спортивного мастерства.

Поворот судьбы

Он не побоялся начать все сначала. Он, уже известный спортсмен, кандидат в сборную страны, ушел из одного вида спорта в другой. Туда, где еще ничего не умел. Где все надо было начинать сначала, с азов, буквально с нуля. И хотя встретили его скептически, хотя многие говорили ему, что он ошибся, поступил опрометчиво и даже глупо, что надо, пока не поздно, отступить, вернуться, он не сдался. Не ушел. Не вернулся. Выстоял и победил.

Пусть эти слова звучат немножко напыщенно, но Игорь Ромишевский заслужил самую высокую похвалу за свое мужество. За умение решительно и твердо идти к намеченной цели. За верность своему спортивному идеалу.

Игорь Ромишевский

Игорь играл в хоккей с мячом за «Урожай» (Перово) и калининградский «Вымпел». Играл

хорошо. И уже осенью 1960 года накануне первенства мира по хоккею с мячом был включен в сборную Советского Союза.

Однажды в теплый осенний день тренеры ЦСКА предложили ему попробовать свои силы в хоккее с шайбой. Пригласили прийти на тренировку в «Сокольники», на каток с искусственным льдом.

Игорь потом рассказывал, что приглашение принял с радостью. Но не потому, что мечтал попасть в ЦСКА. Просто очень соскучился по льду. Ведь для хоккея с мячом искусственных полей пока еще нет.

И вот Игорю дали длинную, совершенно непривычную клюшку и поставили в тройку с опытными армейскими хоккеистами. Не знаю до сих пор, что почувствовал в те два часа сам Ромишевский, но нам он понравился. Понравился своим упорством, своей жаждой борьбы за шайбу, а еще – своей удивительной интуицией, чувством партнера. Конечно, играл он неумело, терялся, никак не мог найти себя на небольшой площадке. Не мог справиться с упругой шайбой, уловить ритма и темпа новой игры.

Сам он позже говорил, что хоккей с шайбой покорила его сразу, раз и навсегда. И добавлял, как будто извиняясь, что в его решении освоить новую игру немаловажное значение имела и тяга к хорошему, гладкому льду. Ему, техничному спортсмену, хотелось избавиться, наконец, от постоянных неурядиц с хоккейными полями, страдающими и от распутицы, и от сильных морозов, и от дождей.

Когда стало известно, что Ромишевский уходит из хоккея с мячом, то знатоки спорта этому просто не поверили. Начать все сначала? И где? В ЦСКА, где хороших хоккеистов и так более чем достаточно? Были и такие скептики, кто, увидев Игоря, выразительно вертел пальцем около лба: от добра добра не ищут.

А Игорь, однажды попробовав силы в новой игре, полюбил ее навсегда. И как ни мешали ему, ни нервировали его крики и свист некоторых болельщиков (мы почему-то всегда только хорошо пишем о наших любителях спорта, а ведь среди них есть и люди, ровно ничего не понимающие в спорте, и просто недоброжелатели), как ни трудно ему приходилось, Ромишевский успешно овладел секретами мастерства.

В первое время он играл так, что и сам пород не понимал, что происходит на площадке. Бешеный темп не увязывался с его прежним хоккейным мышлением.

Раньше Игорь играл в нападении. Привык к широкому маневру, легко покрывал большие расстояния. Здесь играть так, как раньше, было уже нельзя.

Перед Ромишевским стоял и своеобразный психологический барьер: нужно было поверить, что он может обрести в нападении ЦСКА свое постоянное прочное место. А в этом нападении играли Александров, Локтев, Альметов, Волков, Сеньюшкин...

Как и раньше в хоккее с мячом, Ромишевского поставили в нападение. Но за время выступлений в ЦСКА в игровой психологии спортсмена произошли изменения. Мы, к сожалению, не сразу поняли, что Игорь както незаметно начал терять веру в свои способности нападающего, но зато постепенно пришел к выводу, что может надежно сыграть в обороне.

Мы заметили, что Игорь, владея шайбой, крайне неохотно ввязывается в силовую борьбу, почти не рискует, играет както слишком уж осторожно. Но мы ни на минуту не усомнились в его мужестве. Потому что знали: Игорь – парень волевой, бесстрашный. Позже выяснилось, что Игорь не боится быть сбитым на лед, не боится боли, но очень боится потерять шайбу. Он решил почему-то, что на такой маленькой площадке, где у нападающего с одной стороны высокий деревянный борт, а с другой – стокилограммовый защитник, трудно прорваться к воротам соперника. Но зато Игорь брался доказать любому нашему нападающему, что он, этот нападающий, его, играющего в защите, не пройдет.

И тогда мы удовлетворили просьбу Игоря и перевели его в оборону.

Я рад, что Ромишевский подсказал нам это решение. В новом амплуа полностью раскрылся его талант., Его как защитника трудно обыграть, он очень цепкий и хорошо чувствует, где и как будет обводить его нападающий. Одновременно Игорь умеет сам атаковать ворота соперника. Не случайно в сезоне 1964/65 года он, играя в обороне рядом с такими мастерами защитниками, как Э. Иванов, А. Рагулин, В. Кузькин, опередил их всех по своей результативности. По итогам последних сезонов Ромишевский был включен кандидатом в

сборную Советского Союза.

На этом можно было бы поставить точку, но раз разговор зашел о Ромишевском, не могу не рассказать еще об одном случае.

Это произошло несколько лет назад в городе Серове, где проводился финальный турнир команд второй группы. В турнире принимали участие и армейцы Куйбышева, где в это время проходил своеобразную стажировку Ромишевский.

Накануне Игорь получил травму, и врач запретил ему играть в последнем, решающем матче.

Казалось бы, Ромишевский может спокойно примириться с этим. В конце концов все, что от него зависело, он сделал. И уже было известно, что по окончании последнего матча он направляется в ЦСКА.

И тем не менее Игорь вышел на лед. Он сумел как-то убедить врача, что может выдержать еще один матч. Врач постоянно дежурил у борта площадки и делал спортсмену обезболивающие уколы. Ромишевский доиграл эту встречу. Он до конца воевал за тот коллектив, откуда завтра уходил. Иначе поступить он просто не мог.

Любопытно, что во время наших бесед и встреч с иностранцами Игорь бывает переводчиком. Он уже неплохо говорит по-английски, но по-прежнему не расстается с учебниками и словарями.

Сейчас лейтенант Советской Армии Ромишевский успешно закончил факультет электронносчетной техники. Часто бывая в длительных поездках, Игорь, не всегда имел время позаниматься столько, сколько нужно. Но я верил в Игоря, зная его характер, убежден, что он станет высококлассным специалистом.

Кстати, Игорь тянется за своим старшим братом. Тот тоже когда-то играл в хоккей с мячом. Сейчас, защитив диссертацию, стал кандидатом физико-математических наук.

Только не грубость

Подлинное мужество несовместимо с грубостью. Грубит трус, хулиган. Смелый и сильный хоккеист играет резко, мужественно, но никогда не ударит соперника исподтишка. Мужество игрока необходимо его команде, грубость же всегда вредит ей.

Приведу одну, к сожалению, не такую уж редкую запись из дневника: «23 августа. «Торпедо», Горький. Подкопаев. Удаление. Снят с игры».

В тот день мы проводили товарищескую встречу с горьковскими хоккеистами. Наш молодой защитник Николай Подкопаев сыграл грубо и был удален на две минуты. Я снял его с игры.

На следующий день мы с ним беседовали. Мне хотелось, чтобы он понял, что грубость – проявление не мужества, а трусости. Я просил его всегда, когда он идет на столкновение с соперником, помнить, что может пострадать и он сам. Я думаю, что каждый игрок должен помнить об этом всегда.

И еще одну истину нужно было запомнить Подкопаеву на всю жизнь. Когда его удалили с поля, то всю нагрузку пришлось переложить на плечи оставшихся на площадке ребят, на тех, кто вынужден был теперь играть в численном меньшинстве. Я говорил Николаю, что мы все должны беречь друг друга, не перекладывать на плечи товарища всю тяжесть борьбы.

Такие случаи бывают, к сожалению, довольно часто. Какой-то юнец нагрубит, нахамит, отправится на скамью оштрафованных, а старшие товарищи должны; за него отрабатывать, защищаясь против численно превосходящих сил соперника.

Мужество – это умение отказаться от драки. Знаю, как трудно сдерживать себя, как обидно спокойно переносить грубость какого-нибудь не в меру ретивого спортсмена, как велико искушение дать ему сдачи, но подлинное мужество требует выдержки и терпения.

Мужество у различных спортсменов проявляется не одинаково. У Александра Альметова оно было иным, чем у Константина Локтева, а мужество Анатолия Фирсова не похоже на мужество Александра Рагулина.

Возьмем Константина Локтева. Он был старше всех в команде: Полупанов и Викулов, включенные вместе с Локтевым в сборную СССР, моложе его на тринадцать лет.

Казалось бы, Костя обладал не только высоким мастерством, но и огромным опытом, он мог бы поберечься, работать на поле меньше. Но Локтев выделялся своей страстностью и неутомимостью, большим радиусом действий и значительным объемом работы. Он не щадил себя и в каждой встрече стремился играть с полной отдачей сил – так, чтобы принести команде наибольшую пользу.

Иную окраску имело мужество Альметова: манера игры Александра обусловлена его высочайшей техникой.

Я уже говорил, что когда армейцы играют в равных составах с соперником, то мужество Альметова было почти незаметно. Но когда нас меньше, Саша являл собой образец бесстрашия.

Альметов не боялся рисковать, он всегда искал наиболее острые решения, стремился найти кратчайший путь к воротам соперника. И хотя в современном хоккее скорости чрезвычайно возросли, а бдительные защитники ни на секунду не дают покоя нападающим, Альметов все-таки умудрялся демонстрировать и даже совершенствовать свою отточенную технику в ходе самого напряженного поединка. А ведь для этого необходимо обладать настоящим мужеством.

Конечно, Александр уступал в силе многим своим товарищам. Но этот свой недостаток, если можно о нем говорить (так незаметен он), Саша с лихвой перекрывал прекрасно развитым игровым мышлением. А сила ведь всегда уступает уму.

И правильно, разумеется, поступал Александр, избегая неоправданного силового единоборства, всякого рода стычек и столкновений. Ему все это совсем не нужно: ввязавшись в такую игру, он погряз бы в ней, и его талант, мастерство могли бы померкнуть.

Альметов противопоставлял силе свою филигранную технику, свое необычайное игровое чутье и этим как бы гипнотизировал противника, подавлял его волю. Любопытно, как выполнял Альметов указания тренеров прикрыть того или иного соперника.

На турнире в Тампере в матче против шведской команды мы поручили Александру опекать самого сильного шведского хоккеиста Нильссона. Выслушав задание тренеров, Альметов задал только один вопрос: – А можно я буду играть так, что не я его, а он меня опасаться будет?.. И не я за ним, а он за мной следить станет?.. Мы, конечно, разрешили.

Грозный шведский нападающий был полностью нейтрализован. Думал он на поле, кажется, только об одном – как бы удержать советского хоккеиста.

Было бы хорошо, конечно, если бы Альметов обладал силой Старшинова. Это был бы поистине уникальный мастер. Но...

Своеобразно мужество и Вячеслава Старшинова. И особенно засверкала эта его грань таланта в последних двух сезонах, когда он стал играть не на дальнем, как прежде, а на ближнем пяточке. Именно здесь, у ворот соперника, где вскипают самые яростные схватки, где защитники особенно жестки. Старшинову удается наиболее полно проявлять лучшие бойцовские качества своего характера. В заключительном и самом ответственном матче чемпионата мира 1966 года СССР – Чехословакия Старшинов был душой команды и в первые четыре минуты матча забросил две из трех шайб, по существу решивших исход матча.

Играя вдали от чужих ворот, Старшинов проводил на поле без замены по двести минут. Сейчас, находясь на самом горячем месте, он «наигрывается» за минуту. Больше, полнее стала его отдача игре, большую пользу стал приносить он своему коллективу.

Иногда говорят и пишут, что Старшинов – игрок совершенно недисциплинированный. Это и так и не так. Действительно, играя в клубной команде, Старшинов порой позволяет себе слишком уж вольно трактовать существующие правила, иногда попросту грубит. Но тот же Старшинов, выступая за сборную команду страны, совершенно преображается. Там к нему предъявляют высокие требования, он прекрасно знает цену удалению и потому действует на поле корректно, не теряя контроля над собой. Не удивительно, что во время розыгрыша первенства мира по хоккею 1965 года он за все игры был лишь однажды удален с поля на две минуты, как говорится, «по собственной инициативе».

В своеобразной форме проявляется мужество и у такого талантливого мастера, как Вениамин Александров.

Когда-то было модой писать и говорить о его осторожности и трусости. Но так ли это?

Нет, нет и еще раз нет! Александров – смелый, решительный и мужественный хоккеист.

Уже одно количество заброшенных им шайб – 320 – говорит само за себя. Александров является самым результативным игроком в истории нашей сборной. В чемпионатах мира на его боевом счету 63 шайбы. И в 1966 году на первенстве мира он превзошел всех по результативности. Высокую результативность показал Александров и в Вене. И это в трудных и резких поединках с канадцами, чехами и шведами! В тех матчах, где решалась судьба мировой короны, где борьба не допускала никаких компромиссов. Только мужественный спортсмен, умеющий и рисковать, где нужно, и играть внимательно, расчетливо и в то же время крайне опасно для ворот соперника, мог добиться такого результата.

В самом деле, шайбу в матче с сильным противником не забросишь, если не будешь рисковать. Ведь поразить ворота обороняющейся команды с фланга или от синей линии трудно. Значит, надо стремиться поразить цель с удобной острой позиции. А зона броска охраняется особенно внимательно. И, забрасывая шайбу, играя остро у чужих ворот, хоккеист всегда рискует получить удар или толчок.

Так как же Александра можно объявлять трусом? Может, наверное, повезти в одном-двух матчах, но не в каждом же, да еще на протяжении нескольких сезонов!

Взятие ворот в острой атаке, когда хоккеисты мчатся на огромных скоростях, всегда связано для атакующего с определенным риском. Но Вениамин и в самых напряженных моментах никогда не теряет хладнокровия, ничто не может отвлечь его от броска, от взятия ворот.

Хотелось бы еще раз обратиться к статистике. Александрову принадлежит абсолютный мировой рекорд (пусть официально и не регистрируемый) – он одиннадцать раз участвовал в чемпионатах мира. Вениамин – пятикратный чемпион мира, восьмикратный чемпион Европы. Олимпийский чемпион. Нет в мировом хоккее спортсмена, который бы так долго и столь успешно защищал спортивную честь страны.

Вспоминаю свои беседы с Морисом Ришаром. Когда я спросил его, как удалось ему забросить свыше пятисот шайб, играя с такими сильными соперниками, какими являются профессионалы высшей канадо-американской лиги, Морис ответил, что он всегда видел цель и, во-вторых, старался обмануть вратаря с помощью финта или паузы, когда нервы вратаря не выдерживают и он начинает двигаться в сторону предполагаемого полета шайбы. А еще Ришар сказал, что он старался всегда терпеть, не обращать внимания на удары охотящихся за ним защитников. Ведь он хорошо знал, как по-настоящему злятся на него соперники, когда он, забрасывая шайбу, обесценивал их (в прямом и буквальном смысле – речь идет о капиталистическом мире!).

Мне кажется, что наш Александров по манере своей игры, по умению сохранять спокойствие в самой горячей ситуации как раз и напоминает Мориса Ришара, этого блестящего мастера атаки.

Нет, мужество – это не драка. Мужество – это сложная и прекрасная черта человеческого характера, и наш хоккей воспитывает ее в своих бойцах.

«Укрощение» канадцев

Лишь однажды отступили мы от своих принципов. Нас вынудили тогда отступить...

Торопится время, и меняются наши взгляды на хоккей. Вспоминаются годы становления у нас новой игры. Мы, хоккеисты первого призыва, тогда не бегали, а, кажется, летали на коньках по полю; финты были свободными, изящными и, наверное, красивыми; защитники не ловили нападающих на корпус, не швыряли на борт, не загоняли в углы. Они отличались мягкостью и, по нынешним временам, чуть ли не нежностью.

Правда, встречаясь с зарубежными соперниками, мы испытывали подчас некоторое неудобство, что ли. Неудобство от их игры, которая казалась нам слишком жесткой.

Но наши хоккеисты были в этих встречах по-прежнему верны своей манере. Молча сносили грубость, сдерживались даже в тех случаях, когда соперники умышленно наносили им травмы. Мы помнили об интернациональной дружбе спортсменов и потому в международных матчах были особенно осторожны и даже деликатны.

Мы утешали себя той мыслью, что вознаграждение за нашу терпеливость все равно

придет и мы будем рассчитывать с грубым соперником не ударами, не толчками, не мстью, а шайбами, которые будут заброшены, когда судьи удалят с поля хоккеистов грубиянов. Победа, думалось нам, хорошая компенсация за несправедливость.

Такая манера игры завоевала нам популярность у зарубежных поклонников хоккея, которые не могли не восхищаться нашей выдержкой и стойкостью.

Но долго так продолжаться не могло. С одной стороны, нас все больше и больше возмущали судьи, которые «не видели» хулиганства на поле. Возмущали и сами соперники, наглые и драчливые. Но, с другой стороны, ведь правила хоккея разрешали силовую борьбу! И отказ от нее лишил нас многих тактических и особенно психологических преимуществ.

Наши хоккеисты, продолжая оставаться рыцарями и джентльменами, упорно стали овладевать искусством силовой борьбы.

Осенью 1962 года во время нашего турне по Канаде нам пришлось провести один из матчей в городе Гамильтоне с командой юниоров любителей «Гамильтон Рэд Уингс» («Гамильтонские красные крылья»), усиленной девятью профессионалами, игра которых, откровенно грубая, отличается особой жестокостью.

Соперники советских хоккеистов много наслышались (напомню, что до этой встречи мы уже одержали несколько побед над канадскими командами) о нашем умении терпеть, о нашей, как они считали, трусости, которая в общем-то являлась совершенно фантастической выдумкой. Канадские профессионалы были готовы смять, подавить русских. И вот шайба в игре. С первых же секунд канадцы играют немыслимо жестко, грубо. Создается ощущение, что они чуть ли не заранее наметили себе жертвы. Они откровенно хулиганят: наносят удары клюшкой даже по лицу, лезут в драку.

И что самое странное: молчат судьи. Им как будто даже импонирует такая игра. Зрители не свистят, не протестуют, Они ничему не удивляются: к такой игре привыкли, да тут еще свои «бьют» чужих...

Оканчивается период. Пока ничья – 1:1. Лица у наших ребят в кровоподтеках. Кое-кто уже не может продолжать встречу.

И тут-то мы, тренеры, не выдержали. Вместе с Аркадием Ивановичем Чернышёвым мы после некоторых колебаний объявляем хоккеистам: каждый, именно каждый, должен продумать, как он будет действовать на поле, чтобы дать острастку зарвавшемуся противнику. Мы сказали, что никому не простим никакой осторожности, призвали ребят действовать смело, решительно, резко, быть настоящими хоккейными бойцами.

Опасаясь, что ребята нас не так поймут, что во втором периоде на поле начнется откровенная потасовка, какие бывают во встречах профессионалов, мы объяснили, что хамить, хулиганить, как канадцы, ни в коем случае нельзя. Играть жестко, но стараться удерживаться в рамках. Ловить соперников в углах, у бортов поля, подводить их к нашим защитникам и внезапным столкновением лишать их устойчивости, а возможно, и желания играть.

И вот началось! Это было соперничество не в мастерстве. Не в технике и тактике. Это была сшибка характеров, суровая проверка воли, лихая мужская схватка, сражение. Где и со стороны наших хоккеистов правила трактовались подчас, наверное, слишком вольно.

И вдруг... мы заметили, что канадцы растерялись, события разыгравшиеся на поле, оказались для них полнейшей неожиданностью. Они, оказывается, и не думали, не подозревали, что советские хоккеисты могут и умеют постоять за себя. Не знали, что молодежь у нас и сильная, и смелая, и самолюбивая, что характер у русских людей удалой, что и подраться наши умеют не хуже других.

В первом же игровом отрезке после совершенно правильного силового приема один канадец покидает поле. Немного позже, сильно хромая, уходит другой.

Это был колоссальный психологический удар.

Канадцы не выдержали. Они привыкли к безнаказанной грубости на поле во встречах с советскими хоккеистами, а тут...

Здоровые, сильные, задиристые парни, только что откровенно хамившие, побежали к судьям жаловаться на наших хоккеистов. Они требовали, чтобы советские спортсмены играли более корректно.

Трибуны продолжали хранить молчание. Мне кажется, что зрители даже не поняли, что

бьют уже канадцев. Бьют по правилам, но довольно ощутимо.

Судьи взяли сторону канадцев и начали удалять наших хоккеистов.

Но мы, тренеры, решили выдержать такую игру до конца. Даже находясь в численном меньшинстве, ребята играли по-прежнему жестко, укрощая распоясавшихся соперников. После второго периода уже вели мы – 5: 1.

В раздевалке оживленно и даже... весело, хотя у многих синяки, шрамы, кровоподтеки. Кто-то из ребят, обращаясь к тренерам, говорит с укоризной:

– Если бы раньше разрешили так играть, меньше бы у нас ушибов было...

Неожиданно к нам в раздевалку приходят руководители канадского клуба. Приходят с предложением играть корректно, честно. Объясняют, что через несколько дней им играть матч на первенство своей лиги и они опасаются, что при такой игре могут недобрать состав на предстоящую встречу. Такая, как сегодня, игра им может дорого обойтись.

Мы ответили, что рады их предложению. Что тоже хотим играть по-настоящему, спортивно, корректно. Но предупредили: престиж свой уронить не позволим, на грубость будем отвечать самой жесткой игрой. Ну, а что силы, воли, мужества нам не занимать – в этом канадцы уже убедились...

На мой взгляд, в тот день мы нашли удачный ключ к «укрощению» грубого противника. Мы отвечали не его же оружием, не разухабистой, откровенной дракой, а умением вести жесткую силовую борьбу в рамках правил, сдерживая себя и играя на грани удаления. А в правилах хоккея, надо сказать, заложено немало и острых иголок и тяжелых кувалд, дающих вместе все возможности для приведения в чувство самого наглого противника, пытающегося испытать нашу смелость, выдержку и мужество.

Может быть, мы были не правы? Может быть, следовало выпрашивать у канадцев корректную игру? Не думаю! Ведь канадцы не хотели идти нам навстречу; Они были уверены, что мы их боимся, что мы не умеем играть в силовой хоккей. А поскольку договориться о корректной игре было нельзя, то следовало заставить противника отказаться от грубости, заставить его уважать нас. В конце концов мужество – это не только «терпение и постоянство», но и – вспомним Даля – «доблесть, храбрость, отвага, спокойная смелость в бою и опасностях. Однако я должен заметить, что мы, тренеры, смогли пойти на такой рискованный шаг только потому, что были уверены в рыцарстве наших ребят. Мы знали: в самой ожесточенной борьбе они не утратят контроля над собой, не превратятся в заурядных хулиганов.

Хоккей – игра не только красивая, но и мужественная.

И проявляется мужество в разных формах. Все зависит от характера матча, от соперника. В одном случае надо сдерживаться, мужественно принимать все обиды и несправедливости, в другом – так же мужественно давать понять сопернику, что команда его не боится.

Думаю, что скоро, в ближайшие годы, состоится серия наших игр с профессионалами. Кажется мне, что скоро лопнет терпение профессионалов, что надоест им наша гегемония на официальный мировой престол. Должно же их в конце концов задеть, что русские, молодая по возрасту команда, бросили им открытый вызов.

К грядущим сражениям с чародеями шайбы мы готовимся не только в плане совершенствования своей тактики, техники, физической подготовки, но и в плане волевой, психологической настроенности, внутренней собранности. Каждый хоккейный солдат должен знать, что ждет его впереди. Вот почему мы провели несколько соответствующих экспериментов во время турне по Канаде и в городе Калинин, где однажды сыграли ЯО канадским профессиональным правилам с командой «Шербрук Биверс» – обладателем кубка Аллана.

Это был нехороший матч, хоккеисты часто и много дрались. Это был грязный хоккей. Но мы оказались вынуждены провести этот эксперимент, чтобы канадцы не застали нас врасплох.

Перед будущими встречами мы будем настаивать, чтобы матчи эти проводились в рамках правил – в конце концов и правила профессионалов не позволяют устраивать на поле побоища и драки. Там сказано лишь, что силовая борьба разрешена по всему полю. К такой силовой борьбе мы готовы. Но на всякий случай мы решили пойти навстречу канадцам и поиграть в этот грубый, ужасный хоккей.

Любопытно, что уже на двадцать восьмой минуте, когда на поле происходила настоящая

потасовка, по рекомендации судей матч прекратился. В судейской комнате собрались судьи и тренеры, чтобы выяснить, как же играть дальше. Мой коллега, играющий тренер Джордж Рой, бывший профессионал, который, судя по его внешности – рубцам на лице, отсутствию зубов, – повидал на своем веку немало, предложил прекратить матч в таком виде и начать играть по нашим любительским правилам.

Экспериментом мы остались довольны. Дело, как понимает читатель, конечно, не в победе с разгромным счетом 15: 4. Гораздо важнее другое – мы почувствовали, что можем играть в разный хоккей, в том числе и в самый жестокий, и ради победы наши спортсмены способны на самопожертвование. Нас порадовало, что никто из ребят в этом матче не был травмирован, хотя тренеры на всякий случай решили ведущих своих игроков побережь. В этот день места Альметова, Александрова, Локтева, Кузькина, Брежнева, других наших лидеров заняли молодые, чуточку безрассудные ребята, из тех, кому безразлично, с какого этажа прыгать – первого или четвертого, если это в интересах дела.

В конечном итоге мужество, все поведение спортсмена на поле должно быть подчинено одной цели – победе. А идти к победе можно разными путями.

ИДТИ СВОИМ ПУТЕМ

Нужны ли нам универсалы?

Морис Ришар недоумевал:

– У кого вы учились?.. Почему так своеобразна ваша игра?

Мы учились у многих, у всех понемногу. Старались подметить, перенять все интересное.

Но прежде всего искали свое, свои пути. Собственное творческое лицо. Собственную, неповторимую манеру. Мы хорошо понимали: копия, даже самая мастерская, никогда не превзойдет оригинал.

Я всегда выступал и выступаю против копирования почерка зарубежных команд. И делаю это не из-за квасного своего патриотизма, а потому, что перенос черт, качеств какой-то иностранной школы хоккея без учета национальных особенностей, специфики развития этой игры в своей стране – дело никчемное и даже вредное.

Канадцы, особенно профессионалы, – самые техничные игроки в мире. Это бесспорно. И разумеется, у них есть чему поучиться. Но сводить магистральный путь развития отечественного хоккея к работе над одной только техникой нельзя: для того чтобы быть с шайбой, как канадцы, на «ты», нужны годы. Нужно новое поколение хоккеистов: с теми, кому 25, многого не добьешься.

Где же выход? Как мы можем догнать канадцев? Мне кажется, что выход может быть один – совершенствуя технику, ликвидируя технические огрехи в своей игре, опираться на сильные стороны нашего хоккея, против которых противники не нашли противоядия.

Несколько цифр. Процент результативности наших нападающих был раньше равен 9. Другими словами: из каждых 100 атак у нас 9 завершаются голом. У канадцев процент успешно завершаемых атак выше – 20–23, а у профессионалов достигает даже 30. Но когда канадские хоккеисты играли с нами в Стокгольме, то этот процент упал у них до 8,5, в то время как у нас он возрос до 11. В ходе встречи с канадцами на чемпионате мира в Тампере разница результативности наших нападающих и форвардов из-за океана была еще выше: у нас – 18 процентов успешных атак, а у них – всего 7,5.

В Любляне мы победили канадцев со счетом 3:0.

Наши мастера задушили посланцев страны кленового листа своим бешеным темпом, заставили, вынудили их часто ошибаться. Канадские спортсмены не привыкли играть в таком игровом режиме и потому уступали нам не только в скорости, умении играть коллективно, но и в... технике.

По итогам турнира в Вене список самых результативных хоккеистов возглавили пять наших нападающих – Анатолий Фирсов, Виктор Полупанов, Вениамин Александров, Александр Альметов и Владимир Викулов. Это случайность? Простая удача? Нет, нет и еще раз

нет! Годы объемного, пытливого труда позволили наконец-то нашим хоккеистам стать высокорезультативными мастерами. При этом очень приятно подчеркнуть, что у каждого из них есть свой, семейный почерк, проявляющийся в той или иной манере атаки, взятия ворот.

Особенность нашей техники заключается в том, что она базируется на высокоразвитом атлетизме. Мы понимали, что отменная физическая подготовка в наших условиях (напоминаю, что наш хоккей отставал от канадского лет эдак на 30–40, и этот разрыв предстояло сократить в 7-10 лет) была практически единственной кратчайшей тропинкой к высотам технического мастерства. И потому наша техника надежна, ей не мешает игра в высоком темпе, советские хоккеисты и на больших скоростях отлично распоряжаются шайбой.

Чтобы овладеть техникой, мы положили немало труда. Еще раз о результативности. В 1958 году результативность советской национальной команды во время турне по Канаде равнялась 4 процентам. А сегодня? Сборная СССР в Вене установила свой рекорд: 20 процентов наших атак во всех семи матчах были успешными, а в трех последних играх цифра эта снизилась лишь немного – до 16 процентов. Звено, где играют Викулов, Полупанов и Фирсов, установило мировой рекорд, перекрыв все достижения шведов, чехов, американцев и канадцев: 45 процентов их атак оканчивались успешно, взятием ворот соперника. 30 забитых и 3 пропущенные шайбы – таков итог их выступлений на льду венского Штаттхалле. И этот рекорд установили вчерашние мальчишки, двадцатилетние хоккеисты, ведомые прославленным асом Анатолием Фирсовым.

Почему, говоря о технике, я ограничиваюсь рассказом только о возросшей результативности наших хоккеистов? Нет ли здесь подмены понятий? Думаю, что нет. Результативность аккумулирует в себе все аспекты технического мастерства хоккеиста. Результативность – это и техника владения шайбой, и широкая ориентировка, и смелость, и бойцовские качества, и творческое понимание хоккея, и умение предусмотреть развитие атаки, предугадать третий или четвертый ход собственного розыгрыша шайбы или намерений соперника.

Хотелось бы, кстати, добавить, что результативность спортсмена зависит во многом и от его характера. Вряд ли будет удачлив спортсмен, если он эгоист, недобрый человек, думает только о себе, забывая о партнерах, если он не готов к самопожертвованию.

Казалось бы, успехи советского хоккея в последние годы должны были утвердить всех в верности избранного нами пути. Но вот в 1965 году один из наших самых уважаемых тренеров и специалистов выступает в журнале и призывает наших игроков к универсализации, объясняя это свое предложение тем, что универсалами являются все крупнейшие профессиональные канадские мастера.

Да, канадцы – виртуозы, универсалы. Канадские профессионалы – игроки высокого класса. За их игрой кроется высочайшее индивидуальное мастерство. Вот почему они пока еще пренебрегают тактическими новшествами и играют по старинке, по немудреному принципу: где шайба, там и играй. Вот почему они и играют на любом месте.

Автор статьи считает, что уже пора потребовать и от наших хоккеистов умения играть на любом месте. В конце концов, поясняет он, мы и сейчас действуем по принципу «пять в атаке, пять в обороне».

Но «все в нападении, все в защите» – это вовсе, к сожалению, не значит, что каждый наш хоккеист одинаково хорошо играет на любом месте. Все-таки абсолютное большинство нападающих у нас существенно отличается от защитников. Хотя бы, например, умением более успешно завершать атаки команды. И пока почти все наши универсалы – это, как правило, середняки. Они вроде все умеют и нападать и защищаться, – но получается это у них посредственно.

Я твердо уверен, что в наших условиях, когда команда представляет собой необычайно дружный, сплоченный коллектив, сильный именно своим коллективизмом, выдающимся мастером можно считать лишь того, кто обладает яркими чертами спортивного таланта, какими-то индивидуальными качествами, присущими только ему одному и дающими право ему выступать в определенном амплуа.

Хоккей, в сущности, «своеобразное многоборье», где компонентами мастерства являются техника броска, передача, ведение шайбы, а также ловкость, сила, мужество, чувство партнера,

хитрость, интуиция и т. д. Мой идеал не средний многоборец, равный во всех элементах мастерства, а многоборец с какими-то блестящими индивидуальными качествами, со своим «коньком», пусть даже что-то и не умеющий хорошо делать.

Вот почему я считаю совсем неправильным, когда иные наши тренеры воспитывают у своих подопечных Всего понемножку, подтягивая слабые стороны, меньше обращают внимания на яркие черты дарования парня. Это, мол, и так у него в порядке.

В связи с этим несколько строк хотел бы посвятить Валерию Никитину, хоккеисту Воскресенского «Химика». Я лишь недавно хорошо узнал его – в те дни, когда он был включен в состав сборной СССР и направился на венский чемпионат мира.

Валерий, на мой взгляд, хороший, честный, трудолюбивый и скромный хоккеист. В Вене он сделал для команды все, что мог. Никитин здорово помог коллективу, когда мы перевели его в нападение и когда ему пришлось играть – фактически без тренировок, не сыграваясь специально, – со звеном Старшинова. Он там выполнял сложную роль и справился с ней неплохо. Валерий – человек очень скромный, пытливый, толковый. Он хорошо понимает хоккей, с ним приятно поговорить, и я рад, что с ним познакомился.

Но Валерий, к сожалению, хоккеист-универсал. Поблагодарив его после чемпионата мира, мы откровенно сказали, что жалеем о его неудачной хоккейной судьбе. Да, неудачной. Я не оговорился. Он поздно попал в сборную, и не потому, что его не «замечали» тренеры: Никитин игрок, к сожалению, не яркий, не выдающийся. И не его в этом вина.

Может ли быть чемпионом мира команда, состоящая из десятка игроков такого плана?

Думаю – вряд ли.

У Валерия нет ярких отличительных черт игрового почерка. Физические данные у него посредственные, нет взрывного рывка. Есть, правда, ловкость, на которой базируется его довольно высокая техника. Но это не техника Александра Альметова или Бориса Майорова, Виталия Давыдова или Анатолия Фирсова, – уровень ее ниже. Искусство Валерия менее совершенно, чем искусство других хоккеистов сборной. Защитник Валерий средний, и мы, откровенно говоря, побаивались за него. На столкновения он по-настоящему не идет, потому что не привык к ним, его этому не учили. Никитина неверно было бы сравнивать с могучими нашими защитниками – А. Рагулиным, О. Зайцевым, В. Кузькиным, Э. Ивановым, но он и В. Давыдову, самому «маленькому» нашему защитнику, уступает в силовом единоборстве. Наконец, Валерий не может считаться классным защитником еще и потому, что не умеет распоряжаться шайбой в одно касание. Валерий в этом отношении стоит среди защитников на последнем месте.

Но я пишу об этом не для того, чтобы еще раз напомнить Никитину о его недостатках. И я

прошу Валерия не сердиться на меня, что я говорю здесь о нем в таком плане. Дело в другом. Валерий – лучший среди тех, кого хотели воспитать универсалами. Но даже лучший уступает остальным хоккеистам сборной. Стало быть, нужно говорить об ошибочности всей линии на подготовку хоккеистов-универсалов. И не вина, еще раз напоминаю, а беда Валерия, что из него хотели воспитать пресловутого универсала. В «Химике», где взята линия на универсализацию, Никитин играет долгие годы, и вот результат. Не случайно в этой команде не воспитан ни один высококлассный игрок, правда там начинал играть А. Рагулин, но нынешним Рагулиным он стал все-таки, простите за нескромность, в ЦСКА и в сборной.

У Валерия нет конкретного амплуа, и если он полезно играл на чемпионате мира, то только за счет своего мужественного характера и самолюбия, и я сожалею, что нам пришлось его критиковать, он достоин, только благодарности.

Чтобы стать высококлассным мастером, сегодня уже просто необходимо обладать какой-то своей, неповторимой гранью таланта, уметь делать то, что никто другой, не умеет. Что стоил бы Александр Альметов, если бы потерял вдруг свой коронный финт? Что стоил бы Вячеслав Старшинов, если бы не его удивительная хватка, чутье позиции, колоссальная работоспособность? Что представлял бы собой Борис Майоров, если бы не было у него каскада столь остроумно и четко исполняемых финтов?

А разве был бы у нас Бобров, крупнейший мастер своего времени, если бы его заставляли действовать как универсала не только в нападении, но и в обороне?

В истории нашего хоккея я знаю только одного блестящего универсала – Николая Сологубова. Но это, был уникальный самородок, хоккеист «милостью божьей».

Чему учиться у ветеранов?

Некоторые утверждают, что, мол, наши ведущие мастера прошлого были значительно сильнее, ярче, искуснее мастеров сегодняшнего дня. А посему нам нужно учиться у них, равняться на них.

С первым утверждением я полностью согласен. Учиться у ветеранов нужно. А как может быть иначе? У кого же тогда учиться, как не у ветеранов? Опыт таких мастеров, как Иван Трегубов, Николай Сологубов, Дмитрий Уколов, Альфред Кучевский, динамовцы Александр Уваров, и Юрий Крылов, и Валентин Кузин, умеющих играть блестяще и в нападении и в обороне, достоин самого глубокого изучения.

А вот равняться на них в самом буквальном смысле. Над этим надо еще подумать. Я уже писал о наивном споре, кто сильнее – тройка Боброва или звено Альметова? Стоит ли сегодня равняться во всем на ту выдающуюся тройку? Думаю, что сегодня уже поздно равняться и на звено Альметова. Время выдвигает новые эталоны.

За последнее пятнадцатилетие хоккей сильно изменился. Выросло техническое и тактическое мастерство хоккеистов. Увеличились скорости атак, стали значительно шире применяться приемы силовой борьбы. Играть сейчас так, как играли ветераны, вряд ли разумно.

И это не только в хоккее. То же самое можно сказать и о любом виде спорта.

Пятнадцать лет назад наш рекорд по прыжкам в высоту подбирался к 2 метрам, сейчас он приближается к 2 метрам 30 сантиметрам. Разница, как видите, существенная.

И если обратиться к тактике современного хоккея, то будет тоже отчетливо видна разница, которая отделяет его от нашего хоккея образца 1950 года. Действия хоккеистов происходят сейчас в более сложной, нежели прежде, игровой обстановке. Возросла полезность каждого хоккеиста, его игровая «деловитость». Неизмеримо увеличилось число попыток атаки ворот, а именно в этом смысл игры, наиболее впечатляющий момент хоккея.

Вспомним еще раз выдающегося в прошлом нападающего Всеволода Боброва. Этот мастер обладал неповторимыми взрывными действиями. Его финты и обводка, четкие броски приносили команде осязаемый успех.

Но убежден, что всего этого было бы далеко не достаточно, чтобы ярко играть за классную команду сегодня. У Боброва всегда ощущался холод к коллективной игре, он тяжело и даже порой неумело расставался с шайбой.

А посмотрите, как действует сегодня на поле один из лучших нападающих – Анатолий

Фирсов, играющий, кстати, как и Бобров, на левом крае. Если вспомнить особые достоинства ветерана – тонкую обводку и умелое взятие ворот, то даже и в этом Фирсов выше прославленного мастера прошлого. У него шире набор технических средств, солидное преимущество в непрерывном взрывном каскаде финтов. Анатолий «фехтует» клюшкой так, как никто в нашем хоккее не умел и не умеет этого делать. И результативность его весьма высока. В сезоне 1966 года он твердо занял первое место, намного опередив всех других мастеров хоккея. На венском чемпионате он оказался самым счастливым форвардом – 11 шайб забросил сам и 11 раз дал пасы, после которых успеха добились его партнеры.

Но самое ощутимое преимущество Фирсова заключается в объеме его действий, в разнокрасочности и неожиданности его тактических решений. Анатолий с большой охотой играет на партнеров, и именно благодаря ему растет как на дрожжах молодое звено с Виктором Полупановым и Владимиром Викуловым.

И еще одним выгодно отличается сегодняшней хоккеист от ветерана – своей неумолимой жизнедеятельностью и живучестью. Под термином «живучесть» я понимаю проявление спортсменом мужества, умение навязать активное силовое единоборство сопернику и хладнокровно переносить самые резкие столкновения с ним.

Любой тренер хочет, чтобы его питомцы прекрасно владели всеми компонентами хоккейного мастерства. Но что делать, если к нам в команду приходят совсем не идеальные спортсмены. Приходится мириться с этим, заниматься их воспитанием и искать, часто трудно искать, то звено, ухватившись за которое вытянешь всю цепь.

Вспоминаю, как пришел к нам в ЦСКА Юрий Моисеев. Это был хоккеист, обладавший необычайной скоростью, но техника его игры была довольно слаба, и потому я хотел построить занятия с ним так, чтобы Юрий приучился в ходе матча кататься медленнее, но играть более технично. Потом мне стало ясно, что скорость, своеобразная живучесть, индивидуальная черта Моисеева – это его преимущество, что ему просто напросто мала площадка, что перестраиваться ему совсем не нужно: куда разумнее попытаться использовать его сильные стороны.

И за дватри сезона он сделал довольно существенный шаг вперед в освоении техники. Но вот что примечательно: осваивая технику, Юрий не утратил своего основного качества – высокого скоростного порыва.

Както шутя Юрий предложил, чтобы он и его партнеры по «звену» Женя Мишаков, Толя Ионов и Игорь Ромишевский приделали к конькам своим какие-нибудь специально изобретенные для них счетчики. И тогда всем стало бы ясно, утверждает Юрий, что в каждой игре они пробегают в полторадва раза больше, чем любые хоккеисты из любого другого звена и любой другой команды.

Посмотрите, как сразу и неожиданно становятся вдруг в третьем периоде малоподвижными и совсем не техничными хоккеисты, игравшие в первых двух периодах против Моисеева и его партнеров. Все объясняется просто: Моисеев, Мишаков, Ионов своим темпом, своей скоростью выбили соперников из колеи, измучили их. И потому именно в конце матча Моисеев с товарищами становятся особенно результативными – самые техничные их соперники не имеют больше сил сопротивляться им.

Однако исправить недостаток не такто просто. И если у кого-то, нет стартовой, скорости, то, даже занимаясь упорно долгие годы, все равно добьешься немногого. Так, может, быть, лучше предложить этому хоккеисту такое амплуа, когда он сможет здорово играть на накате, на дистанционной скорости? И тогда в этом амплуа его недостаток может быть почти незаметен. Хоккеист компенсировал его какимито другими особенностями своего мастерства.

Еще один пример. В связи с некоторыми изменениями в тактике атаки мы несколько лет назад увеличили объем работы Вениамину Александрову. И игра его потускнела. Александрова теперь не хватало на главное – на завершение атак. Резко снизилась результативность. Пришлось отказаться от мысли, что Александров может безболезненно, оставаясь высококлассным хоккеистом, совмещать большой объем работы с индивидуальными качествами своего мастерства.

В конце концов я убедился, что в наших условиях, на современном этапе развития отечественного хоккея, подошедшего уже к своему совершеннолетию, универсализация – это... безответственность, расплывчатость каждого амплуа в команде и вместе с тем беда для самого

хоккеиста. Мы, тренеры, не имеем права забывать, что спортсмен живет в большом спорте яркой жизнью всего 8-10 лет, и потому надо, чтобы он за это время полностью раскрыл свое спортивное дарование, чтобы не проходил все эти годы в «среднячках».

Прошли времена, когда игроки многих команд были столь наивны, беспомощны и неопытны, что один быстрый защитник мог на скорости обыграть сразу всех соперников, когда контратаки развивались настолько медленно, что этот защитник успевал вернуться обратно. Хоккей наш окреп и возмужал. Общий класс спортсменов значительно вырос. И потому возросла ответственность каждого хоккеиста за строгое исполнение игрового задания.

Не надо нам копировать канадцев, заставляй хоккеистов быть универсалами. Давайте творить, учиться, дерзать! Искать свои и тактические и технические приемы. Давайте идти своим путем!

Теперь сами канадцы внимательно следят за развитием нашей школы игры. Вовсе не случайно, что тренер сборной Канады Бауэр, побывав на тренировке советских хоккеистов в городе КолорадоСпрингс, построил на следующий день тренировку своей команды по нашему конспекту.

Примечательный факт. Очень примечательный. Вот именно поэтому Морис Ришар и старается понять советский хоккей, во многом непохожий на тот хоккей, в который играют на его родине.

ГОДЫ И ЛЮДИ

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ ХОККЕЯ

Быть или не быть?

В этой главе я хочу немножко отвлечься от спора с Морисом Ришаром, от проблем, которые волнуют наших хоккеистов, и совершить небольшой экскурс в историю. Он тем более необходим, что молодежь – а книга эта адресуется прежде всего молодым – в отличие от старшего поколения, на глазах которого и произошли все те события, о которых пойдет здесь речь, не была свидетелем рождения и становления хоккея.

Я не думаю, конечно, пытаться в одной главе рассказать всю историю нашего хоккея. Я не историк. Мне хочется просто рассказать молодым читателям о событиях, в которых отразились, на мой взгляд, главные этапы развития отечественного хоккея...

Трудно сейчас сказать, кто первым подал идею развития в нашей стране хоккея с шайбой (или «шинни», канадского хоккея, как называли эту игру у нас в стране двадцать лет назад). Кто он был, этот человек – спортивный руководитель или спортсмен, – я не знаю. И это чертовски обидно. Мне очень хотелось бы назвать его имя в этой книге. Поблагодарить за ту добрую мысль, что высказал он когда-то.

Как хорошо, что спортивные руководители, стоявшие у истоков нашего хоккея, поняли еще тогда, что это не только олимпийский вид спорта, но и прекрасное зрелище для больших аудиторий, могучее средство физического воспитания и волевой закалки миллионов молодых людей.

Но, может быть, начало нашего хоккея следует отнести не к 1946 году, а к 30 м годам, когда к нам приехала немецкая хоккейная команда и мы лишь на вокзале, уже встречая ее, узнали, что она собирается играть с нами не в хоккей с мячом, а в... другой, неизвестный нам вид спорта – хоккей с шайбой.

Тогда было проведено несколько встреч, и самое любопытное заключается, пожалуй, в том, что советские хоккеисты, едва собравшись в новую команду, попав, как говорится, «с корабля на бал», играя «с листа», сумели победить эту в общем-то не очень сильную немецкую команду.

Мы изучали «шинни» еще до войны, занимаясь в институте. В 1938 году смогли по

учебникам провести восьмичасовой курс освоения хоккея с шайбой. И училнас этому ныне здравствующий заведующий кафедрой в Центральном институте физкультуры Михаил Давидович Товаровский, крупный теоретик футбола, через школу которого прошли многие известные мастера. Он хотел приобщить нас к новой игре, а мы, чудачки, сопротивлялись.

Новый вид спорта, откровенно говоря, не вызвал тогда энтузиазма, не заинтересовал, не увлек нас. Мы удивились какимто новым клюшкам и решили не вмешиваться в любимое, по слухам, занятие канадских спортсменов.

Мы не сумели в то время по достоинству оценить новую игру.

И потому надо отдать должное тем нашим спортивным руководителям, которые в 1946 году уже не просто предложили, а настоятельно рекомендовали принять новый вид спорта.

В газете «Советский спорт» за 19 октября 1946 года появилась информация под заголовком: «Первенство СССР по канадскому хоккею».

В информации сообщалось: «Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта утвердил положение о розыгрыше 1го первенства СССР по канадскому хоккею и VIII кубка СССР по русскому хоккею.

Матчи по канадскому хоккею будут проведены в декабре – феврале по круговой системе, при участии 12 команд, разбитых на три подгруппы – «А», «Б» и «В».

От РСФСР допущены 2 команды, от Украины, Белоруссии, Латвии, Эстонии и Литвы – по одной, от Москвы – три коллектива и от Ленинграда – два...»

В отличие от регби новую игру не передали на откуп новичкам. Решили сразу взять быка за рога: хоккей с шайбой было предложено осваивать сильнейшим хоккеистам страны.

Ведущим клубам приказали немедленно выставить команду на всесоюзные (а не городские, как в регби) соревнования. Мало того, когда в следующем году для чемпионов и призеров первенства страны были учреждены золотые, серебряные и бронзовые медали, эти медали стали вручаться и мастерам хоккея с шайбой.

Играть в два хоккея одновременно было нелегко. Требовалось большое напряжение сил: нередко бывали случаи, когда приходилось проводить ответственные встречи без единого дня отдыха. В субботу – хоккей с мячом, в воскресенье – хоккей с шайбой. Дело доходило до курьезов: одна тренировка делилась на две части – сначала с мячом, потом с шайбой. В Свердловске однажды в воскресный день мы провели два матча: по хоккею с мячом и вечером – по хоккею с шайбой.

Зимой 1946/47 года сильнейшие хоккеисты участвовали в двух крупнейших соревнованиях сразу...

У нас были немалые сомнения относительно будущего новой игры.

Почему они появлялись?

Потому, что у ряда наших самых выдающихся хоккеистов, мастеров хоккея с мячом, – Михаила Якушина, Павла Короткова, Александра Игумнова, Валентина Гранаткина игра не пошла. А если уж не получается у великих... Одним словом, было о чем подумать.

Но чем лучше узнавали мы новый вид спорта, тем больше увлекались им, тем сильнее было желание освоить его, научиться играть по-настоящему. Тем более понимали мы и верили, что он придется по вкусу нашей молодежи.

Может быть, мои взгляды крайне субъективны и неверны, но мне кажется, что хоккей с шайбой в те первые послевоенные годы особенно отвечал пристрастиям и настроениям молодежи.

После тяжелых лет войны каждому хотелось заняться, наконец, спортом, тем более таким, где можно проявить лучшие черты коллективизма, находчивости, большой выдумки, где можно продемонстрировать силу и выносливость, быстроту реакции, ловкость. А кто в юные годы не любит показать свою силенку, испробовать, проверить собственное мужество и выдержку?

После великой Победы мы хотели побеждать и в спорте, овладевать и здесь всеми высотами (мы, кстати, очень привыкли к этому слову за годы войны).

Первые матчи московские команды проводили с опытными командами прибалтийских республик, и чаще всего с рижанами. Здесь хоккей с шайбой был популярен и раньше. Латвийские хоккеисты принимали участие даже в мировых чемпионатах.

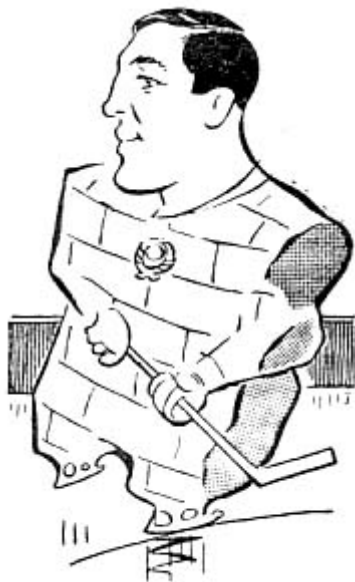
Любопытно, что в этих встречах с рижанами чаще все-таки побеждали мы. За счет

коллективизма в своих действиях. За счет более высокой скорости.

Рижане были как бы первыми нашими учителями. Именно от них, видевших канадцев, мы слышали, что настоящий канадский хоккей – это хоккей прежде всего силовой, подчас грубый, схватки на поле вскипают чуть ли не ежеминутно и едва не превращаются в драки. И потому в первое время всякое проявление грубости и направление на скамью оштрафованных рассматривалось у нас и спортсменами и зрителями чуть ли не как геройство.

Мы знали, конечно, что по правилам за грубость, за толчки локтями, за недозволенные приемы, за подножки, за игру корпусом на чужой половине поля игрок удаляется на две или пять минут. И если сейчас тот, кто попадет на скамью оштрафованных, чувствует себя на положении провинившегося: он нарушил правила, подвел команду и теперь на площадке за него отдуваются четверо против пятерых, то тогда это оценивалось не так.

Вспоминаю, как играл и вел себя на поле и на скамье оштрафованных – «клетке», как ее называли, один из лучших хоккеистов того времени, Александр Виноградов. Саша играл настолько резко, что судьи часто были вынуждены удалять его с поля. И Александр неторопливо и торжественно катил по площадке. Он восседал в «клетке», гордо расправив мощные плечи, величественный, как средневековый рыцарь. Саша был искренне убежден, что совершил подвиг, и зрители ему симпатизировали.

Александр Виноградов

Хоккейная площадка тех лет внешне здорово отличалась от той, к которой мы привыкли сейчас. Ворота были сколочены из досок. Площадку огораживали низкие бортики, взятые напрокат из хоккея с мячом. Но шайба тем не менее перелетала их редко: хоккеисты не умели еще толком бросать ее (исключая, конечно, хоккеистов прибалтийских республик).

Вспоминаю, как перед началом сезона в «Советском спорте» заведующий кафедрой учебного пособия по хоккею с мячом, игрок сборной команды России, заслуженный мастер спорта Михаил Степанович Козлов, рассказывая о новой игре, предупреждал: «Только при искусном владении клюшкой можно оторвать шайбу ото льда». Это было далеко не лишнее предупреждение. В одном из первых отчетов о хоккейном матче репортер писал: «Зикмунд послал шайбу по воздуху». По воздуху! Это было такой редкостью, что об этом писалось в отчете.

Игрокам перед выходом на поле выдавали по клюшке. И поскольку они, естественно, довольно быстро ломались, то мы вынуждены были научиться мастерить эти клюшки сами. Армейские хоккеисты нашли, правда, одного деда, который согласился делать нам эти клюшки.

В первое время мы стремились к тому, чтобы крюк у клюшки был как можно более похож на крюк тех клюшек, которыми мы играли в хоккей с мячом. Закругляли его неимоверно. Но оказалось, что в таком виде он хорош только для тех, кто пришел со своим навыком из русского хоккея, сегодняшние мастера вряд ли смогли бы управиться с ним. Обводить соперника такой

клюшкой или бросать шайбу по воротам было нелегко.

Позже клюшки нам стали делать в малюсенькой мастерской, где было всего два верстака. Там наше основное оружие мы уже заказывали официально, от имени организации. Размещалась эта мастерская в Лихоборах. Директором ее был товарищ Межеричер. Потом на смену ему пришла Е. М. Кочеткова, тоже большой патриот хоккея. Сейчас эта мастерская разрослась в фабрику. Ее продукцией пользуются и иностранные хоккеисты. Ведь эти клюшки не только самые прочные и удобные, но и самые «победные»! Большое вам спасибо, товарищи рабочие, от всего нашего хоккея!

Быстро пробежал год освоения хоккея. Сезон оказался непродолжительным. Немногим более... месяца.

Лето прошло в больших раздумьях. Ведь тогда тренеров-специалистов еще не было, и потому думать о путях развития хоккея приходилось каждому.

Усиленно искали молодых талантливых спортсменов, которые могли бы заинтересоваться новой игрой.

Я как-то вспомнил, что в команде «Трудовые резервы» вратарем играет маленький, но очень быстрый, ловкий, верткий, «двухрукий», как говорят хоккеисты, Гриша Мкртычан.

Пригласили его в ЦДКА и потом всегда считали этот выбор исключительно удачным. Гриша оказался на редкость приятным молодым человеком – трудолюбивым, скромным, веселым, и умным.

Григорий Мкртычан

Сейчас то я понимаю, что судьба Мкртычана как вратаря новой хоккейной команды была невероятно трудной: получилось так, что Гриша стал как бы подопытным кроликом. Ведь мы тогда еще ничего не знали и не умели. Приходилось только догадываться, из чего складывается умение играть в воротах. Наши спортсмены не знали, какова основная вратарская стойка, какие нужны приемы, чтобы парировать скользящую шайбу, как ловить ее рукой, если она летит высоко. Мы не знали, как тренироваться, не было никакой тактики игры в воротах. Вратари только еще учились играть клюшкой.

Мкртычан стал родоначальником вратарской школы игры. И сейчас я хочу извиниться перед ним за то, что так много мучил его из-за своей тренерской неопытности: я ведь тоже знал эту игру не больше его. Много решал на ходу, экспериментируя вслепую, на ощупь. А ведь пробовал и проверял я свои поиски на живом человеке и искал при этом не совсем складно и не всегда удачно.

Я хочу не только извиниться перед Гришей, но и поблагодарить его за мужество и терпеливость, за такт и деликатность.

Не все у нас было правильно. Я и тогда в какой-то степени понимал, как обидно это было Грише: жизнь у человека одна, и исправлять допущенные ошибки было уже некогда. Но Гриша не обижался на меня. Он говорил, что все равно кто-то должен начинать, не он, так другой. И может, добавлял он, еще и хорошо, что доля эта выпала ему. Быть пионером, первым, всегда

почетно.

Гриша многое открыл для наших вратарей. И великое ему за это спасибо!

Самым трудным в обучении игры с шайбой было освоение тактики. Мы вынуждены были во многом начинать с нуля.

Но трудности нас не смущали. Наоборот, они придавали новые силы, дополнительную энергию, звали нас к дерзанию, к творчеству, к размышлениям.

Советские хоккеисты вынуждены были создавать свою, оригинальную школу хоккея.

И они создали ее.

А когда пришла пора первых испытаний, когда наш хоккей проверялся в международных встречах, и проверялся успешно, всем стало ясно, что важнейшей причиной наших успехов было как раз то, что мы никому не подражали, а шли своим, непроторенным путем.

Уже позже, спустя несколько лет, когда мы находились в Канаде, к нам после первого проигранного в этом турне матча подошел симпатичный, хорошо одетый господин, представился руководителем одного из известных спортивных клубов и сказал: – Ну, почему вы не берете к себе тренером нашего канадского специалиста?..

Помолчал, добавил с укоризной:

– Стоит ли упрячиться... Беритека лучше пример со своих европейских коллег. Ведь все европейцы буквально нарасхват тащат наших знаменитостей профессионалов, уже закончивших свои выступления...

Мой собеседник улыбался и с каким-то особыми, воркующими нотками убеждал переводчика и меня:

– Нет ни одной страны, где не работали бы канадские специалисты... Возьмите и вы к себе нашего тренера года эдак на два, на три, и он научит вас играть по-настоящему.

Не помню точно, что я ответил этому господину. Но про себя твердо решил, что этого делать ни в коем случае нельзя. Ведь приглашенный из Канады тренер будет создавать команду по своему вкусу, по канадскому образцу, и потому мы вечно будем нагонять канадцев...

И еще одно. Как может учить нас иностранец, если он не знает нашего народа, его характера, склонностей, особенностей национального поведения.

Сейчас, когда прошло десять лет со времени той нашей беседы, анализ развития не только советского, но и европейского хоккея подтверждает правильность избранного нами пути, верность, наших суждений. Сравните хотя бы две немецкие команды. Два коллектива, два разных подхода к пониманию хоккея, и – разный класс игры. Команда ГДР зарекомендовала себя в последние годы как талантливый, творческий, коллектив, где есть хоккеисты европейского класса, например вратарь Петер Кольбе, защитник Манфред Будер, нападающий Иоахим Цише. Команда ФРГ производит значительно менее яркое впечатление, и не случайно, в Вене матч между этими командами закончился победой спортсменов ГДР с убедительным счетом 8:1.

Причину такой разницы в классе этих двух команд я вижу в том, что наши друзья из ГДР идут своим путем, а хоккеисты ФРГ пошли на выучку к канадцам, их сборную возглавляет канадский тренер Э. Рейгле, и, как я и ожидал, канадская школа хоккея плохо прививается на немецкой почве.

Самобытностью нашего хоккея, так удивившего спустя много лет величайшего канадского хоккеиста Мориса Ришара, мы обязаны хоккеистам старшего призыва, особенно спортсменам думающим, ищущим, творчески беспокойным, которые годами складывали оригинальную хоккейную мелодию из совершенно новых игровых мотивов.

Нам здорово помогли хоккей с мячом, скорость, приобретенная в этом хоккее, принципы коллективности, почерпнутые из него.

Конечно, в условиях такого обособленного, ведущегося наобум, на ощупь обучения немало было и всяких казусов.

Я вспоминаю сейчас одного из наших первых вратарей, Дмитрия Петрова, игравшего в ЦДКА. Он ничего и никого в игре не боялся, обладал превосходной реакцией, хотя и был человеком высокого роста, тяжелым, сильным, на первый взгляд неповоротливым.

Он играл в воротах и в хоккей с мячом. Привык к маленькой клюшке, действовал ею легко и небрежно и, как нынешней ракеткой для настольного тенниса, парировал с лета все мячи.

Естественно, что большая клюшка для хоккея с шайбой показалась ему непривычной и неудобной. Со временем она стала вызывать у него прямотаки отвращение.

Новая клюшка раздражала его и мешала ему. Частенько, чтобы поймать летящую или скользящую шайбу, он отбрасывал клюшку в сторону, и ловил шайбу рукой. За это он наказывался двухминутным штрафом (тогда с поля удаляли и вратарей), как за умышленный бросок клюшки.

И вот однажды конфликт между Дмитрием и клюшкой достиг апогея.

Едва начался матч, как капитана армейцев Владимира Никанорова подзывает судья и объявляет, что он удаляет с поля Петрова, потому что вратарь армейцев вышел на поле играть... без клюшки.

Капитан подъехал к Дмитрию и начал его стыдить, что он снова подвел коллектив. Вместо того чтобы оправдываться, вратарь вдруг вспыхнул и, видимо едва сдержавшись, зловеще проговорил:

– Нука позови сюда судью, я ему сейчас все здесь разьясню...

Судья подъехал, и тогда Петров показал ему... клюшку.

Эта малюсенькая клюшка, привязанная шнурком к кисти руки, была спрятана за перчаткой. Не клюшка, а обозначение клюшки, ее символ, что ли.

Это не было оригинальничаньем или попыткой к остроумию. Просто большая настоящая клюшка уж очень мешала Дмитрию.

Судья удивленно покачал головой и, видимо растерявшись, отменил свое решение. Петров остался на поле.

Вот так и доиграл наш вратарь игру с этой клюшкой-миниатюрой.

Это произошло в феврале 1948-го

Вторая зима прошла так же быстро, так же бурно, в таких же напряженных поисках, как и первая. Наше увлечение хоккеем с шайбой продолжало расти.

У каждого вида спорта есть свои главные вехи. Такие вехи есть и у нашего хоккея с шайбой.

И если первой нужно, безусловно, считать декабрь 1946 года – время рождения отечественного хоккея, то вторая важнейшая дата – февраль 1948 года...

Той зимой разыгрывались Олимпийские игры. И потому чемпионат мира совпал с Олимпиадой.

На хоккейном турнире в Сен-Морице присутствовало и несколько наших специалистов, в том числе и Сергей Александрович Савин, который в то время немало сделал для развития у нас хоккея с шайбой.

Однако наши специалисты привезли не только первые впечатления, но и первые сомнения: слишком далеко нам до корифеев мирового хоккея, рассказывали они.

По окончании чемпионата пригласили к нам в страну чехословацких хоккеистов. Чехословацкая сборная выступила на первенстве мира исключительно удачно. Она не проиграла ни одной встречи и, сделав лишь одну" ничью – 0:0 – с канадцами, заняла... второе место, уступив первое из-за худшей по сравнению с канадцами разницы заброшенных и пропущенных шайб.

И вот 21 февраля газета «Советский спорт» сообщает: «Приезд чехословацких хоккеистов.

В Москву по приглашению Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта прибыла для совместных тренировок с советскими хоккеистами команда «ЛТЦПрага», чемпион Чехословакии по канадскому хоккею».

Мы жили предстоящими встречами. Все разговоры вертелись вокруг одной темы.

Многие считали, что мы поторопились с приглашением сильной чехословацкой команды, что наше пока еще далеко не совершенное мастерство лучше проверять в матчах с равными соперниками.

Маститые чехи, пугали нас, могут вообще отбить охоту к новой игре. Да и достоинством своим дорожить надо.

Вместе с Аркадием Чернышевым, Владимиром Егоровым, Павлом Коротковым,

Александром Игумновым я принимал участие в подготовке сборной команды, которая должна была встретиться с чехословацкими гостями.

Тренеры отобрали лучших хоккеистов. Тогда мы считали, что должны пропустить через эти испытания самых сильных игроков, чтобы по настоящему, на практике проверить себя, сравнить свое умение с мастерством хоккеистов мирового класса. В команду вошли вратари А. Меллупс и Г. Мкртычан, защитники А. Виноградов, В. Никаноров, Б. Бочарников, Б. Соколов, А. Сеглин, нападающие В. Бобров, Е. Бабич, Б. Блинников, Н. Поставнин, В. Трофимов, Ю. Тарасов, З. Зигмунд, И. Новиков и автор этих строк.

Не могу не сказать хотя бы коротко о своих товарищах по первой нашей сборной. Первой не по силе. Первой в истории нашего отечественного хоккея. Сейчас большая часть их – известные тренеры и специалисты. Но нескольких, к несчастью, уже нет в живых. Они погибли в авиационной катастрофе – великолепные мастера Зденек Зигмунд, Иван Новиков, Юрий Тарасов.

Как жаль, что не создана у нас до сих пор Книга почета хоккея, где золотыми буквами были бы записаны имена тех, кто волею судьбы стоял у колыбели любимого вида спорта советских людей.

Они проходили первые испытания с почти завязанными глазами, почти безоружные. Хотя хоккею нашему шел уже третий сезон, хоккеисты не имели даже соответствующей экипировки: тех удобных перчаток, в которых играют спортсмены сейчас, шлемов. Налокотники и наколенники были сделаны из ватничков, защищали они от ударов и ушибов, избежать которых в хоккее невозможно, конечно, слабо. Щитки были взяты из футбольных доспехов. Никаких наплечников и раковин не было. Лишь у вратаря были специальные щитки, которые казались ему нескладными и неудобными. Играли тогда мастера на коньках с длинным полозом.

И вот в таком обмундировании, не умея играть корпусом, слабовато владея техникой, имея самое приблизительное представление о тактике игры, ребята вышли сражаться с признанными мастерами мирового хоккея.

Уже за одно мужество этих пионеров каждому из них надо было бы присвоить звание заслуженного мастера спорта. Хотя бы сейчас, так сказать, задним уже числом.

Наш спорт выходил тогда на международную арену, расправлял свои могучие крылья. Но было в то время в нашем спорте одно жесткое правило: нельзя было проигрывать зарубежным соперникам. Существовало довольно авторитетное «мнение», что это в корне подрывает наш престиж.

Придумали его скучные, неумные, далекие от спорта люди. Те, кто совершенно не понимал и не любил спорт. Они говорили нам, что, победив фашизм, выиграв войну, мы не имеем права проигрывать в спорте. Они путали божий дар с яичницей.

Эти посторонние люди, случайно попавшие в спорт (некоторые из них были «брошены на спорт»), не понимали – или не хотели понять, – что любая, даже самая сильная команда не может только побеждать, что ничьи и даже поражения неизбежны в самых ответственных соревнованиях, что они учат команду порой больше, чем обычные рядовые победы. Высшей точкой подобного неуважения в те времена к спортсменам, к спорту явилось решение разогнать футбольную команду ЦДСА после поражения нашей олимпийской сборной на XV Олимпийских играх в Хельсинки.

И вот когда стало известно, что к нам приезжает команда ЛТЦ, нас, тренеров, вызвал к себе один из таких спортивных руководителей и потребовал дать расписку, что мы... выиграем у чехов. Иначе, заявил он, все матчи с пражанами будут закрытыми.

Мы такую расписку, естественно, дать не могли. Хотя бы потому, что не видели, как играет ЛТЦ, и вопрос об открытых, то есть с приглашением зрителей, матчах остался нерешенным...

Команда «ЛТЦПрага» сыграла сначала несколько закрытых матчей, да и то со вторым составом нашей сборной.

А первый состав во время этих игр стоял на трибуне и как замороженный смотрел во все глаза на больших мастеров. Наши гости умели делать все. Не удивительно, что встречи эти заканчивались с разгромным двузначным счетом в пользу команды ЛТЦ.

Это наводило нас на грустные мысли...

В один прекрасный день хоккеистов снова вызвали на совещание и снова стали уговаривать отказаться от открытого матча. Видимо, чехи произвели впечатление не только на спортсменов. Нам говорили, что эти встречи уже и не нужны: ведь кинооператоры все необходимое отсняли.

Мы возражали, убеждали, что чехословацкие хоккеисты показали далеко не все, что они не могли даже всего показать, встречаясь с более слабыми соперниками. Но самое главное – именно мы в первую очередь заинтересованы в том, чтобы проверить свои силы не в спокойной обстановке, наблюдая за игрой с трибуны, а в бою, где игроки полностью отдаются борьбе.

Мы обещали воевать до конца и, хотя отказались гарантировать победу, сказали, что сдаваться без боя не думаем. А чтобы избежать разного рода случайностей, просили устроить не один, а три, матча...

Я всегда считал и считаю, что к победе стремиться необходимо: ради этого и проводятся соревнования. Играть нужно всегда всерьез. Но не надо бояться и поражения. Ибо и оно может принести пользу. При панической боязни поражения невозможны никакие эксперименты ни с пробой молодежи в ответственных соревнованиях, ни с проверкой какой-то новой тактики. Полагаю, что, если все проверено, можно и нужно идти на испытания, на любой риск.

Наши спортивные руководители, оттягивающие открытый матч, попали в неудобное положение еще и потому, что гости постоянно интересовались, когда же они, наконец, померяются силами с основным составом советских хоккеистов.

Дальше тянуть уже было невозможно, и вот появляются афиши, сообщающие о первой встрече сборной команды Москвы и коллектива «ЛТЦПрага».

Кстати, хотелось бы сказать, что в положительном решении вопроса об открытых матчах с ЛТЦ немаловажную роль сыграли работавший в то время секретарем ЦК ВЛКСМ Николай Александрович Михайлов и спортивный отдел ЦК комсомола.

На стадионе «Динамо» собралась необычно большая для зимы аудитория зрителей – 30–35 тысяч болельщиков пришли посмотреть эту игру.

Выиграли матч мы – 6:3. Удивлялись не только наши гости, зрители, специалисты хоккея, но и сами победители.

У меня и потом было немало приятных минут в моей спортивной биографии, но большей радости, чем в тот день, я все-таки никогда не испытывал.

Я полагаю, команда наша победила прежде всего потому, что уж очень сильно хотела победить, так хотела, что желание это перерастало в драматический фанатизм. Только после окончания матча обратились ребята к врачу, а ведь все шайбы попадали в незащищенное тело: это была отвага особой закваски. Наш коллективизм выражался не столько в классическом пасе. Он одухотворял всю игру. Коллективизм этот, самоотверженность поразили чехов, раскололи их оборону, и они дрогнули. Шесть шайб побывало в их воротах, хотя стоял у них лучший по тому времени вратарь Европы – Богумил Модрый.

Лучшим игроком нашей команды был, безусловно, Всеволод Бобров. Большой вклад в победу сделал и вратарь сборной Москвы Меллупс.

У этого вратаря было одно ценнейшее для стража ворот качество: после пропущенного гола он никогда как будто не переживал неудачу, быстро восстанавливал все в памяти, «проигрывал» этот момент, повторяя движения, и делал необходимые выводы. Он умел спокойно выслушивать замечания и критику товарищей, оставляя свои личные переживания и обиды на завтра.

Мне не раз приходилось жить с Меллупсом в одном номере гостиницы, и я видел, как тщательно готовится он к игре. Он и в жизни был таким же аккуратным, собранным, пунктуальным.

Подступы к воротам Меллупса стойко и надежно охранял Александр Виноградов, этот хоккейный богатырь, который в разорванной фуфайке лез на соперников, ловил шайбу на грудь, врезался в борт, не жалел себя. Таким же решительным спортсменом, умеющим целиком, до конца отдавать свои силы игре, показал себя другой защитник – Борис Бочарников.

Капитан нашей команды Владимир Никаноров почти не уходил с поля, играл спокойно, осмотрительно, не поддавался ни на какие уловки. Смелый, крепкий защитник. В ходе матча умело перестраивал свою игру. Прекрасно ориентировался на поле. Будучи одним из лучших

вратарей советского футбола, он не побоялся начать свою спортивную жизнь заново в неведомом нам тогда виде спорта.

Володю высоко ценили и уважали товарищи. Он был немногословным парнем, но если уж начинал говорить, то к нему прислушивались все.

И остальные наши ребята – Анатолий Сеглин, Борис Соколов – казались в тот день воплощением мужества, спокойствия и расчетливости. Это были настоящие хоккейные бойцы.

Но всех нас поразило в том матче Евгений Бабич, настоящий патриот команды, тонкий тактик, создававший много голевых моментов для нашего главного бомбардира Всеволода Боброва. Бабич обладал счастливым даром – умел находить ту почти неуловимую середину между индивидуальной и коллективной игрой, что делает спортсмена высочайшим мастером. Он великолепно пользовался обводкой, финтами, но никогда не забывал о грозном оружии – пасае.

В тройке Василий Трофимов – Всеволод Блинков – Николай Поставнин играли очень быстрые форварды. Они были както особенно побоевому дружны и азартны.

Самых больших похвал заслуживает Трофимов, невысокий, юркий крепыш, принесший немало хлопот чехословацким защитникам.

На высоких скоростях вела атаки и тройка Юрий Тарасов – Зденек Зигмунд – Иван Новиков. Возглавлял ее хоккеист и теннисист З. Зигмунд, отличный товарищ, великолепный боец, прекрасный атлет. И как хорошо, что с конца 1965 года в Москве проводится мемориал Зигмунда, турнир московских теннисистов, посвященный памяти этого прекрасного спортсмена.

На следующий день после первого матча с чехословацкими хоккеистами нас пригласили в ЦК ВЛКСМ на дружескую беседу. Товарищи из Центрального Комитета комсомола приняли нас очень тепло, с большой заинтересованностью расспрашивали о наших хоккейных делах, планах, надеждах, перспективах. Нас наградили от имени комсомола именными часами. То были первые советские послевоенные часы, и мы храним их сейчас как драгоценную реликвию.

Беседовавшие с нами товарищи старались понять наши радости и огорчения, стремились оказать посильную помощь. В конце беседы они попросили, не приказали, а почеловечески, понимая, как трудно нам, попросили сыграть в остальных матчах не хуже. Товарищи из ЦК сказали, что наша главная задача – учиться играть по-настоящему. Не только воевать на хоккейном поле, но и постараться научиться играть умно, тактически зрело. В ЦК комсомола нам напомнили, что от наших успехов будет во многом зависеть популярность хоккея в стране.

С тех пор наша дружба с Центральным Комитетом комсомола стала постоянной. Нам помогают, о нас беспокоятся. Уходят из комсомола одни ребята, приходят другие. Меняются составы команд, составы сборных, но дружба комсомола и хоккеистов по-прежнему верна и крепка.

Учиться и учиться

Однако одержанная победа над чехами совсем не означала, что мы сильнее их.

Хитрый тактик, чехословацкий тренер уже в следующем матче нашел ключик к нашим воротам.

Чехословацкие хоккеисты начинали раскат со своей половины поля, тройка отходила назад, набирала скорость и, как нож в масло, входила в наши оборонительные ряды. А мы не знали, как нам играть, потому что не владели тогда еще искусством ни маневренной, ни позиционной обороны. Мы не знали, что можно своим правильным построением прерывать темп атаки соперника, если оставить впереди хотя бы одного нашего нападающего. Непривычны были нам и силовые столкновения.

Матч начался все-таки для нас удачно: мы повели – 2:0. Вот снова Бабич быстро проходит по краю и выкидывает шайбу на «пятак», и мне, игравшему рядом, в общем-то ничего не оставалось, как забросить шайбу в пустые ворота. Но... судьи ее неожиданно не засчитали.

Чехословацкий судья мотивировал свое решение тем, что я якобы в момент броска был в площади ворот. Начался спор, и игра минут на двенадцатьпятнадцать была задержана.

В то время в хоккее были старшие судьи. Именно таким старшим судьей был в этом матче

Михаил Дмитриев, скромный до девичьей застенчивости человек. Все в споре зависело от него, но он... забыл о своем преимуществе и потому, естественно, не воспользовался правом вынести окончательное справедливое решение.

А ведь эта заброшенная шайба была почти последним нашим успехом в том матче.

Мы слишком старались накануне, и потому сил у нас больше не было. Мы физически не могли вынести тяжести нового хоккейного поединка. А тут еще разыгрались наши гости. Их могучий защитник Троусилек, отличавшийся умением отлично применять силовые приемы, расшвыривал наших нападающих в разные стороны. В итоге поражение – 3:5.

Мир тесен, и спустя несколько лет я встретился с тем чехословацким судьей, который когда-то не засчитал ту решающую для нас шайбу. Он сразу и откровенно признался, что совершил ошибку. – Я ведь тоже человек, – оправдывался он. – И ты меня прости, что я тогда поставил вас в тяжелое положение. Но я не мог допустить, чтобы новички еще раз обыграли наших прославленных ребят...

Мы простили, конечно, такую нечестность. К тому времени я уже понял пользу нашего давнишнего проигрыша. Мы тогда смогли лучше взглянуть на собственную тактическую беспомощность, и это заставило нас более серьезно воспринимать собственные недостатки, более критически оценить свой первый успех.

Третий матч закончился ничьей – 2:2. Это был матч равных команд. Чехи играли старательно, но не могли сделать большего.

Чехословацкие друзья помогли разобраться в том, что мы из себя представляли. Они пришли к нам на разбор прошедших игр. Эта встреча вылилась в чрезвычайно интересную беседу. Мы задавали множество вопросов, старались понять секреты искусства больших мастеров.

Нас гости спрашивали – то ли в шутку, то ли всерьез, – будем ли мы развивать хоккей или, как в тридцатые годы, забросим клюшки на печку.

Чехи и на льду показывали, как надо играть в тех или иных ситуациях. Особенно большую помощь оказал нашим вратарям Богумил Модрый. Он чуточку умел говорить порусски и потому смог рассказывать немало интересного и полезного своим советским коллегам. Показательный урок мудрости вратарской игры остался у меня в памяти на долгие годы.

Это был урок друга, который даже после поражения считал необходимым поделиться своими знаниями. Он искренне желал советскому хоккею больших удач в будущем.

Прошло несколько лет, и вот, будучи в Праге, мы узнали, что Богумил серьезно болен. Вместе с Аркадием Ивановичем Чернышевым я навестил нашего друга. Он был уже плох и, как нам позже сказали, понимал это. Мы вспоминали с ним наши встречи в Москве, много и интересно рассуждали о хоккее минувшем, и настоящем, снова и снова благодарили Богумила за его огромную помощь и бесценные советы нашим вратарям. Нам хотелось как-то хоть чуточку облегчить его участь, но он, хотя и улыбался, улыбался печально – знал, что не увидит того хоккея, о котором мы вместе в тот вечер мечтали.

Итак, первая проба сил прошла успешно.

Мы размышляли о принципиальных проблемах раз вития нашего хоккея. Пытались найти ту столбовую дорогу, по которой должен был пройти советский хоккей.

Чешские друзья советовали нам больше играть, ибо без игры, без практики невозможно достичь высот мастерства. Лучше меньше тренировок, говорили они, но больше игр, особенно с сильными зарубежными командами. Такие встречи обогащают в тактическом отношении, позволяют спортсменам научиться находить в ходе любого матча какие-то новые игровые связи, повышают техническое мастерство игроков, их физическую и волевою закалку.

Все это так. Советы эти были, безусловно, разумны. И все-таки мы по-прежнему делали основной упор на... тренировки. Почему? Только потому, что на тренировке в единицу времени спортсмен успевает сделать значительно больше, чем в ходе игры. А нам необходимо было торопиться, если мы хотели сократить этот исторический разрыв, который был еще между нами и ведущими хоккейными державами. За несколько сезонов нам предстояло наверстать хоккейную программу лет эдак за... сорок!

А как тренироваться, над чем работать?

У нас явно отставала техника. Наши чехословацкие друзья считали, что нам даже мешает... скорость.

Сомнения одолевали нас. Хоккей советский был на распутье. Налево пойдешь – скорость потеряешь. Направо – технику так и не найдешь.

Где лежала истина? Как нужно было искать ее?

А наша система физической подготовки в новом виде спорта? Верна ли она?

В поисках льда

Желание наше научиться здорово играть в хоккей было непомерно велико. И оттого мы нередко перегибали палку: врача не было, и часто тренировки продолжались до тех пор, пока в глазах не становилось темно.

А тренироваться хоккеистам первых призывов было, прямо скажем, не так легко, как сейчас. По крайней мере в одном отношении... У нас не было льда.

Технику хоккеисты ЦСКА совершенствовали на теннисных кортах, на бетонных и игровых площадках старинного парка на площади Коммуны. Там, где сейчас заливают зимой каток.

Умудрились изобрести особую шайбукольцо, которая легче поддавалась ведению и особенно броскам на земляных площадках. Вспоминаю, как удивлялись посетители парка: хоккеисты в жаркое летнее время бегают по бетонным площадкам и гоняют какое-то кольцо. А некоторые возмущались, потому что это кольцо нередко попадало в ноги гуляющих – броски у нас были не очень-то точными.

Зиму ждали, приход ее торопили. По утрам жадно смотрели в окно – не подморозило ли? А расставаться с ней, напротив, не спешили. В весенние дни, когда лед превращается в кашу, мы тренировались ранним утром – в те часы, пока подмораживало.

У команды ЦСКА было две базы: одна – спортивный дом отдыха на Ленинских горах, у подножия сегодняшнего трамплина. Там, в тени, лед держался особенно долго. А вторая база была в Сокольниках, на 4 м Лучевом просеке, где тренировались футболисты ЦСКА. Там усилиями добрых людей лед сохранялся чуть ли не до лета. Рабочие успевали каким-то совершенно непостижимым образом подготовить за ночь вполне приличный лед, они подчищали и заливали его, собирая буквально по кусочкам. И все это ради того, чтобы мы имели возможность в тричетыре часа утра начать тренировку. И закончить ее с первыми лучами восходящего солнца, появляющегося так некстати из-за вершин высоких сосен. Ох, как ругали мы это весеннее жаркое солнце!

Но никто не жаловался на качество льда. Все были поглощены занятиями. В то время, собственно, мы и научились использовать каждую минуту тренировок.

Хоккеисты не сетовали, что наши занятия на льду начинаются в три утра. Не плакались, что трудно в это время добираться на другой конец Москвы. Я до сих пор не понимаю, как умудрялись ребята успевать к началу тренировок. На такси средства были, прямо скажем, далеко не всегда. Такого шика наши ребята себе позволить не могли. Уж это я знаю точно!

И вот, наконец, у нас великая радость. Восторг и энтузиазм хоккеистов неопишем. В Москве создается искусственный лед. В детском парке Дзержинского района строится экспериментальный каток новой конструкции.

Мы сразу же помчались в Марьину рощу на строительство. Помогали рабочим, как умели. Особенно усердны были на земляных работах, где не требовалось особого мастерства.

Каток готов! Даже не каток – миниатюра. Длина его – 12 метров, ширина – 10. Всего 120 квадратных метров льда. Для сравнения скажу, что площадь современного хоккейного поля – 1860 квадратных метров.

Каток строился для тренировок фигуристов. Но привлек огромное внимание и мастеров хоккея. И потому мы добились возможности там тренироваться. Но день был занят, и потому команда ЦСКА имела ночное время. Ребята шутили говорили, что пошли, мол, в ночную смену. Тренировались, как правило, с двух до шести утра...

Команда разделялась на подгруппы. Каждая подгруппа имела возможность быть на льду по полтора часа, потому что больше пяти человек одновременно находиться на льду не

могли...

Шатер, покрывающий каток, был некрепок. Случалось, хоккеисты вылетали из этого шатра. Доставалось и мне, а однажды все кончилось трагически – кто-то из хоккеистов настолько удачно усвоил мои уроки силовой борьбы, что простонапросто вышвырнул меня из шатра, и у меня случился перелом стопы.

Свои успехи в освоении тактики и техники игры мы проверили в те годы в матчах с финскими хоккеистами, играли с друзьями-поляками, со шведами. Провели открытый матч в Германской Демократической Республике, где находились на тренировочном сборе с нашими старыми учителями – с чехословацкими мастерами. Матч этот закончился со счетом 3: 3.

Кстати, необходимо сказать о той большой помощи, какую оказывали нам в те годы наши немецкие друзья. Они предоставили возможность проводить тренировочные сборы на их искусственном катке.

Несколько раз в течение 1951–1954 годов мы пользовались любезным гостеприимством своих немецких коллег.

Мы жили в местечке Кинбаум, в 40 километрах от Берлина. Ездили в столицу дважды в день на тренировки. База была прекрасна – чудесная природа, озеро, лодочные прогулки и – главное – гостеприимные хозяева.

А однажды мы устроили общежитие прямо на катке. Ребята шутили, что мы спали чуть ли не на льду. Зато тренировались трижды в день. И когда немецкие товарищи приглашали нас в четвертый раз на лед – поиграть или потренироваться вместе. – отбоя от желающих не было.

Матчи между нами были бесприигрышными: и те и другие учились играть тоньше, лучше, интереснее, умнее. Для нас неважен был результат. Искали главное, отбрасывали в этих поисках ненужное, лишнее, ошибочное.

А в 1953 году состоялся наш большой публичный экзамен. Советские хоккеисты впервые принимали участие во Всемирных студенческих играх в Вене и победили всех своих соперников.

Я уже писал в одной из глав, что нас тогда здорово обидели. Было обещано, что в случае победы на турнире в Вене мы поедем на чемпионат в Цюрих. Но читатель уже знает, что из-за болезни Всеволода Боброва сборную команду пустить на такие ответственные соревнования не рискнули. Опасались, что без своего лидера команда проиграет.

Это было обидно вдвойне, ибо на чемпионат не приехали ни канадцы, ни американцы. А всех остальных соперников мы знали хорошо и, уверен, могли бы победить.

Так была упущена возможность стать на год раньше если не чемпионом мира, то общепризнанной и популярной командой.

ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ

Драматический сюрприз новичков

Это был поразительно удачный дебют – новички стали чемпионами мира.

Впервые участвовать в таком сложном и трудном турнире – и сразу же победить. Подобного мировой хоккеем еще не видел!

С тех пор прошло несколько лет, и мне хочется сейчас вспомнить некоторые эпизоды из истории нашего счастливого дебюта.

Уже первая встреча, в аэропорту, поразила нас. Некоторые корреспонденты, ничего толком не зная о наших хоккеистах, да, и вообще, наверное, не зная ничего хорошего о нашей стране, задали нам первый вопрос: как мы привязываем свои коньки... к валенкам? Затем наиболее бесцеремонные из них попросили Бориса Петелина и Николая Хлыстова взвеситься. Уж очень маленькими показались им эти два наших хоккеиста.

Несколько своеобразные формы вежливости и гостеприимства удивили ребят... Сначала они откровенно растерялись, а потом, успокоившись и перестав чему-либо удивляться, захохотали. Над незадачливыми репортерами смеялись все. А Петелин и Хлыстов, войдя в роль, направились к весам...

Победы давались на турнире нелегко. Соперники подобрались сильные.

И хотя мы играли хорошо, наши победы считались случайными и не заслуживающими особого внимания. Я вспоминаю карикатуру, которая появилась за несколько часов до начала нашей встречи с канадцами. Эта карикатура обошла многие газеты и страны. Наш капитан Всеволод Бобров сидел за ученической партой, а великанканадец, размахивая клюшкой, учил его хоккейной грамоте.

Карикатура была размножена, приклеена на видных местах, в том числе и у входа на стадион.

Многие зрители пришли на матч с нескрываемым намерением увидеть избиение младенцев.

Вот почему итог матча 7: 2 в пользу советской сборной показался совершенно сенсационным.

Но не только эта игра решала судьбу победы. На мой взгляд, на том чемпионате и чехи и шведы были в общем-то не слабее канадцев. Особенно запомнился матч со шведами. И не только своим необыкновенным спортивным драматизмом.

В тот вечер валил крупный снег, поле через каждые тричетыре минуты становилось «непроходимым». У наших ребят гасла скорость, не получался пас. А это было на руку более медлительным шведам. Немаловажное значение для дебютантов чемпионата, выступающих на чужом поле, имела и настороженность зрителей. А зрители скандировали, ни на минуту не умолкая, традиционное «Хейя, хейя» и звали своих земляков на штурм наших ворот.

Этот матч запомнился мне удивительно доброжелательной обстановкой, в которой он проходил. Когда наш тренер. Аркадий Иванович Чернышев попросил судей устраивать перерыв через каждые десять минут, чтобы можно было очищать лед, и судьи спросили шведов, не возражают ли они против предложения советской команды, хозяева поступили как истинные джентльмены: если русские просят, давайте будем чистить лед. А ведь они понимали, что глубокий снег лишал нас преимущества в скорости.

Поразительный случай произошел перед вторым перерывом. Шведам удалось в конце периода забросить в наши ворота шайбу, и огорченные ребята поехали на центр поля – счет стал 0:2.

Но в это время раздался необычный протяжный свисток с судейского столика. Секундометрист матча – швед подозвал арбитров и сказал, что, пока шайба летела, время периода кончилось.

Удивительная честность, если принять во внимание степень напряженности борьбы.

1954 год – важнейшая веха в истории отечественного хоккея. Не только потому, что к нам пришла победа. Не только потому, что советский хоккей получил важное международное признание. 1954 год – это год невиданного роста популярности хоккея в стране.

Победа привлекла к хоккею особенное внимание любителей спорта. Мальчишки, юноши повалили в хоккейные секции. Трибуны стадионов на хоккейных матчах были переполнены.

Год олимпийский и год послеолимпийский

В 1956 году нам представилась возможность на спортивную честность и великодушие шведов, проявленные в Стокгольме, ответить такой же честностью и таким же великодушием.

Это произошло в Италии, в Кортина д'Ампеццо, на VI Зимних олимпийских играх.

В турнире хоккеистов шведы неожиданно проиграли в предварительном турнире команде Швейцарии, и теперь их судьба, их выход в финал зависели от исхода нашей игры со швейцарцами.

В общем-то мы были заинтересованы иметь в финале более слабого соперника. Но в спорте нет места обману, и потому мы намерены были сражаться в полную силу.

Шведы просили нас выиграть, и мы обещали это сделать. Однако матч сложился так, что вначале советские хоккеисты проигрывали 0: 2. (Можно представить себе настроение наших шведских друзей!) Но вскоре все стало на свои места. Мы победили со счетом 9: 2.

Радости шведов не было предела. А когда советские хоккеисты стали чемпионами мира, никто, пожалуй, не приветствовал нас так горячо, как шведы. Они пришли в раздевалку и прямо

в душе, под горячей водой, не жалея свою модную одежду, целовали только что родившихся чемпионов.

Судьба золотых медалей решалась тогда в матче с канадцами. С первых же минут вся их команда рванулась на штурм наших ворот. Они хотели сразу же смять, подавить, разгромить советских хоккеистов.

Но наши уже опытные, искушенные спортсмены заранее знали, что в этом матче заокеанские мастера именно такую тактику и изберут. И потому действия советских хоккеистов были рассчитаны на длительную позиционную оборону, на изматывание сил соперника, на «авантюризм» канадских защитников. Это было, безусловно, единственно правильное решение: активная оборона. Победа в этом матче с небольшим, но «сухим» счетом – 2: 0 – это прежде всего победа тактики и необыкновенной стойкости наших ребят. Особой похвалы в этом матче заслужили вратарь Николай Пучков, защитники Николай Сологубов и Альфред Кучевский и звено нападающих из московского «Динамо» – Юрий Крылов – Александр Уваров – Валентин Кузин. Наш вратарь проявил блестящую реакцию, «тигриной» хваткой, поразительной ловкостью он внушил товарищам уверенность, что за его воротами ни за что не вспыхнет красная лампочка.

Сологубов и Кучевский поражали своим спокойствием, расчетливостью, мужеством, постоянным стремлением «успокоить» в силовых столкновениях не в меру разбушевавшихся канадцев.

Валентин Кузин

Интересно раскрылись дарования хоккеистов, пришедших в сборную из «Динамо». Трое нападающих, составляющих это звено, были по своей манере непохожи друг на друга, но вместе они выглядели единым, монолитным коллективом. Если Крылова отличали простота, безыскусственность игры и удивительная устойчивость на коньках, хватка, неумная силища, то Валентина Кузина характеризовало высокое искусство дриблинга, скорость передвижения, быстрота действий и решений.

Юрий Крылов

Но подлинным мозгом команды, сумевшим слить воедино трех разных по стилю игроков, был, конечно, центральный нападающий этого звена Александр Уваров. Этот на вид щуплый, невысокий хоккеист, как талантливейший дирижер, направлял игру партнеров. У него были черты особой доброжелательности к товарищам по тройке, и это, выразалось в его огромном желании помочь крайним нападающим, подстраховать их, выдать им четкий, своевременный, «удобный» для них пас.

Александр Уваров

Звено в целом отличало иное, чем у других троек, тактическое построение, «челночное» скоростное катание, стремление к полной отдаче сил в каждом игровом отрезке, удивительная коллективность действий. Все эти качества были воспитаны у Ю. Крылова, А. Уварова и В. Кузина их постоянным тренером Аркадием Ивановичем Чернышевым.

Успехи советского хоккея были оценены, и нам предоставили Возможность провести следующий чемпионат мира в Москве.

Итак, Москва, 1957 год.

На чемпионат не приехали ни американские, ни канадские хоккеисты. Казалось бы, все складывается так, что наши ребята снова станут чемпионами мира. Но так только казалось.

Сборная СССР не проиграла ни одного матча и все-таки зайяла лишь второе место. Чемпионами мира домой уехали шведы.

Любопытно сложился матч между нашими командами. Итог его известен – 4:4.

Этот матч запомнился мне тем уроком, который преподнесли нам в тактике игры шведские мастера.

В ходе матча мы вели с преимуществом в две шайбы, но шведы сумели сравнять счет. Как же это произошло? Ведущего шведского на падающего Свена Юханссона, более известного во всем спортивном мире под кличкой Тумба (кстати, он даже сменил свою фамилию на это прозвище), опекал, выполняя функции нападающего, защитник Виталий Костырев. И вот, заметив это, Тумба придумал коварный контрприем. Когда Костырев опекал его особенно тщательно, Тумба немедленно начинал играть с другим нашим хоккеистом.

Получалось, что два игрока держали одного шведа. Теперь кто-то из соперников оставался свободным. Чаще всего им был Эйлерт Меетя, в конце концов и решивший судьбу матча, забросив нам четвертую шайбу.

Но основная причина нашей неудачи заключалась, пожалуй, в том, что сборная СССР по хоккею стала не только более опытной, но уже и более старой. Возраст ведущих наших игроков был намного выше молодых лидеров команд соперников. Оберегая своих ветеранов, мы забыли о подготовке им смены.

Это был хороший урок для тренеров.

Стало ясно, что мы столкнулись с проблемой смены поколений в нашем хоккее. Тренеры не успели подготовить резерв первого эшелона, и потому наша сборная должна была теперь за это расплачиваться.

Три сезона – 1958, 1959, 1960 годов – ушли на ввод в сборную молодежи.

Первое открытие Канады

После победы в Стокгольме руководители советской делегации пригласили на прием в числе других гостей и канадцев. А там, воспользовавшись каким-то удобным поводом, сказали, что хотели бы дружить, играть с ними как можно чаще.

В ответ на наше предложение канадцы неожиданно и откровенно рассмеялись.

– Нам это не нужно, – сказали они, – такие встречи ничего канадскому хоккею не дадут. Вы слишком слабы... А проиграли мы вам потому, что прислали не в меру слабую команду.

В тот вечер я впервые познакомился с любопытной чертой психологии канадцев. Когда канадец говорит о хоккее, он, как мне показалось, совершенно теряет здравый рассудок. Жители страны кленового листа спокойно воспринимают любую критику в свой адрес, если она не затрагивает их... хоккея. По твердому убеждению жителей Канады, мастерство их хоккеистов, как и жена Цезаря, вне всяких подозрений.

Осенью 1957 года в Федерацию хоккея несколько неожиданно поступает приглашение направить в Канаду сборную советских хоккеистов в ее лучшем составе.

В чем дело? Узнаем от журналистов, что это решение принято под воздействием канадской общественности, которая больше не верила, что русские могли дважды случайно стать чемпионами мира. Канадские любители хоккея выразили настоятельное желание посмотреть, как же выглядит, наконец, эта таинственная русская команда.

Начали собираться в дальнюю дорогу.

Но кому имеет смысл ехать в Канаду? Самым лучшим? А может быть, взять в поездку не просто самых лучших, но самых разных? Ведь цель визита – не победа непременно во всех матчах. Главная цель в ином. Нужно подумать о перспективе. Надо, чтобы те, кто побывает в Канаде, передали потом свой опыт десяткам молодых хоккеистов, во-первых, и научились более умело воевать на чемпионатах мира, во-вторых.

Разумеется, победы в предстоящих играх были весьма желательны. Но знания, которые предстояло нашим ребятам почерпнуть из встреч с родоначальниками хоккея, были в данном случае все-таки важнее.

Анализ секретов классного профессионального хоккея: техника, тактика, методика подготовки игроков высокого класса вот что нас прежде всего интересовало.

А что не нравится канадцам? Быстрота? Ловкость, сила? Или игровая сообразительность, может быть, воля? Каковы тактические принципы игры в различных зонах площадки? Почему крепка их оборона, чем объясняется высокая результативность их атак?

Мы взяли физически мощных игроков – Станислава Петухова, Ивана Трегубова, Дмитрия Уколова, Генриха Сидоренкова, включили в сборную защитника большого радиуса действия Николая Сологубова, молодого, но уже прекрасного техника Вениамина Александрова.

Наконец мы включили в сборную Володю Елизарова.

Об этом игроке я хочу рассказать немного подробнее. Ведь о нем мы пока в этой книге не вспоминали. Все двенадцать тренеров на заседании тренерского совета, где решался состав сборной, отправляющейся в Канаду, выступили против этого нападающего. Они объяснили свое решение тем, что у Елизарова невысокая результативность, физические данные средние, да и возраст не особенно перспективен. Но тринадцатый тренер все-таки попросил уважить его просьбу и включить Елизарова в сборную.

Я руководствовался одним мотивом. Это был необычайно юркий, ловкий и быстрый, хитрющий игрок с прекрасной реакцией. Действия Володи отличались обычно неожиданностью решений и большой выдумкой. Он был фанатиком хоккея. Предполагая, что его скорость связана не с особыми физическими качествами, а только с весом, Елизаров, выигрывая граммы, обрезал себе щитки, укорачивал трусы, подрезал подошвы, ботинки надевал на голую ногу, играл, разумеется, без шлема. Так было и в Сибири, когда матчи проводились при двадцатиградусном морозе.

Елизаров умудрялся перед выходом на поле както незаметно сбрасывать с плеч даже наплечники, причем делал он это настолько ловко, что я, тренер этого не замечал несколько лет. Я и не подозревал, что он не полностью экипирован.

Ловкость Елизарова была поразительна. В Канаде несколько раз были такие моменты, когда защитники, стараясь припечатать его к борту и разогнавшись... врезались в борт, а Володя мчался дальше как ни в чем не бывало.

После окончания турне сами канадцы признавались, что наиболее неприятным и трудным игроком был для них именно Елизаров.

После того, первого, визита наших хоккеистов в Канаду прошли годы, и в нашем хоккее осталась не только память об этом спортсмене, но и убеждение, что могучим, сильным защитникам канадцев не по вкусу верткий, сообразительный и находчивый нападающий.

Мы включили в сборную страны тогда и нескольких универсалов – игроков, умеющих делать все. Таким был, например, Валентин Быстров из Ленинграда. Мы попробовали его в нескольких матчах и убедились, что такого типа мастера, хотя и умеющие играть всюду, но в общем-то средние, не самобытные, против канадцев выстоять не могут – слишком велика разница в классе игры.

Это был один из важнейших выводов сделанных, нами после визита на родину хоккея: у каждого спортсмена должны быть яркие черты индивидуального игрового характера, позволяющие ему манерой своих действий или сковывать игру соперников, или так сильно влиять на ход матча, что за тобой вынуждены следить особенно внимательно.

Поехали с нами и два вратаря – Николай Пучков и Евгений Еркин.

Любопытно, что большую часть встречи провел наш второй вратарь – Еркин.

Вы спросите, почему играл он, а не Пучков. Ведь Николай по праву считался в то время лучшим стражем ворот.

Пучкову исполнилось тогда 27 лет, он был трудолюбивым и серьезным спортсменом, умел готовить себя к ответственным соревнованиям, знал цену тренировки. Но вдруг обнаружилось, что он панически боится канадцев. Я в этом, правда, окончательно убедился несколько позже, когда мы выступали на чемпионате мира, проходившем в Осло. Там его боязнь канадцев была не столь очевидна, но все-таки я не мог не видеть, что канадские нападающие пугают Николая. На один из матчей наших грозных соперников, который смотрели все ребята, я Николая просто не пустил. Пригласил его в тот вечер побродить по улицам норвежской столицы и понял, хотя и не был уверен в правильности своего вывода, что

Николай может здорово подвести нас в игре с грозным соперником.

Вот и отправляясь в Канаду, мы несколько раз разговаривали с Николаем, и он каждый раз убеждал меня, что против канадцев мы беспомощны. Что этим составом мы ничего путного не добьемся, что родоначальники хоккея по-прежнему опережают нас в этом виде спорта на три десятка лет, что победы советской сборной были во многом случайны. И главное, сошли со сцены те, кто побеждал их. Пучков тогда в молодежь не верил.

Поездка наша в Канаду носила, безусловно, экспериментальный характер. И все-таки хочется напомнить, что то первое и потому самое памятное турне прошло исключительно удачно – пять побед, одна ничья и всего, два поражения.

И если встретили нас, как говорится, «по одежке» – по той репутации, которую создала нам местная (не всегда объективная) пресса, то проводили уже «по уму» – по заслугам и успехам, по нашему умению играть в современный хоккей...

Немного о профессионалах

Во время первого турне в страну кленового листа мы впервые воочию познакомились с игрой канадских профессионалов.

Мы в первый раз увидели Мориса Ришара, прозванного Ракетой.

Профессионалы произвели на нас огромное впечатление.

Их понимание хоккея существенно отличается от нашего.

Мы больше всего ценим в хоккее игровое изящество, разнокрасочность тактических решений, быстроту приливов и отливов в атаках ворот обеих команд. Наши зрители восхищаются искусством каждого хоккеиста в отдельности и слаженностью действий всего звена, всей команды.

Мы стоим за игровую порядочность, стараемся поддерживать эдакое джентльменство в самом напряженном матче. Хоккей для нас – хороший концерт.

А профессионалы и их зрители ценят в своем хоккее прежде всего своеобразно понимаемое мужество, жесткость, стремление проявить себя, свое мастерство. Любыми путями. Игра ошеломляет ожесточенностью. Лучше не точно, пусть далеко не рационально, я самое главное, зрительно эффектно – вот девиз профессионального хоккея. Но игра их, как это ни парадоксально, несколько прямолинейна: только прямыми кратчайшими путями к цели! Как можно скорее ворваться в зону, атаковать ворота, а что дальше – там видно будет.

Нельзя было, однако, не заметить высокого мастерства канадских профессионалов.

После первых увиденных матчей я спросил ребят, можем ли мы сыграть с сильнейшей профессиональной командой «Монреаль канадиенс».

Видимо, это был не очень удачный вопрос: даже самые забубённые головушки понурились, склонились в печальной растерянности.

Тогда, в 1957 году, наш хоккей действительно здорово уступал еще канадскому профессиональному хоккею.

Однако, по моему твердому убеждению, наша сборная образца последних лет может на равных сражаться с любой профессиональной командой Американоканадской высшей лиги. В том числе и с «Монреаль канадиенс». С командой Мориса Ришара.

Экс-профессионал, которого видели все

Однако канадские профессионалы нашим зрителям, нашим любителям хоккея известны пока мало. Но одного из них, бывшего профессионального хоккеиста, игрока сборной, Канады, Карла Бревера, видели миллионы советских телезрителей. Вот почему мне хотелось бы сказать о нем несколько слов.

О Бревере в Вене было много разговоров. Некоторые недоумевали: почему не он признан лучшим защитником, спрашивали, нет ли здесь ошибки?

Немало вопросов о Бревере задали мне и болгарские специалисты хоккея, болгарские журналисты, когда я приезжал в Болгарию на теоретический семинар. Им тоже казалось, что Бревера в Вене вроде бы обошли. Бревер, несомненно, обладает многими достоинствами. Никто

лучше его не распоряжается шайбой. Высокая техника, игровая интуиция, колоссальный опыт позволяют ему – при его широкой ориентировке – выбирать самые разумные решения. Он умеет владеть временем, отлично чувствует ритм атаки, отдает шайбу всегда своевременно. Силен, самолюбив, расчетлив, хотя и бывает не в меру горяч.

И все-таки я бы Бревера в нашу сборную команду не взял.

Бревер слишком мало перемещается по площадке, он пробегает в матче полторадва километра, не более, в то время как наши защитники – до пяти, а Виктор Кузькин и Виталий Давыдов – шестьсемь.

Причину этого объясняют экономностью действий Бревера. Действительно, он предлагает свои услуги лишь, тогда, когда уверен, что партнер с ним сыграет.

Я считаю такую, экономичность не достоинством, а недостатком. Что это за современный хоккеист, который не совершает так называемых «лишних» перемещений, не ведет за собой соперника, не предлагает себя в самую сложную секунду, в ту, когда партнер чаще всего как раз и лишен возможности дать пас?!

Наш хоккеист всегда идет на помощь, и неважно, что десятьпятнадцать раз он, открываясь, не получает шайбу: и при этом он приносит команде пользу – уводит за собой опекуна. Он заставляет его следить за своими перемещениями и, значит, облегчает игру партнера.

Но если бы Бревер стал играть в такой хоккей, тогда бы он не был Бревером. Он не может быть внешне незаметным на площадке, скромным спортсменом. Таким хоккеистам платят мало: при подобной манере действий они редко забрасывают шайбы, чаще – пасуют, не используют эффектных финтов, не привлекают всеобщего внимания. Их игра зрительно, внешне не бьет, как луч света, в глаза тому, кто занимается и руководит хоккеем. Кто платит за хоккей.

Поставить Бревера в нашу команду – значит вернуться к хоккею времен «премьеров», от чего мы давно отказались.

Но как же так, спросят меня, ведь более ста журналистов включили Бревера в символическую сборную мира, наряду с большими мастерами А. Фирсовым, А. Рагулиным, А. Альметовым, В. Александровым и Карлом Ветцелем, вратарем сборной США.

Что же поделаешь, просто мы, видимо, поразному понимаем хоккей.

Переоценка ценностей

В последние годы соотношение сил двух хоккейных держав изменилось.

Канадцы после успеха сборной СССР в игре с «Тре Крунур» на венском чемпионате пришли на нашу тренировку в полном составе. Мы не стали скрывать свое занятие, не скрывали тактического плана, намечаемого на матч с завтрашними противниками – с канадцами. Напротив, нам показалось любопытным... и полезным показать своим соперникам уже сейчас все, что ждет их завтра. Это была своеобразная попытка проверить психологическую устойчивость конкурентов.

Тренировка была интенсивная, темповая, тактически насыщенная и... жестокая. Не скрою, что Кое-кто из наших болельщиков просто ахнул, увидя, как мы готовимся к завтрашнему матчу:

– Слушайте! Ведь так уже сегодня можно недосчитаться половины состава!..

Состав мы сохранили, ни травм, ни ушибов ни у кого не было, но зато даже Мартин, все на свете в хоккее видевший и знающий, ко всему привыкший Мартин, сидел с широко распахнутыми глазами, в которых легко читалось: уж если они сегодня так себя не жалеют, то чего же можно ждать завтра?..

Думаю, не очень ошибусь, если рискну заметить, что мы своей цели добились. Думаю, не очень ошибусь, если сделаю вывод, что канадские хоккеисты нас с это го дня побаивались.

Простая человеческая деталь. После разгрома шведской команды канадские парни непременно первыми начинали разговоры с нами, первыми подходили к советским хоккеистам. Они нас побаивались, но будучи фанатиками хоккея, людьми, влюбленными в хоккей, людьми, умеющими ценить хороший хоккей, будучи настоящими страстными хоккеистами, они не

могли не восхищаться нашей командой.

Меня интересовало: верят ли в свою победу канадские тренеры? Мне хотелось встретиться в этот день со своим старым знакомым священником Бауэром, я зашел к нему в номер, но, к сожалению, не застал его.

В день матча с канадцами мы не разрешили своим ребятам смотреть матч ЧССР – Швеция, хотя я сами при этом лишились большого удовольствия, у нас были дела, следовало последний раз подумать о тактическом плане на матч, поговорить с хоккеистами, излишне волнуясь, прежде всего с нашими дебютантами. Матч наш с Канадой был назначен на очень поздний час, и хотелось как-то помочь спортсменам скоротать время, сохранить нервную анергию, сохранить душевные силы к вечернему тяжелому испытанию.

И все-таки я решил найти Бауэра, мне казалось, что те двадцатьтридцать минут, которые я оторву от своих дел, окупятся сторицей – возможно, мне удастся понять настрой соперников.

Я застал наставника канадцев у телевизора.

Шел матч ЧССР – Швеция. Меня эта игра интересовала лишь в чисто теоретическом плане, как урок, возможный урок на будущее. Но как тренера сборной своим результатом, борьбой за очки матч не волновал. Мы знали, что должны победить сегодня своих соперников, и потому остальные игры, их исход для нас не имеют никакого практического значения.

Я подошел к Бауэру. Сел рядом. Стал смотреть матч. Молча, не давая знать о себе. Посмотрел минуты три и убедился, что Бауэр прикован к месту, возбужден. Он переживал, совершенно очевидно болел за какую-то команду. Его живо интересовал счет матча. Он был заинтересован в определенном исходе этой встречи, транслируемой по телевизору.

Значит...

Для нас главное – сегодняшняя победа. Она все решит окончательно, и о другом исходе мы просто не думали. А Бауэр, и мне это совершенно ясно, за несколько часов до матча с русскими думал не только о первом месте.

О друзьях-соперниках

Следующим важнейшим этапом в становлении отечественного хоккея мне представляются годы наших последних побед на чемпионатах мира и на Олимпийских играх в Инсбруке.

Но победы эти еще свежи в памяти поклонников нашей чудесной игры.

В этой книге я рассказываю прежде всего о хоккеистах ЦСКА. Это понятно: их я знаю лучше, чем кого бы то ни было.

Но когда речь идет об истории нашего хоккея (еще раз оговариваюсь, что глава «Люди и годы» ни в коей мере не претендует на то, чтобы быть этой историей), когда речь идет о первых шагах нового вида спорта в стране, о первых его рыцарях, нужно сказать хотя бы несколько слов и о других мастерах, о других командах, которые представляют наш хоккей сегодня.

В первенстве страны сейчас принимает участие солидная группа сильных и интересных команд. В классе «А» представлены не только наши «старые» хоккейные центры, возглавляемые Москвой, но и такие города, где большой хоккей появился совсем недавно, – Киев, Минск, Новокузнецк, Казань, УстьКаменогорск. И это вполне закономерно. Наш хоккей растет и вглубь и вширь. Совершенствуется мастерство не только хоккеистов, но и мастеров, играющих на так называемой хоккейной периферии.

Одним из наиболее важных итогов хоккейного сезона 1966/67 года было появление на нашем правом фланге еще одной первоклассной команды. Чемпионом страны стали хоккеисты московского «Спартака».

«Спартак» в его нынешнем составе – весьма сильная, четко сбалансированная во всех линиях команда. Тренеру спартаковцев В. Боброву удалось подобрать ровный и интересный состав, добиться его стабильности, и вот команда заиграла, сумела одолеть армейцев, четыре года подряд занимавших бессменно верхнюю строчку в таблицах чемпионатов страны.

Мы можем радоваться появлению превосходной хоккейной дружины.

Кстати, несколько слов о причинах неудачи хоккеистов ЦСКА в минувшем сезоне.

Понимаю, что не только нам, спортсменам и тренерам, но и болельщикам знакомо неприятное чувство горечи поражения.

Однако всякая неудача имеет свои, совершенно конкретные причины, она поразному истолковывается и расценивается, а значит, и поразному «переживается».

Мы, армейцы, переживали свою неудачу (а второе место для почти бессменного чемпиона, безусловно, следует считать неудачей) особенно тяжело: нам эта горечь поражений не очень привычна, знакома мало. На протяжении двадцати лет армейцы имели не слишком много поводов для огорчений. Но в прошедшем сезоне, к сожалению, были весомые обстоятельства, ставшие причиной утраты хоккеистами ЦСКА звания чемпиона страны.

Когда знаешь истоки неудачи, легче переживаешь ее горечь: видны пути к исправлению недостатков, к восстановлению утраченных позиций.

Нашу команду здорово подвела недисциплинированность Кузькина и Мишакова. Но не подумайте, что все дело лишь в том, что команда лишилась двух основных игроков и это, несомненно, отразилось на ее боеспособности. Такое простое объяснение неудачи было бы малоубедительным и поверхностным. Все значительно сложнее.

Мы лишились не просто двух игроков, условных Х и У. Нас подвел капитан команды. Ее бывший комсорг. Хоккеист, играющий весьма важную роль в отношениях между спортсменами и тренерами. Человек, на которого надеялись, в которого верили. Из рабочего механизма команды выпало важное звено – капитан, руководство коллективом самими спортсменами, а не только тренерами.

Видимо, сюда следует добавить и то обстоятельство, что на хоккейную команду ЦСКА была нацелена несколько излишняя, на мой взгляд, доля критики. Остальные команды, даже взятые вместе, ругали, пожалуй, меньше, чем нас.

Мы видели наши ошибки и стремились исправить их. Нам очень помогли в эти дни наши друзья, которые старались поддержать команду.

К сожалению, среди руководителей армейского спорта таких добрых помощников не нашлось. Критика со стороны нашего спортклуба была далеко не конструктивной.

Несправедливые подчас нападки нервировали коллектив и совсем никак не создавали такой важной для успеха творческой и спокойной обстановки.

Но победа – это не только мастерство. Это спокойствие, внутренняя собранность спортсмена, их дружба, вера друг в друга. А Кузькин и Мишаков выбили товарищей из такой обстановки, лишили привычной атмосферы. Их минутный проступок обошелся команде в долгие месяцы лихорадки.

Разумеется, и в чисто спортивном плане отсутствие двух опытных хоккеистов было весьма чувствительно. Особенно болезненна оказалась потеря Мишакова, которого мы намеревались включить в ведущее звено – к Альметову. Именно в те месяцы, когда мы остались без Евгения и Виктора, команда потеряла столь важные очки в играх с горьковчанами и ленинградцами.

Свою вину я вижу и в том, что осенью отказался от нескольких игроков, которые просили включить их в состав ЦСКА: я рассчитывал обойтись в минувшем году наличными силами, а потом, в следующем сезоне, взять в команду молодых, подросших юнцов из хоккейной школы ЦСКА.

И еще одно обстоятельство надо иметь в виду, рассматривая причины неудачи армейцев. ЦСКА к началу чемпионата мира не сумел оторваться в очках от своих конкурентов и потому уже не мог рассчитывать на плановый успех: девять (!) армейцев, не жалея себя, сражались вместе с товарищами за честь нашего хоккея в Вене, но силы их вовсе не беспредельны.

Почему же в таком случае хоккеисты ЦСКА смогли выиграть, у чемпиона в финале кубка и тем самым хотя бы частично реабилитировать себя? В одном матче победить легче. Здесь решающим становится внутренняя мобилизация спортсменов на игру, правильный выбор тактической схемы – для марафонского турнира этого недостаточно.

Наш хоккей стремительно набирает темпы. И проявляется это не только в том, что вслед за победами в Стокгольме, Инсбруке, Тампере, Любляне последовала победа в Вене и эта победа уже никого из специалистов не удивила, но прежде всего в том, что растет класс игры сотен спортсменов, что наш хоккей получает солидную материальную базу. В стране уже

строятся или будут строиться в ближайшее время десятки искусственных катков.

А создание условий для круглогодичных тренировок будет способствовать значительному росту мастерства хоккеистов.

В этой книге много говорилось о ведущих игроках страны, играющих в ЦСКА, – Александрове и Фирсове, Альметове и Локтеве. Но классные мастера есть, конечно, не только в команде армейцев. Мы не раз уже имели повод вспомнить в предыдущих главах такого выдающегося гроссмейстера хоккея, каким стал Вячеслав, Старшинов. А здесь, на этих страницах, я хотел бы сказать добрые слова о спартаковце Борисе Майорове, горьковском торпедовце Викторе Коноваленко, хоккеисте московского «Локомотива» Викторе Якушеве, динамовце Виталии Давыдове. Разумеется, этими именами наш большой хоккей не исчерпывается, но я, повторяю, предпочитаю писать только о тех, кого лучше знаю, а с этими хоккеистами я работаю в сборной команде страны.

Впрочем, как оказалось, даже Бориса Майорова я до последнего времени знал весьма приблизительно.

Борис всегда мне нравился своей жадной любовью к хоккею, своим трудолюбием, страстностью, умением отдаваться игре до конца. Нравился своим, если хотите, хорошим самолюбием, ревнивым отношением к собственным успехам.

Борис – прославленный хоккеист, чемпион мира и олимпийский чемпион. По профессии Майоров инженер, он окончил авиационнотехнологический институт. Это человек высокой культуры, интересный и своеобразный.

Манера его действий на поле не может не обратить на себя внимания. Играет капитан московского «Спартака» размашисто, шайбу ведет то короткими, то широкими, свободными движениями клюшки, охотно и умело применяет финты. На большой скорости Борис то посылает шайбу далеко вперед, то убирает ее под себя.

Чем жарче разгорается бой на ледяной площадке, тем охотнее ввязывается в него Майоров, не теряя при этом даже в самой напряженной схватке своей высокой техники.

Все это не может не нравиться в Борисе.

Однако долгое время мне казалось, что Борис в чем-то, пусть в небольшом, эгоист. И только недавно я понял, что ошибался или сама жизнь изменила Бориса?

Перед поездкой в Любляну, когда решался состав команды, было два мнения. Все соглашались, что, безусловно, едет на чемпионат мира звено Альметова и едут Б. Майоров и Старшинов. А дальше мнения расходились. Одни считали, что в сборную должна быть включена тройка Стриганов – Юрзинов – Якушев, а к спартаковским нападающим нужно добавить Фирсова, и тогда появится могучее звено: Б. Майоров – Старшинов – Фирсов. Другие,

напротив, были убеждены, что тройка, где вместе с Фирсовым играют ее молодые партнеры по клубу Викулов и Полупанов, значительно сильнее, нежели звено Юрзинова, и именно эта тройка должна ехать в Люблян, а к спартаковцам следует подключить Якушева.

Борис Майоров и Старшинов во время турне по Канаде в декабре 1965 года провели один матч с Фирсовым, и провели его превосходно. Поэтому Борис не мог не понимать, что с Анатолием Фирсовым их звено сразу и значительно будет усилено, что такую тройку ждут большой успех и, видимо, громкая слава.

Но когда окончательно решался состав сборной страны и практически все зависело от мнения Майорова (как и от мнения Старшинова и мастеров альметовской тройки), Борис поставил интересы сборной выше своих собственных.

– Фирсов привык к молодым ребятам... Это сильная тройка. Пусть она и едет. А мы, думаю, сыграем с Виктором Якушевым, как сыграли в Тампере с Толей Ионовым...

Я сказал Борису при ребятах, что очень виноват перед ним, поскольку считал его про себя эгоистом. Я попросил Бориса извинить меня и сделал для себя вывод – никогда не судить окончательно о характере спортсмена, если недостаточно хорошо знаю его.

О Майорове думаю я и сейчас, когда стало известно, что тренер хоккеистов «Спартак» В. М. Бобров ушел из команды.

Чемпион страны остался без тренера.

Кто возглавит «Спартак»? Слышу разные фамилии. Разные кандидаты. Очень разные. Не знаю, на ком остановится руководство клуба. Выбор трудный.

А я предложил бы команду Майорову.

Да, да, Борису Майорову, действующему спортсмену, не тренеру! Разве наставником команды может быть только тот человек, кто окончил свои выступления в большом спорте?

А почему бы и не стать Майорову играющим тренером? Сейчас, когда все свежо в памяти, когда необыкновенно велик его авторитет чемпиона мира, капитана сборной страны.

Темпы роста его как тренера, творческое созревание как педагога, специалиста, теоретика и практика хоккея были бы весьма внушительны.

Да и характер у Бориса подходящий, и сила воли есть, и опыт колоссальный.

Уверен, что тренером он будет незаурядным.

Не могу не сказать несколько слов о славном человеке, прекрасном мастере, незаменимом участнике последних чемпионатов мира Викторе Якушеве.

Были и есть хоккеисты, которые могли и умели играть только на одном, «любимом» месте. (Хотя немало среди них и таких спортсменов, кто до конца своей спортивной карьеры так и не узнал, на каком же именно месте, в какой роли заключается его истинное призвание: просто всю жизнь играл парень там, где его однажды поставили.) Хоккеист московского

«Локомотива» Виктор Якушев является полной противоположностью таким игрокам. Он играет (и играет с блеском) на любом месте в нападении, в сочетании с любыми партнерами.

Виктор сумел отлично вписаться в тройку Альметова, когда поехал вместо Локтева на чемпионат мира в Стокгольм. На следующем мировом первенстве он играл уже вместе с Леонидом Волковым и Анатолием Фирсовым играл не крайним нападающим, а центральным, причем действовать ему пришлось в тактическом ключе, отличном от того, к какому он привык в Своем клубе. А в Любляне Якушев стал чемпионом мира в новой тройке вместе со спартаковцами Б. Майоровым и В. Старшиновым. Наконец, в Вене Виктор снова, как и четыре года назад, успешно сыграл в звене с А. Альметовым и В. Александровым.

Друзья по команде, зная готовность Якушева играть в любом эвене, както решили разыграть Виктора. Подошли к нему и с видимым сочувствием, «по секрету», сообщили новость: тренеры на очередной матч хотят поставить Якушева в защиту.

Виктор встретил это известие спокойно: – Сыграем... А что?

Почему Виктор хорош на любом месте, в любой тройке? Прежде всего потому, что он хоккеист высокой спортивной культуры, понимает важнейшие принципы нашего хоккея, основы стратегии и тактики, точно так же, как и другие ведущие мастера. А это важнейшее условие формирования новой тройки. Якушев – игрок исключительно надежный, тренеры спокойны за него: он не подведет команду.

У Якушева нет недругов. Все к нему относятся с откровенной симпатией. Товарищи ценят его скромность, порядочность, спокойствие.

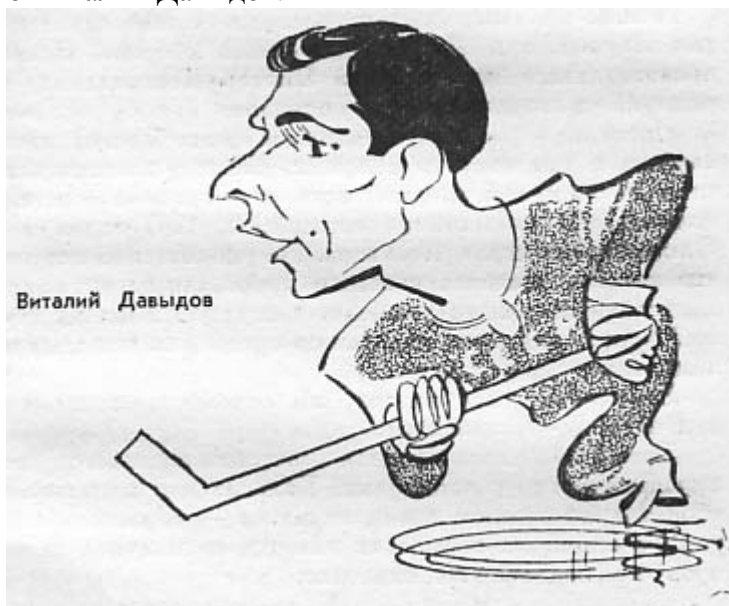
Виктор – парень молчаливый. Умеет слушать собеседника, тренера. Говорит редко, но уж так, что слова его запоминаются надолго.

Во время турне по Канаде в декабре 1965 года наша сборная провела шесть встреч со сборной хозяев поля. Пять встреч мы выиграли, в одной потерпели неудачу. Якушева както спросили, почему мы проиграли этот матч. Виктор подумал, а потом, не улыбнувшись, ответил...

– Клиента терять нельзя...

Весной 1967 года, когда завершился венский чемпионат мира, мы все были рады, что наконец-то лучшим защитником турнира признан замечательный хоккеист Виталий Давыдов.

Своим упорством он мне чем-то напоминает Володю Брежнева, который, как вы знаете, долгие годы стремился к высотам мастерства. Своей порядочностью, фанатизмом в отношении к тренировкам он столь же заслуживает признания, как и Анатолий Фирсов. Своим отношением к товарищам, ровным и добрым, Виталий может служить образцом, и если мы говорим, что молодежь должна учиться у ветеранов хоккея, то самый убедительный и достойный подражания пример – это Виталий Давыдов.

Бесстрашие, мужество, постоянное стремление к силовому единоборству – а ведь этот

защитник не отличается особыми физическими данными. Казалось бы, что главное и единственно доступное для него – техника, интуиция, внимание. Действительно, внешне Виталий – легкий защитник атакующего плана, но, оказывается, он способен и на другую игру. Силовую, мужественную, жесткую. Виталий борется не силой, не мышцами, а характером – злым в игре, собранным, спокойным.

У нас, тренеров сборной СССР, есть некоторые данные по учету действий защитников.

Когда-то у Виталия не получалось развитие контратаки, мы высказали ему свои претензии, и вот за год большого труда он полностью «расправился» со своими недостатками, вырос в одного из лучших защитников нашего хоккея. И если раньше он не умел, подхватив шайбу, быстро, немедленно выдать ее партнеру вперед, то теперь этому искусству он может учить других.

Воспитанник московских динамовцев, он начальное и высшее образование получил у Аркадия Ивановича Чернышева.

Виталий – прекрасный семьянин, умный и рассудительный человек, он отличается большой работоспособностью и пытливостью. Давыдов окончил заочно педагогический институт.

Виталий не умеет лгать, наговаривать на товарища, он скорее примет ошибку партнера на себя. Никогда не тренируется плохо, никогда не нарушает спортивного режима. И даже на последнем приеме, в Венской ратуше, когда все было позади, и он только что получил приз лучшего защитника, и ребята подошли к нему с бокалом, он, извиняясь, отказался притронуться к вину:

– Не пил и не буду пить...

Виталий – воплощение дисциплинированности, строгого отношения к себе. За десять лет ни разу не опоздал ни на один матч, ни на одну тренировку или какое-то собрание команды.

Я влюблен в этого спортсмена, который по своему мастерству, по отношению к хоккею опережает время.

Таким же спокойным и рассудительным человеком, как Якушев или Давыдов, в нашей сборной команде представляется мне вратарь Виктор Коноваленко, играющий в горьковском «Торпедо».

Вратари – наиболее уязвимое место многих наших команд, в том числе и сборных. Именно вратари были едва ли не самой главной причиной провала советской команды на чемпионатах мира 1955, 1957 годов и на Олимпийских играх 1960 года. Не удивительно поэтому, что все мы, тренеры, с самым пристальным вниманием следили и следим за успехами и неудачами наших стражей ворот, радуемся появлению среди них молодых талантливых спортсменов.

Вспоминаю свое первое обстоятельное знакомство с Виктором Коноваленко.

Зимой 1961 года сборная советских хоккеистов готовилась к матчу с канадцами. Коноваленко прилетел на сбор только вечером накануне матча – горьковчане играли с одной из сибирских команд, и нелетная погода чуть не подвела Коноваленко.

Я спросил Виктора, готов ли он завтра играть с канадцами или ему необходим отдых.

– Если вы поставите, я буду играть... Почему не сыграть?

Меня поразил тон ответа, какое-то необыкновенное спокойствие Коноваленко. Это в общем-то было странно: в то время мы с глубоким опасением относились к канадцам, ибо побеждали тогда лишь в редких случаях, – во всяком случае, не столь регулярно, как сейчас. Я никак не мог уразуметь, почему Коноваленко так спокоен – то ли это спокойствие напускное, то ли ему кто-то сказал о твердом решении тренеров поставить его на предстоящий матч. Чтобы проверить свои впечатления, я через 15–20 минут направился в комнату, где разместился Виктор.

Он уже...спал.

И тогда я понял, что у нас, наконец, появился вратарь, которого мы долго ждали, – вратарь с крепкими нервами, бесстрашный. Позже мы все убедились, что Виктор обладает высокими двигательными навыками, что он терпелив, ему как будто никогда не больно, он не унывает из-за ошибки.

Это бесценные качества для вратаря. Хоккейная профессия Виктора Коноваленко

исключительно сложна и требует высокого мужества.

Мне немного обидно, что Международная федерация хоккея никак не может набраться прозорливости и наградить нашего стража ворот призом лучшего. А ведь он пятикратный чемпион мира! Да, действительно, внешне, так, чтобы заметили все зрители, Виктору проявить себя очень трудно: ведь он играет в сильной команде. Но специалисты хоккея должны же отличаться от зрителей, должны уметь оценивать подлинный класс, суметь уйти от вкусовых, субъективных ощущений!

Мы, тренеры, редко говорим в адрес вратарей добрые слова. Команда выиграла матч – имя вратаря забыто, проиграла – виноват, конечно, вратарь. Это не создает в коллективе дружеского отношения к вратарю, не приносит самим вратарям высокого чувства удовлетворения. «Как ни старайся, все равно лучшим или в числе лучших не будешь» – примерно так мы приучили рассуждать вратарей.

Но это лишь полбеды. Отношение к вратарям переносится и на тренировку. Если тренировка хоккеиста направлена на то, чтобы развить его достоинства или исправить недостатки, то вратарю в этом смысле не повезло: шайбу ему бросают, как хотят, когда хотят и куда хотят. В тренировке отсутствует главное – культура подготовки вратарей. Бывает и так! вратарь только что встал в ворота, а в него уже летит град шайб, причем сильные броски следуют часто с близкого расстояния, что сразу отбивает охоту к тренировке, подчас вызывая и боль и страх.

Возьмите другой, очень важный вопрос – взаимоотношения вратаря с игроками. Кто из хоккеистов умеет во время игры слушать вратаря, по-настоящему порадоваться его удаче, поддержать в случае ошибки? А кто больше, чем вратарь, нуждается в такой дружеской поддержке?

Нам надо понять: вратарь – центральная фигура в команде, ему соответственно его высокой роли должны быть созданы условия, позволяющие раскрыть все без остатка способности.

Виктор Коноваленко не только хороший вратарь, но и хороший человек, он умеет по-настоящему радоваться успеху товарищей, для него высшая радость в спорте – не личный успех, а победа команды.

Вратарь из горьковского «Торпедо» – неоднократный чемпион мира, обладатель нескольких золотых медалей, самых заманчивых и привлекательных для каждого хоккеиста.

Но успех, рост, нашего хоккея выражаются не только в золотых медалях чемпиона мира, завоеванных пять раз подряд нашими мастерами, но и, в частности, в том, что за одну из золотых медалей Виктора Коноваленко в Горьковской области боролось свыше двух тысяч детских дворовых команд.

Я говорю – «в частности», ибо всего в соревнованиях дворовых хоккейных команд на приз «Золотая шайба», учрежденный редакцией газеты «Пионерская правда», последние две

зимы сражалось более шести миллионов наших мальчишек.

Три миллиона юных хоккеистов! Откровенно говоря, Я не помню, чтобы два десятка лет назад мы хотя бы мечтали об этом.

Финальные игры шестнадцати лучших мальчишеских команд в Москве удивили меня. Без всяких скидок на возраст, без ненужного умиления и слащавого сюсюканья скажу, что уровень подготовки ребят показался мне обнадеживающим.

Это прекрасно! За двадцать лет наш любимый вид спорта сделал поистине гигантские шаги. Свое совершеннолетие он встречает с достоинством – успехами на международной арене и успехами в массовости.

Наши помощники

Мне думается, что сила нашего хоккея не только в том, что у нас есть прекрасные исполнители, замечательные мастера, не только в том, что хорошо работает Федерация и ее указания и разработки вдумчиво старается претворять в жизнь большая группа опытных тренеров. Успех, бесспорно, и в нашей массовости, в нашей серьезности, с которой мы развиваем хоккей и стараемся его совершенствовать.

У нас, в сборной хоккейной команде, – и в этом тоже одна из причин успеха – не только спортсмены, семнадцать или двадцать игроков, но и профессор, и слесарь, и пионер, и домашняя хозяйка, и инженер, и студент: все те, кто болеет за нас, кто искренне и глубоко заинтересован в нашем успехе и страстно желает его. Я говорю здесь о роли общественности.

Немалый вклад в развитие хоккея вносят, естественно, и наши спортивные журналисты. Мне хочется во втором издании книги исправить свой промах – специально воздать должное тем журналистам, спортивным комментаторам и обозревателям, кто правильно понимает свою роль, кто старается не просто точно и правдиво, но и – это гораздо труднее – умело написать о наших достоинствах и недостатках. И не только умело. Своевременно. Знать, когда похвалить, а когда поругать – это, поверьте, совсем не просто. Выводы по окончании урока сделать легче, чем в ходе урока, когда многое еще не ясно.

Хотелось бы назвать несколько наиболее интересных, на мой взгляд, журналистов. Тех, кто не просто хорошо знает и понимает хоккей, но и помогает нам, тренерам, воспитывать спортсменов, готовить их к принципиальным встречам, мобилизовывать, давать верную оценку действий хоккеистов, звать их к овладению вершинами мастерства. Я не думаю, что раскрою читателям какую-то тайну. Поклонники хоккея, несомненно, уже успели полюбить Павла Михалева из «Комсомольской правды», Бориса Федосова из «Известий». Выступления этих журналистов привлекают живостью мысли, интересной постановкой проблем, волнующих сегодняшней хоккеем. Даже самые резкие, но партийные и принципиальные, их выступления не обижают спортсменов, но заставляют еще раз присмотреться к своим недостаткам.

Интересны материалы и Вячеслава Гаврилина из «Красной звезды». Любопытно пишет о хоккее Анатолий Голубев из «Смены», например, он удивительно творчески раскрывает причины, истоки нашей победы в Вене, интересно размышляет о будущем хоккея.

Завидую футболистам. Завидую футбольным тренерам. Им постоянно, помогает в работе крупнейший и талантливейший спортивный обозреватель Лев Иванович Филатов.

Филатов пишет не только о том, как играли или сыграли команды, он дает серьезные анализы состояния современного футбола, вскрывает главные тенденции и закономерности его развития. Лев Иванович на равных с ведущими тренерами развивает нашу тактическую мысль. Этот журналист, безусловно, является одним из ведущих специалистов футбола. И видимо, не только в нашей стране.

Но есть, однако, и другие журналисты. Спортивные комментаторы, которые не слишком глубоко понимают хоккей, его творческую суть, хотя и пишут о нем много и давно. Они часто гонятся за сенсацией, и, находясь в плену личных привязанностей и антипатий к тем или иным командам, хоккеистам, тренерам, объективно (хотя, может быть, даже не понимая этого) приносят немалый вред нашему хоккее. Хоккейный обозреватель центральной спортивной газеты страны Е. Рубин своими материалами порой просто дезориентирует и читателей «Советского спорта» и специалистов относительно истинного положения дел в нашем виде

спорта.

Дело прошлое, но хочу вернуться к одному материалу Е. Рубина, к его отчету о матче ЦСКА – «Динамо» (Москва), проходившем накануне отъезда советских хоккеистов на чемпионат мира в Люблян.

Это был последний(!) перед дальней дорогой матч. Может быть, вы помните, что тогда решался спор двух звеньев за право попасть в состав сборной – троек Виктора Полупанова и Владимира Юрзинова. Армейцы победили с крупным счетом. Тройка Полупанова выиграла свои отрезки с результатом 5: 0, в том числе у звена Юрзинова – 3: 0. Динамовское же трио, проиграв, следовательно, юным армейцам 0: 3, в тот день закончило свои отрезки весьма неудачно – 1: 5.

И вот на следующий день, несмотря на всю очевидную убедительность превосходства звена Полупанова, Е. Рубин пишет, что, дескать, еще ничего не ясно и надо внимательно посмотреть, за счет чего победили юные армейцы. Сам Рубин причину успеха видел только в том, что в этом звене играют «великолепные защитники и блестящий Фирсов». Отчет так и назывался: «Окончательный состав? Еще рано!»

Полагаю, что теперь всем, в том числе и репортеру, ясно, что мы имели право после того матча называть окончательный состав. Мы видели в том матче не только действительно великолепных защитников и действительно блестящего Фирсова, но и молодых хоккеистов. Чрезвычайно талантливых и сильных.

Я привел этот пример, а не десяток других, потому что даже не специалисты хоккея поймут, насколько несведущ и недальновиден был хоккейный обозреватель «Советского спорта». Тройка Полупанова – сильнейшая в нашем хоккее, а молодые нападающие успели за год с хвостиком, прошедшие после этого отчета, стать дважды чемпионами мира, заслуженными мастерами спорта, признанными лидерами нашего хоккея.

Тренеров за ошибки, за проигранные матчи, за неверно подобранный состав порой просто снимают с работы – я не говорю о произвольных, субъективных решениях: речь о тех тренерах, кто плохо знает хоккей. А журналисты должны как то отвечать за свои ошибки, за свое незнание спорта? Или они могут с прежней безапелляционностью и апломбом поучать тренеров, как надо тренировать команды и подбирать составы?!

Все в нашем хоккее должно быть в одном строю, в одной упряжке, в боевом расчете. Надо иногда уметь отбросить в сторону личные интересы, симпатии или антипатии. Журналисты – не болельщики. Хотя белеть им, конечно же, не возбраняется. Ради бога! Только не надо забывать, что в их руках острое оружие. Когда речь идет о подготовке сборной команды страны, то все болельщики всех клубов, а тем паче журналисты, должны, мне кажется, отбрасывать «клубные» симпатии.

Интересы сборной советского хоккея – превыше всего!

ПОИСКИ И СОМНЕНИЯ

«СЕКРЕТЫ» БОЛЬШОГО ХОККЕЯ

Последний штрих

Эта глава – о творчестве, поиске в хоккее. О том, как любимая наша игра заставляет хоккеистов все время творить, искать и находить что-то новое, необычное и неизведанное. О том, как она приучает человека размышлять, сравнивать, сопоставлять. Делать какие-то выводы, обобщения. Проверять свои поиски на практике – на хоккейной площадке.

Цель этой главы – раскрыть «секреты» хоккейной игры. Научить читателя, любителя спорта, понимать суть, глубинный смысл происходящих на поле событий. Помочь ему глубже понять хоккей и еще больше полюбить эту прекрасную и мудрую игру.

...25 сентября 1965 года в финальном матче на приз газеты «Советский спорт»

встречались хоккеисты ЦСКА и московского «Динамо». Конечно, этот день мне как тренеру ЦСКА принес определенную радость – наша команда выиграла матч и завоевала приз (хотя и провела игру слабее обычного).

Но 25 сентября запомнится мне надолго чрезвычайно важным, для меня событием. Хотя кто-то может сказать, что это событием и не назовешь. Так, мелкая, несущественная деталь, на которую большинство зрителей и внимания, наверное, не обратило.

Объявляя состав команды ЦСКА – номер и фамилию хоккеиста, – диктор впервые после перечисления защитников назвал не нападающих, как обычно, а полузащитников. Сначала объявил номер «13» – Ромишевский и «17» – Мишаков, а потом только «7» – Локтев, «8» – Александров и т. д.

Так новая система игры, над созданием и разработкой которой наш коллектив трудился три года, приобрела последнюю, пусть чисто внешнюю, деталь своего оформления.

Мы шли к ней, к этой системе, нелегким путем. Нас ждало немало трудностей, помех, огорчений, нам пришлось преодолеть скепсис и неверие, мы вынуждены были вновь искать все новые и новые доказательства верности избранного нами пути. Но, доказывая свою правоту нашим оппонентам, мы сами глубже и лучше понимали суть предложенных нами идей, вносили в них необходимые коррективы, уточнения, совершенствовали их. И вот плод наших поисков, труда, раздумий о будущем хоккея мы вынесли на всеобщее обсуждение.

Но спор свой мы вели не только в теоретическом плане. Мы спорили своими делами. В ЦСКА была не просто придумана и разработана новая система игры в хоккей. В ЦСКА было создано звено, которое играет по новой системе.

Что значит играть по-новому?

Более быстро? Вряд ли. Ведь и так наш хоккей славится как самый скоростной в мире. Один крупный западный журналист както даже назвал его «сумасшедшим» хоккеем.

Да, скорость наших хоккеистов – и игроков сборной СССР и спортсменов ЦСКА в частности – достаточно велика.

Мало того, эта скорость обуславливает даже определенный технический брак в действиях наших мастеров. Но, с другой стороны, нам всегда казалось, что высокий, «сумасшедший» темп – это наше большое преимущество, ибо в этом отношении с нами соперничать не может никто.

Повидимому, в ближайшее время нужно ждать не только высокой скорости от одного игрока, но и увеличения суммы скоростей звена, когда хоккеисты синхронно, будто по мановению дирижерской палочки, действуют в заданном темпе.

Однако беспредельно усиливать темп нельзя. Ведь человеческие и игровые возможности – скорость бега на коньках и количество передач – ограничены все-таки каким-то рамками. Да и бег здесь необычен. Хоккейное поле – не гладкая ледяная дорожка, где все решает чистая скорость и техника движений конькобежца. Хоккей – это бег с шайбой, движение к воротам соперника вместе с партнерами, движение, где тебе изо всех сил мешают противники. Площадка ограничена – особенно не разгонишься. Но, тем не менее, скоростной порыв остается нашим грозным оружием на многие годы, хотя, повторяю, скоростные возможности спортсмена не беспредельны.

Второе направление, по которому может идти развитие хоккея, – увеличение и пополнение технического арсенала спортсменов.

Но хотя в совершенствовании техники нет видимых пределов, мы вправе утверждать, что техника – это время, понимая, что для ее качественного скачка необходима смена поколений. Но ведь нам надо спешить, наверстывая то историческое отставание, что отделяет нас от канадской профессиональной школы хоккея.

Так мы пришли к выводу, что главным направлением наших поисков должна стать тактика. Именно здесь возможности для творчества, пробы, прогресса поистине беспредельны.

А тут еще не давал покоя профессор от футбола Феола с его идеями новых тактических построений, которые были весьма эффективны.

В самом деле, тактика игры в футбол на протяжении жизни одного поколения, на моей только памяти, претерпела существенную трансформацию. Было время, когда играли с двумя

защитниками, тремя полузащитниками, и пятерка нападающих выстраивалась при этом почти в одну линию (2-3-5). Потом появилась система «дубльвэ»: три защитника, два полузащитника, оттянутые назад полусредние и, напротив, выдвинутые вперед крайние и центральный нападающие (3-2-5). Позже стали играть с тремя защитниками и тремя полузащитниками (3-3-4). Появился в некоторых командах лишний защитник, так называемый «чистильщик». И вот, наконец, Феола вместе со сборной Бразилии утвердил в мировом футболе принципиально совершенно новую схему расположения игроков на поле, где функции всех футболистов стали иными (4-2-4).

Менее заметно менялась тактика игры в хоккее. Классическое построение хоккейной команды: вратарь, два защитника и три нападающих – оставалось неизменным. Несколько менялись лишь функции игроков. Сначала играли два позиционных защитника. Потом появился блуждающий защитник, что-то вроде хавбека – полузащитника.

Проходят годы, и вот еще одна новинка, блуждающие форварды. Их игра отличается не только продольными, но и диагональными перемещениями, взаимозаменяемостью. Они выходят за рамки своих узких желобков. Но пока еще местами меняются только крайние нападающие, а центральный держится в обороне. Позже один из защитников стал подключаться к атакам. Это позволило внести взаимозаменяемость всех нападающих как между собой, так и с активно действующими защитниками.

А теперь начали все играть по принципу: «пять в атаке, пять в обороне».

Игра всей пятерки стала носить осмысленный характер. Поновому раскрылись возможности хоккеистов. Так играет сейчас большинство команд.

И вот тут мы столкнулись с неожиданной трудностью. Хоккеистам при большой активности защитников, при высокой маневренности нападающих, их гибкое взаимозаменяемости стало на площадке тесновато.

Часта стали возникать ситуации, когда принятая нами система игры (все в атаке, все в обороне) из-за чрезмерного скопления игроков на одном участке поля теряла часть своих преимуществ.

Нужно было найти выход из этого положения: предложить новую расстановку спортсменов на поле, создать новые амплуа, дать ребятам необычные, интересные задания.

Предвижу, что мне могут возразить – мол, не все еще команды в нашем хоккее в совершенстве освоили систему игры «пять в атаке, пять в обороне», к чему же искать уже сегодня что-то новое.

Так же, как в природе нет универсального, спасающего от всех: болезней лекарства, так, разумеется, и в хоккее нет единой универсальной «системы», уст раивающей все команды.

Однако чемпионат мира в Вене подтвердил, что пора думать не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне хоккея. Все команды усилили скоростной маневр, научились решать в каждом игровом эпизоде объемные тактические задачи большими силами. Наша манера игры пристально изучается и перенимается, и потому мы должны вести поиски новых тактических ключей к будущим нашим победам, если хотим по-прежнему оставаться лидерами.

С чего же начать?

Мы много думали, с чего же начинать наши поиски, наши эксперименты. Кое-кто склонялся к тому, чтобы попробовать наиграть несколько различных тактических расстановок, а потом уже по результатам выбрать одну – наилучшую.

Но это было бы неправильно. Искать, как говорится, наобум, на ощупь нельзя. Тем более если такие эксперименты связаны с людьми, со спортсменами, с ломкой их игровых навыков и игровой психологии. Поиски должны вестись планомерно, продуманно, и потому мы начали... с карандаша.

Долгие дни и вечера, ночи, недели просиживали мы с Борисом Павловичем Кулагиным, хорошим тренером и педагогом, над макетом хоккейного поля, советовались друг с другом, что-то принимали, что-то отвергали. Но самое главное – много спорили.

Мы видели, что в существующей тактической расстановке хоккеистов есть немало изъянов. Ведь весь современный хоккей нацелен исключительно на ворота противника, на

результативность. Это, конечно, правильно. Но при нынешней расстановке спортсменов на поле мысли о защите, обороне отходят на второй план. Так играют даже канадцы, а именно они и – это несмотря на то, что в последние годы канадцы оставались в мировых чемпионатах за чертой призеров, – являются нашими основными соперниками на международной арене.

Любопытно, что так же действуют и канадские профессиональные хоккейные команды. Их тактика проста – все на ворота. И они мчатся туда, едва завладев шайбой. Надо сказать, что при росте скорости игроков и их технического мастерства такие прорывы становятся все опаснее и опаснее, и не только для противника. Очень часто, увлекшись атакой, пятерка не успевает перестроиться, и неожиданная контратака противника завершается голом в незащищенные ворота.

Значит, надо серьезно думать и о безопасности наших ворот.

При существующей тактике игры мы, к сожалению, не можем иметь постоянно действующего перед воротами защитника. Игра все время складывается так, что один из наших защитников должен, действуя в обороне, идти в угол для единоборства с соперником, а второй, играя в эти мгновения с другим нападающим противника, не может обеспечить страховку остальных.

Вот и получается, что сейчас у нас не хватает игрока в обороне, хотя тактика позиционной или смешанной обороны дает в общем-то достаточный запас прочности (за счет оттягивающегося назад форварда). Но опасение, что соперники будут рваться к воротам, что их высокая техника может в такой ситуации принести свои результаты, если у наших ворот не будет лишнего, надежного стоппера, долгие годы не давало нам покоя.

Представьте себе самую элементарную комбинацию. Атакующий соперник, ворвавшийся в угол поля у наших ворот, при первой же попытке защитника атаковать его пробросит шайбу за воротами в противоположный угол поля. Теперь туда, вслед за нападающими противника, должен идти и наш хоккеист. Но кто именно? Тот, кто в дальнем углу, не успеет. Остается тот, кто находился только что у ворот, на самом опасном месте – на «пяточке». Теперь там пустота.

И если где-то проиграно единоборство, то сразу возникает неприятная для обороняющихся голевая ситуация. Атакующий соперник выигрывает в главном – во времени. Смена фланга атаки ведется быстро пасом, передачей шайбы, в то время как смена позиций игроками – маневром, перемещением хоккеистов на площадке, но... попробуй догони шайбу! Неизбежно в обороне наших ворот появляется тактическая трещина: если защитник перед воротами будет ждать партнера, то мы опоздаем вступить в единоборство на фланге, если же наш защитник устремится на фланг, то оголится зона перед воротами.

Итак, нужен хоккеист, который постоянно находился бы на этом «горячем» месте, нужен стоппер с ограниченным у себя в зоне радиусом действия.

Стоппер должен быть сильным и смелым спортсменом, обязан уметь ловить шайбу на себя. Ничего, что он ограничен в сфере действия, что он не имеет права рисковать, увлекаться атаками, проходами вперед. Этот центральный защитник несет особую ответственность, он – наша палочкавыручалочка. Только он, этот стоппер, последний из полевых игроков, может еще исправить какую-то ошибку партнеров, подчистить огрехи их игры.

Итак, стоппер.

Затем, предполагали мы, кроме центрального защитника, в нашей системе будут еще два хавбека (полузащитника). Помню, в 1937 году вышла книга Д. Ванишека о футболе. Она называлась «Три защитника». И вот там впервые прозвучала крылатая фраза: «Покажите мне при игре с тремя защитниками вашу полузащиту, и я скажу о силе вашей команды».

Фраза эта стала столь популярной потому, что отражала суть дела: вес хавбеков в футболе стал необычайно велик.

А в хоккее? Почему бы нам, хоккеистам, не придать такое же значение полузащитникам? И у нас могут быть хавбеки – игроки с определенным амплуа, проделывающие большой объем работы, умеющие и обороняться и остро, внезапно атаковать.

При нынешней общепринятой системе игры атака готовится с участием обоих защитников. Но готовят эту атаку они лишь с помощью паса. Их движение вперед в ходе атаки или контратаки ограничено. Им нельзя рисковать, ведь сзади никого нет.

В новой же тактической системе только один хоккеист готовит атаку, ограничиваясь лишь

пасом. Два других (хавбеки) могут свободно двигаться вперед, играть более творчески, с широким маневром, представлять более реальную угрозу для чужих ворот.

Таким образом, теперь в атаках могут постоянно участвовать не три, как прежде, а четыре хоккеиста. И в то же время им не так тесно в зоне противника как при игре «все в атаке», а потому и шире простор для маневра и творчества всех спортсменов. Оба нападающих в новой системе действуют в ярко выраженном атакующем стиле, с них во многом снят груз оборонительных функций, у них развязаны руки для большого тактического риска.

Но во всем этом новом тактическом построении мы должны были избежать универсализации хоккеистов. И об этом я уже писал выше.

Итак, все пятеро в новой системе имеют новые функции. Хавбеки особенно активны в средней зоне, сейчас там у нас не три, а четыре (вместе с нападающим) игрока.

Нападающие имеют большой простор. На ширине поля в 30 метров теперь действуют уже не три, а лишь два игрока. И потому форварды сейчас имеют для диагональнопоперечного маневра по 15, а не по 10 метров. Значит, у нынешних нападающих должны быть поистине широкие крылья.

Теперь представьте общую схему расстановки хоккеистов на поле, и вы легко убедитесь, что стало просторнее всем, в том числе и центральному защитнику.

Из военной тактики известно, что атака по-настоящему, сильна и опасна только в том случае, когда она поддерживается из глубины.

Это истина не только в военной тактике, это истина и в хоккее. И потому успех штурма ворот соперника прямо связан с эшелонированным построением атаки.

При новой системе хоккеисты активно атакуют двумя рядами, и тем самым создаются предпосылки для неожиданного вклинивания хавбеков в переднюю линию.

И четверо атакующих, потеряв шайбу в зоне соперника, будучи уверены в стоппере, не спешат откатываться к синей линии. Они получают возможность для самого активного прессинга, ибо каждый игрок, сражающийся за шайбу, постоянно ощущает активную поддержку минимум трех партнеров.

Такая игра не могла, по нашим расчетам, не принести определенного аффекта.

От слова к делу

Но пока это были рассуждения – слова, не проверенные в игре.

Теперь нужно было, чтобы в новую систему искренне и горячо поверили сами игроки, чтобы они страстно боролись за ее утверждение.

Я очень боялся, что может повториться история, свидетелем которой я был в 1946 году.

Я играл в знаменитой футбольной команде ЦДКА. В те годы нас тренировал Борис Андреевич Аркадьев, один из самых мудрых футбольных наставников. Духовное богатство, интеллект, своеобразие языка, какой-то тренерский нюх, умение видеть в каждом футболисте его личную перспективу – все это выгодно выделяло в то время Бориса Андреевича.

Я учился у него, любил и люблю его; многим, считаю, обязан ему.

И вот у этого тренера произошла однажды знаменательная и не совсем обычная история.

Както на собрании он сказал нам, что теперь мы будем играть поновому, по системе 3 – 3 – 4, то есть с тремя защитниками, тремя полузащитниками и четырьмя нападающими.

Футболисты, подумав, решительно высказались против.

То была команда великолепных мастеров, знающих и умеющих в футболе все. Теперьто я понимаю, что Борис Андреевич, замечательный педагог, допустил психологическую ошибку. Вместо того чтобы подготовить ребят к своему решению постепенно, исподволь, подготовить новую систему игры теоретически, заинтересовать в ней своих подопечных, он неожиданно объявил о своих предложениях на общем собрании команды.

Ребята не приняли новую систему, не почувствовали к ней интереса, она показалась им совсем ненужной. Ведь они и так побеждали. Армейские футболисты не приняли новое, потому что были убеждены, что от добра добра не ищут. Вот так и получилось, что правильная и чрезвычайно интересная идея тренера не была поддержана спортсменами.

А ведь Аркадьев был для футболистов непререкаемым авторитетом.

Видимо, Борис Андреевич неудачно выбрал момент для объявления новых тактических построений, видимо, не учел психологического настроения футболистов своей команды.

А главная задача как раз и заключалась в том, чтобы убедить ребят, что именно они в первую очередь заинтересованы в новой тактике, ибо в ней, в этой тактике, кроется их игровой взлет. Но этой столь необходимой агитации за новую систему и не хватило.

А жаль. Ведь для предлагаемой Аркадьевым тактики в ЦДКА были прекрасные исполнители. В линию хавбеков Борис Андреевич хотел перевести Валентина Николаева, сильнейшего в то время в стране полусреднего. А в полузащите армейцев тогда играли такие мастера, как Алексей Водягин, Вячеслав Соловьев, Александр Виноградов. На три места было четыре классных игрока!

Теперь, когда прошли долгие годы футбольных тактических поисков, мне особенно обидно за похороненную тогда интересную идею. Кто знает, может быть, не Феола и бразильцы, а мы праздновали бы в свое время большую счастливую победу.

Начиная работу над новой тактической системой, я очень боялся, чтобы не повторилась та же история.

Мы больше всего опасались такой ситуации, когда ребята начнут осваивать новое, не поверив в него, не видя в нем большого будущего. Мы хотели, чтобы хоккеисты активно и горячо боролись, понимаете, боролись за новую систему, с глубокой личной заинтересованностью доказывали ее права на жизнь, нам нужно было, чтобы спортсмены понимали, что только играя по новой системе, они могут добиться больших личных успехов.

И тогда было решено не трогать наших именитых «гроссмейстеров», а обратиться к хоккейным новобранцам, к тем, кто только еще пришел в команду, у кого не было пока громкого имени. Откровенно говоря, эти хоккеисты были согласны играть как и где угодно, лишь бы завоевать в команде свое постоянное место.

На место стоппера был поставлен молодой защитник Олег Зайцев, бывший тогда в большом хоккее еще новичком.

Хавбеками решили попробовать Евгения Мишакова и Валентина Сенюшкина. К сожалению, Валентин из-за своего излишне мягкого характера на эту роль не подошел. Ему не хватало настойчивости, работоспособности. Недостаточна была у него и скоростная выносливость, не хватало «взрывных» качеств. И потому со временем на его место был переведен Игорь Ромишевский.

Нападающими в этой пятерке стали Юрий Моисеев и Анатолий Ионов.

Пробовался в хавбеки и Дроздов, но у Анатолия оказалось маловато выдумки, так

необходимой хавбеку, его игра в какой-то степени была однообразна и скучна. Толя часто опаздывал к быстро развивающимся событиям, и потому в действиях этой важнейшей линии порой образовывались тактические длинноты.

Может ли тренер экспериментировать с игроком?

Но здесь я хотел бы несколько отвлечься от истории рождения и становления новой тактики игры и рассказать об эпизоде, который произошел спустя три года после тех дней, когда Анатолий Дроздов пробовался на место хавбека.

К началу XX юбилейного чемпионата страны в ЦСКА сложилась ситуация, когда целое звено игроков стало как бы лишним.

Подросли воспитанники нашей хоккейной школы Владимир Викулов, Виктор Полупанов, и все вдруг заметили, что молодые хоккеисты по мастерству своему ничуть не уступают опытным и заслуженным мастерам, ветеранам армейского коллектива.

Вот тогда-то Анатолий Дроздов почувствовал, что он как бы не у дел, что он стал вроде бы «лишним» игроком, что у него нет постоянного места в основном составе и он не может больше рассчитывать играть в ЦСКА долгие годы, – молодежь наступает. Толя обратился к руководству ЦСКА с просьбой отпустить его в родственную команду, в спортивный клуб Ленинграда, где он начинал играть.

– В конце концов, – пояснил он, – я хочу быть игроком основного состава...

И тогда же у нас с Борисом Павловичем Кулагиным состоялся такой разговор с Дроздовым.

Мы спросили Анатолия:

– У тебя обида или какие-нибудь претензии к нам? А? Мы понимаем, что тебе неприятно быть все время запасным... Но в чем, на твой взгляд, виноват» мы, что ты так и не стал хоккеистом высокого полета?

Толя возразил:

– Нет, нет, вы все сделали, я благодарен вам, что стал здесь мастером спорта, получил несколько медалей чемпиона СССР.

Толя помолчал, потом добавил:

– Хотя... хотя... Мне немного обидно, что вы на мне экспериментировали...

Это было неожиданно и, пожалуй, неприятно...

Правда ли, что мы экспериментировали с Дроздовым? И имели ли мы вообще право на такой эксперимент?

Толя Дроздов пришел к нам защитником. Однако в компании с выдающимися мастерами,

которые играли тогда и играют сейчас в ЦСКА (Н. Сологубов, И. Трегубое, А. Рагулин, В. Кузькин, Э. Иванов), рассчитывать на постоянное место ему было трудно. И потому мы решили попробовать Дроздова на месте центрального нападающего. А нам как раз не хватало центрфорварда в звено к Леониду Волкову и Анатолию Фирсову. Им нужно было придать физически сильного, смелого игрока. Таким хоккеистом и был Анатолий.

Именно на этом месте Дроздов и добился наивысших успехов в своей спортивной биографии. Стал мастером спорта и чемпионом страны.

Но даже в этом амплуа, в этой тройке, играя вместе с Волковым и Фирсовым, он не показывал того, что мы от него ждали. Он уступал, и довольно заметно, по классу своим партнерам, и потому в первую сборную страны в это звено вместо него включился Виктор Якушев из московского «Локомотива».

Дроздов оставался один, когда его товарищи уезжали со сборной. Он грустил, скучал, переживал, наверное, обижался на нас, тренеров.

Мы побаивались его одиночества: действительно тяжело, когда твоим товарищам поручают более ответственное задание, а тебя на это задание не берут. Такие переживания по-человечески понятны.

Шли годы, партнеры Дроздова росли, а Толе по-прежнему не хватало для классной игры какой-то изюминки, своеобразия, неповторимости, выдумки. Тренировался, он подчас с некоторой ленцой, и оттого разрыв в уровне мастерства между ним и его партнерами продолжал расти.

Мы не могли не считаться с тем, что звено от этого страдает, и потому решили ввести Дроздова в наше экспериментальное, звено «систему», предложив ему новую роль – хавбека. Нам казалось, что он иначе покажет себя в новой роли, откроет в себе какие-то неизвестные и нам и себе самому качества. Ну, а кроме того, надеялись – вместе с хоккеистами, с которыми он теперь будет играть, Дроздов, может быть, попадет в сборную. Ведь идти вместе, рядом легче, чем догонять а одиночку.

Но этот эксперимент оказался неудачным. Толя так и не смог избавиться от какого-то уныния, поверить в свои силы, тренироваться с большей заинтересованностью. Есть в этом и наша вина? Может быть. Но мы не могли не идти на этот эксперимент. Ведь нам хотелось, чтобы Анатолий Дроздов нашел свое место, мы стремились усилить им и звено и всю команду. Не случайная прихоть и не какой-то каприз заставили нас рисковать. Именно его, Дроздова, интересы толкнули нас на это решение.

Может быть, мы должны были его поддержать под локоток?

Не думаю. Спорт требует от человека его собственного мужества. А Толя – спортсмен способный, не бесталанный. Но ему не хватало терпения. Одной из черт мужества.

Однако ошибка наша была в том, что, начиная, эксперимент, мы не заручились согласием Дроздова. И я чувствую сейчас свою вину, что не сказал ему, не предупредил о возможности неудачи. Я старался тогда убедить его лишь в том, что он непременно добьется успеха...

Но вот иной пример. Анатолий Фирсов, как известно, дебютировал в «Спартаке», играя там центральным нападающим. Первые свои матчи в составе армейцев он провел в привычном амплуа. Однако позже я увидел, что Анатолий может стать весьма перспективным крайним нападающим. Обычно действия крайних нападающих в известной мере зависят от действий их партнера – центрфорварда, от его умения «загружать» товарищей работой. Но Фирсов сам инициативен, быстр, умеет брать игру на себя и потому может успешно сыграть даже тогда, когда центральный нападающий проводит матч слабо.

Мы перевели Фирсова на край, и, как показало время, этот эксперимент оказался удачным. Ныне Анатолий – хоккеист экстра-класса.

Уверен: любой тренер имеет право на игровой эксперимент, с хоккеистом. Иначе добиться чего-то нового просто невозможно. Нельзя решать сложные творческие задачи, усовершенствовать тактику без риска, пробы, возможных неудач.

Но при этом необходимо, чтобы и сам хоккеист, был активным участником эксперимента. Думал и искал вместе с тренерами. В большом спорте нельзя не экспериментировать.

Мы, тренеры, очень мало, робко экспериментируем, на нас слишком давят очки. Но разве у команды могут быть всегда только успехи? Может, имеет смысл завести какую-то новую

шкалу для определения качества тренера, педагога, творца? И оценивать работу тренера не одними очками. Ведь этого недостаточно. Не только количество набранных командой очков, но и классные хоккеисты, воспитанные этим тренером, его вклад в обогащение тактического арсенала отечественного хоккея – вот что должно служить эталоном искусства тренера.

РАДОСТИ И ОГОРЧЕНИЯ

Молодые играют в «систему»

Я навсегда запомню тот ПОЗДНИЙ вечер, когда вместе с Борисом Павловичем Кулагиным мы поклялись друг другу обязательно ввести в жизнь нашу новую систему.

Но нас в то время постоянно одолевали сомнения. Правильно ли мы поступили, начав вводить систему с новичками? Может быть, все-таки попробовать уговорить первую тройку – «гроссмейстеров хоккея»? Но вдруг наши лидеры по новой системе не «заиграют». А мы, тренеры, ведь не можем все-таки забывать об очках...

В конце концов решили не ломать зря голову сомнениями такого рода и твердо остановиться на третьем звене, которое с этого момента стали для себя называть «системой».

Мы просили молодых хоккеистов поверить, что они могут успешно освоить новую систему, убеждали их потрудиться для этого серьезно, с полной отдачей сил и полным доверием к предложениям тренеров. Не скрыли мы и возможности временных неудач, которые, разумеется, не исключены в любом новом деле. (Но, видимо, как свидетельствует история с Толей Дроздовым, мы все-таки старались прежде всего нарисовать ребятам радужные картины.) Мы просили хоккеистов очень глубоко поверить в свое будущее и будущее нашего хоккея. Поверить в это будущее и сражаться за него.

Так «система» начала делать первые шаги. И в эти первые дни мы старались не навязывать ребятам свои взгляды, не стеснять их творческой инициативы.

Мы хотели, чтобы игроки сами создавали; творили, фантазировали, проясняя и определяя свою игровую задачу, свое игровое амплу.

Не нужно было теоретически до мелочей обосновывать роль того или иного хоккеиста в новом тактическом построении, ибо она, эта роль, должна быть плодом коллективных раздумий и выводов.

Мы мечтали о том, что в новых амплу игроки смогут раскрыть какие-то неизвестные доселе черты игрового мастерства и характера. И потому ограничилась только общей тактической задачей и расстановкой игроков на поле. Все остальное вначале зависело от инициативы и пытливости самих хоккеистов. На хоккейном поле, а иногда за столом мы снова и снова обсуждали с ребятами приемы ведения атаки, скрытые в недрах новой системы.

Конечно, не все у парней, да и у нас, получалось гладко. Случались неудачи. Ребята, например, никак не могли привыкнуть, что у них нет центра нападения.

– Посмотрите, – спорили они. – Альметов играет все время на «пяточке» и забивает много шайб: А как строится у нас атака без центра?

– Да, – разъясняли мы в ответ, – при трех нападающих центр играет на «пяточке», а края, разыгрывая между собой шайбу, в конце концов отдают её центру, и она оказывается в воротах.

Но посмотрите, какая хитрость скрыта в системе. Края по-прежнему разыгрывают свою комбинацию, готовят и завершают атаку. Но на «пяточок» теперь могут выходить оба полузащитника-и забрасывает шайбу тот, у кого выгоднее позиция! Надо только нападающим шире охватывать взглядом поле и научиться мгновенно оценивать, кому из полузащитников выгоднее отдать шайбу.

И снова «система» выходила на поле, и снова проигрывались все варианты с двумя центрами при взятии ворот.

Мы не боялись трудностей, мы боялись только одного – как бы не отступить! Неверие со стороны тренеров могло бы погубить все дело.

И тут произошла такая история. На одном из общих собраний команды, когда мы довольно резко покритиковали игру «системы» в очередном матче, Олег Зайцев поднялся со

своего места и недовольно буркнул (но это услышали все):

– А сами-то вы в «систему» верите?

Я удивился:

– Почему у тебя возникли такие сомнения?

– А если вы верите, то почему скрываете ее?.. Почему не предпринимаете мер, чтобы она стала достоянием всех команд?.. – И, увидев наше, тренеров, замешательство, добавил: – Значит, сами не уверены, что все продумано до конца.

Чтобы рассеять все недоразумения, мы решили выступить со статьей о новой тактической расстановке хоккеистов в «Советском спорте»...

Видимо, наши молодые хоккеисты поняли, что намерения тренеров вполне обоснованны и продуманны и что, заявив о своих взглядах публично, тренеры будут стремиться сделать все возможное, чтобы «система» стала существующим фактом.

Теперь все уже зависело от самих спортсменов, и они сделали для себя необходимые выводы: перспектива, открывающаяся перед каждым из них, была заманчива и увлекательна. Ведь каждому хоккеисту хочется как можно скорее вырасти в большого мастера.

Прошло три года, и новая пятерка стала одной из лучших в нашем хоккее.

Это признают и соперники армейцев и иностранные специалисты.

Конечно, в игре Зайцева, Ромишевского, Мишакова, Ионова, Моисеева еще немало брака и работа им предстоит большая, но главное – «система» раскрыла перед ними и перед нами, тренерами, самые широкие возможности для творчества, открыла перед каждым из пятерки просторные горизонты, позволила наиболее полно использовать их мастерство.

Ребята, недавние новички большого хоккея, стали первоклассными хоккеистами. Не уверен, что они смогли бы подняться так быстро, если бы играли по-старому.

Самая интересная роль

В отношениях с тем или иным хоккеистом, в оценке исполняемой им в хоккейном спектакле роли я стремлюсь всегда руководствоваться тем принципом, о котором условились когда-то К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко: «Нет маленьких ролей, есть маленькие артисты».

Больше всего желающих было у нас на роль хавбека.

Видимо, нужно пояснить, что хавбек – это вовсе не оттянутый назад центральный нападающий. Я поясню это потому, что даже многие спортивные журналисты до сих пор называют нападающих нашей «системы» тройкой Мишакова. Почему тройкой и почему Мишакова, я не знаю. Мне кажется, что с таким же успехом можно было бы назвать и тройкой Ромишевского. Он тоже хавбек. И тоже никак не центральный нападающий. Но, самое главное, тройки-то теперь нет! У нас два нападающих!

Итак, отличие хавбека от центрального нападающего.

В новой тактической расстановке у нас два хавбека, а значит, и два центральных нападающих, и в первую линию атаки, как я уже писал, может выдвигаться то один из них, то другой, а то и оба сразу. Следовательно, эффективность их действий в нападении возрастает.

В обороне центральный защитник – стоппер играет по своему, центральному месту, а хавбеки должны бороться в углах поля.

У полузащитника впереди не два, как у центрфорварда, а три нападающих: я имею в виду его партнера, который в случае, если шайбой владеет наша команда, должен предлагать себя, выходя вперед на свободное место.

Но дело не только в количестве игроков, постоянно находящихся в той или иной зоне площадки, а в тех новых тактических связях, которые дают возможность и надежно, прочно строить оборону и опасно, вчетвером, атаковать.

Несмотря на массу предложений, найти хоккеиста на амплу полузащитника оказалось совсем не просто. Нами тогда не хватало и сейчас не хватает талантливых, творчески одаренных, выдающихся хоккеистов для этой именно системы, спортсменов, способных к колоссальному объему работы.

Мы пробовали на роль полузащитников многих хоккеистов. Но оказалось, что Валя

Сенюшкин не справляется с той работой, без исполнения которой невозможно сыграть ату роль, что Толя Дроздов несколько скучен и однообразен, игра всего звена с ним тускнеет, становится, какой-то шаблонной. И потому мы остановились на Игоре Ромишевском и Евгении Мишакове.

Особенно творчески и интересно роль хавбека исполняет Игорь Ромишевский. В его игре много изюминок, и прежде всего умение стремительно преображаться.

Искусство перевоплощения – это необычное качество спортсмена. Он должен уметь, как артист, сыграть в ходе одного состязания несколько ролей. В зоне обороны – это рыцарь, действующий, однако, с бухгалтерской расчетливостью и осторожностью, с определенной скупостью или даже жадностью в движениях. В момент контратаки – это творец, фантазер, это мозг команды, спортсмен, который думает только о товарищах, хоккеист, не умеющий передерживать шайбу. Он постоянно прокатывается в средней зоне в поисках наилучшего продолжения атаки, он всегда готов поддержать партнеров. В зоне нападения хавбек действует решительно, умеет взять всю игру на себя. Может продемонстрировать высокое и яркое мастерство в завершения атаки.

А если неудача?

Ничто не заставляет тренера так внимательно всмотреться в игру своей команды, как поражение.

Неудача, особенно серия неудач, заставляет тренера более критически относиться и к своим взглядам, и к избранной им схеме игры, и к составу команды/ И потому после поражения тренеры нередко пересматривают тактику или состав.

Я пишу обо всем этом потому, что 3 октября 1965 года в нашем матче с московским «Спартаком» «система» провалилась.

Счет игры – 4: 4. Но Зайцев, Мишаков, Ромишевский, Ионов и Моисеев во время пребывания на льду пропустили в свои ворота три шайбы, не забив в ответ ни одной.

Почему же это случилось?

Както раз Ромишевский и Мишаков пришли ко мне и сказали, что они недовольны своей игрой, что, несмотря на успехи, их игра не приносит им внутреннего удовлетворения, что их действия шаблонны. Спортсмены предложили использовать в средней зоне еще большую взаимозаменяемость, чтобы в некоторых матчах они менялись местами и даже ролями с защитником Олегом Зайцевым. Игорь считал, что в некоторых встречах это уже вполне допустимо.

Это были разумные творческие предложения, и меня обрадовал подход хоккеистов к своим игровым задачам. Однако мне показалось, что к такой игре мы пока еще не готовы. И все-таки я разрешил ребятам играть так, как они хотят, но предупредил, что столь сложное взаимодействие требует еще большей игровой интуиции, что сегодняшней скоростной выносливости может не хватать.

И вот ребята сорвались.

Это может показаться странным, но предыдущие успехи всей команды, и звена в частности, породили у молодых хоккеистов иллюзию, что ЦСКА может позволить себе в игре что угодно, что хоккеистов, равных нам, сейчас нет, и поэтому наша «система» начала экспериментировать в матче со... «Спартаком».

И стоило только Олегу Зайцеву от избытка сил, от желания скорее добиться результата увлечься, потерять бдительность, стоило ему только уйти на фланги, к синей линии, как результат пагубной его неосмотрительности и легкомысленности не замедлил сказаться. За нашими воротами вспыхнул красный огонек бедствия.

Олег перестал быть стержнем обороны. Он не был в этой игре страховщиком, последней нашей палочкой-выручалочкой.

Допустили ошибку и хавбеки, особенно Игорь Ромишевский. Они не почувствовали, что противник силен, настроен сегодня на редкость агрессивно, что надо поэтому повременить с атакой, выровнять игру. Они забыли, что нельзя стараться на сильный удар отвечать немедленно тем же, что надо придержать противника, обеспечить свои тылы, а потом уже

нападать. И наши хавбеки, забыв, что они одновременно и защитники, очертя голову рванулись вперед.

И «система», четкая, налаженная, отработанная на многих тренировках, испытанная в ответственных матчах, сразу же полетела в тартарары...

Но виновата в этом была, конечно, не сама «система». Идея, заложенная в ней, верна. Верными, по сути, были и предложения Мишакова и Ромишевского. Но им и их товарищам не хватило умение реализовать свои идеи.

Значит, надо требовать более строгого исполнения каждым хоккеистом своих функций. Более внимательно и критически относиться к новым идеям, даже направленным как будто на усовершенствование тактики игры, значит, нужно снова искать и пробовать, проверять все новое в менее ответственных встречах, значит, снова нужно думать, думать и думать...

За это я и люблю хоккей.

А что же наши ребята?

Они не опустили руки, не потеряли веру в «систему». И уже спустя всего три с лишним недели, встречаясь с тем же «Спартаком», Олег Зайцев, Игорь Ромишевский, Анатолий Ионов, Евгений Мишаков и Юрий Моисеев выиграли свои отрезки со счетом 3:1. Только в этот день Ионов играл хавбеком, а Мишаков – на его месте нападающим. Все остальное было по-прежнему.

Меня часто упрекают, что я поторопился, что надо, мол, было заранее готовиться к игре по-новому, подготовить сначала хоккеистов, а потом уже пробовать осваивать новую тактику. Ведь любая перестройка всегда в какой-то степени болезненна.

Но как, позвольте спросить, готовить «систему», если не трогать играющих спортсменов? Ждать, пока подрастут ребята, которые начали с первых своих шагов в хоккее осваивать новую систему, нельзя: на это потребуются многие годы. И потому мы играем по новой тактической расстановке уже четвертый сезон, хотя недостаточно высокий уровень техники нас стесняет по-прежнему.

Это печально, но не трагично: тактические идеи должны опережать технические и даже физические возможности и всего коллектива и отдельных игроков. Они должны звать вперед, служить ориентиром, маяком.

Время – лучший судья, и оно – это мое твердое убеждение – на нашей стороне. Счастье, успех сопутствуют тем, кто ищет.

Но у читателя, видимо, возник вопрос: почему же мы, будучи так уверены в преимуществах, заложенных в новой тактической расстановке, тем не менее не применяем ее в действиях других звеньев?

Я говорил уже, что опытным, сложившимся мастерам трудно переучиваться играть по-новому. А кроме того, одна из причин успехов хоккеистов ЦСКА как раз и заключается в разнокрасочности наших тактических построений. Но «систему» мы готовим и сейчас. Звено молодежной команды уже несколько сезонов играет по принципу – один защитник, два хавбека и два нападающих. И нужно признать, что успехи молодежи несомненны.

Нашу «систему» здорово принял зритель, игра ребят импонирует любителям хоккея, хотя, может быть, на первых порах и не все догадались, в чем секрет их яркой, своеобразной игры.

Эпилог, который может стать прологом

В первом издании книги этой главы не было. Не могло быть. Позвольте еще раз напомнить о венском чемпионате мира, позвольте еще раз привести некоторые цифры характеризующие действия звена Полупанова. Абсолютный рекорд результативности – 45 процентов их атак заканчивались взятием ворот соперника. Два лучших бомбардира в составе звена – список наиболее грозных форвардов чемпионата возглавили Анатолий Фирсов и Виктор Полупанов. Третий из этого трио, Владимир Викулов, в этом списке – пятый. Тридцать заброшенных шайб и всего три пропущенных – подобного громадного преимущества на чемпионате мира не видели давно. Даже поверить трудно, что такой результат возможен в современном хоккее! В чем секрет успеха звена? Секрет прост: прекрасные хоккеисты играли по новой, неизвестной в мировом хоккее тактической схеме, и соперники так и не смогли

приспособиться к их действиям.

Итак, «система» нашла новых исполнителей. Она начала новую жизнь. Вряд ли ошибусь, предсказывая, что на венском чемпионате наша тактическая идея лишь только дебютировала на международной сцене – Вена была пока всего-навсего прологом к спектаклю о завтрашнем дне хоккея.

А. Рагулин оказался прекрасным стоппером. Колоссальная разрушительная мощь его действий общеизвестна.

Александр Рагулин

Два хавбека; Э. Иванов и В. Полупанов, один из которых тяготеет к игре сзади (однако замечу в скобках, что в начале сезона, когда Эдуард был еще полон сил, он сразу же забросил 8 шайб и шел впереди многих форвардов даже своей команды), другой – к игре впереди. И наконец, два быстрых, техничных, опаснейших нападающих – Владимир Викулов и Анатолий Фирсов, получивших дополнительный простор для своих действий. Как видите, состав для «системы» был весьма удачным.

Но вместе с тем было бы неверно думать, что лишь одна новизна тактического замысла, построения атаки и обороны, иные роли игроков решили успех звена Полупанова в чемпионате мира. Неверно было, с другой стороны, как это делает Кое-кто, приписывать всю удачу одному лишь Анатолию Фирсову, выдающемуся хоккеисту, играющему в этом звене. Разумеется, личность в хоккее, сильного хоккеиста нельзя снимать со счета: сила каждой команды, любой тройки складывается из силы отдельных мастеров, составляющих эту тройку, и естественно, что чем более одаренные спортсмены собрались в той или иной тройке, команде, тем сильнее и все звено, вся команда.

Вместе с «системой», вместе с Фирсовым, действительно много сделавшим для становления звена, причину успеха объясняет в значительной степени и необыкновенное трудолюбие спортсменов.

Хотя я считаю, что решающим испытанием для определения мастерства хоккеиста является матч, особенно официальный, тем не менее мастерство приходит главным образом лишь после тренировок с участием этого спортсмена. Как он относится к занятиям, насколько стал уже сам для себя тренером, то есть насколько творчески относится он к заданию, какие функции умеет выполнять, степень его понимания существа тренировки, темпы роста личного мастерства, отношение к товарищам – вот что определяет повышение уровня игры хоккеиста.

Новая тактическая идея вдохновила пятерых наших спортсменов – А. Рагулина, Э.

Иванова, В. Викулова, В. Полупанова, А. Фирсова. Они тренировались особенно усиленно. С вдохновением, с повышенным интересом. И если на фоне трудолюбивой команды эта звено выглядят чуть-чуть повыше всех остальных, то именно в этом я и вижу первопричину успеха наших ребят.

Новая идея помогла спортсменам, вдохнула в них дополнительные силы, позвала к новому труду.

Это звено выгодно выделяется не только охотой к объемным тренировкам, но и фантастическим стремлением соревноваться. С кем бы они ни играли, против кого бы ни действовали на тренировке, они стараются постоянно побеждать. Сейчас в этой «системе» Иванова сменил юный Лутченко – хоккеист с огромным игровым потенциалом в объемной роли хавбека.

Несколько общих штрихов будущего хоккея

Наверное, можно сказать, что я излишне рискую, пытаюсь рассказать хотя бы коротко о будущем хоккея. Зачем этот риск? Зачем играть с будущим; ведь легко и ошибиться? Но разве может прийти успех, если мы не будем фантазировать, думать о грядущем пытаться предугадать его?

Согласитесь, что все-таки лучше ошибиться в этих размышлениях, нежели вообще отказаться от всяких попыток понять тенденции развития мирового и отечественного хоккея.

Несколько общих замечаний. Я говорю общих, потому что эта тема могла бы вырасти в другую книгу.

Каким я вижу хоккей семидесятых годов?

Бесспорно, сама жизнь заставит поднять уровень атлетизма, физической подготовки спортсменов. И в нашем и – особенно – в мировом хоккее. Иностранцы команды, используя опыт сборной СССР, значительно усилят скоростное маневрирование, разовьют качество ловкости, у их, хоккеистов прибавится физической силы, столь необходимой для сохранения игровой свежести в ходе матча и для силового единоборства.

Убежден, что время, пребывания на игровой площадке будет использоваться более рационально, максимально. Спортсмены станут стремиться «выпустить», весь свой физический и волевой заряд в возможно кратчайшие сроки. Стало быть, темп игры еще более возрастет. Причем не только за счет бешеного скоростного катания, но и за счет сложного силового единоборства, сложных игровых приемов, большой, неудержимой активности игроков на поле.

Используя опыт предшественников, молодое поколение усовершенствует свое техническое искусство. Техника сможет легко обслуживать тактические замыслы хоккеистов, игру высокого темпа, она будет богаче и экономнее. Все технические приемы будут выполняться быстро, накоротке. Но это вовсе не значит, что приемы будут простые, такими они станут казаться только с трибун, на самом же деле они будут, замысловатые, замаскированные, ведь обстановка на «поле» будет все время осложняться.

Убежден, что мы увидим на хоккейном поле не одного мужественного, смелого хоккеиста, – такими станут все, игра будет более зрелищной, и новые вместительные дворцы спорта, которые появятся в наших крупных городах, не сомневаюсь, будут заполнены всегда.

Не хочу спорить, каким будет хоккей – коллективной или индивидуальной игрой. Наш хоккей будет, несомненно, по-прежнему коллективным. Искусство ведущих мастеров вырастет, усовершенствуется, приобретет еще больший блеск, и вместе с тем, став великими мастерами, наши «звезды» не превратятся в премьеров, все будут играть так, чтобы было, удобно партнеру, полезно команде.

Главный компонент хоккея будущего – тактика.

Уже в ближайшее время хоккей станет игрой более, высокого темпа. Убежден, что от наших сегодняшних спортсменов можно ждать новых скоростей и с ними можно играть в более коротких отрезках, действовать с шайбой более быстро, быстрее преодолевая расстояния. Но не думаю, что в скорости бега хоккеистов можно добиться еще больших успехов. Можно рассчитывать на усиление темпа лишь за счет скоростного маневра игроков без шайбы. Этот маневр игроков, предлагающих себя партнерам, может быть более разнообразен и интенсивен.

Возрастёт стремление каждого хоккеиста предлагать себя, а медленно это будет делать нельзя. Стало быть, в большом хоккее останутся лишь те, кто обладает скоростным взрывом, иначе игрок не сможет все время участвовать в игре, получать шайбу, приносить пользу команде.

Изменится понимание хоккея. По-иному будет строиться атака и оборона.

Сейчас за единицу времени (за минуту) наши ведущие хоккеисты, лучшие звенья делают до десяти-двенадцати самых главных тактических ходов: я имею в виду острые передачи партнеру, острую обводку, хлесткие броски или, наоборот, вступление в единоборство, разрушение атаки соперника. В хоккее будущего за эту же минуту всех этих решений будет выполняться до двадцати пяти – тридцати. Это значит – никаких пауз, никаких долгих размышлений. Это значит, что на поле нет ни одного равнодушного. Это удивительно высокая занятость хоккеистов, целиком поглощенных игрой.

Сейчас, разбирая игру, мы часто говорим спортсмену, попавшему в сложную ситуацию, чтобы он сделал паузу, подождал помощи партнеров, «подержал» шайбу. Через несколько лет мы будем ему говорить – сам решай, Сам помогай своими хитрыми и неожиданными действиями партнерам, создавая для них благоприятные ситуации. И если это будет так, а я в этом не сомневаюсь, то тогда медленному спортсмену, тугодуму, лентяю, хоккеисту, не умеющему жертвовать собой во имя успеха товарищей, быстро устающему, малоинициативному делать в хоккее станет нечего.

Мы не только ждем будущее, мы готовимся к нему.

Уже сейчас у нас есть упражнения, готовящие, на наш взгляд, игрока к хоккею завтрашнего дня. Например, на тренировках звено часто играет сейчас в две, три, четыре шайбы, атакуя ворота: при этом спортсмены учатся ориентироваться на площадке, приучаются играть все время быстро, мгновенно решать, соображать, принимать интересные и хитрые решения.

Конечно, спортсмены будущего, несомненно, используют богатые традиции наших дней. Однако появятся и новые тактические идеи. Острота действий спортсмена будет соревноваться с остротой его мышления.

Появятся и иные тактические расстановки. Не сомневаюсь, что будущее принадлежит «системе» с двумя ее хавбеками и двумя нападающими и стоппером. Той «системе», о которой мы говорили. Она потребует изменения тренировочного процесса, но тренировки не станут продолжительнее. Они будут, более концентрированными, интенсивными. Ибо нельзя научиться играть в хоккей по-новому, тренируясь по-старому.

Готов на пари: будущее нашей тактики – именно в «системе».

КОМАНДА: ЕЁ ПРОБЛЕМЫ, СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ

ТРОЙКА НАПАДЕНИЯ

Как формируется новое звено

...1957 год. В тройку Локтев – Александров – Черепанов я решил поставить новичка. И поставить не куда-нибудь, а в центр, передвинув Александрова на край, а Черепанова поставить в другое звено.

Вечером ко мне пришли Костя Локтев и Веня Александров.

– Анатолий Владимирович! Очень просим вас не ставить к нам в тройку этого юнца... Не сыграем мы с ним...

Юнца... А самому Александрову – 21 год. Локтев немного старше – 24. Я сразу же понял тогда, чего боятся Вениамин и Костя. Эти молодые парни вместе с Александром Черепановым всей тройкой были кандидатами в сборную. И им казалось, что без опытного мастера, с новичком они в сборную не попадут.

Кроме того, и это я тоже понял, Александрову, центральному нападающему тройки, не хочется переходить на край, на место Черепанова, уступать центр, а стало быть, и имя тройки, какому-то новичку.

Может, и не стоило бы об этом случае вспоминать. Но, как говорится, тут «ни убавить, ни прибавить». Был такой эпизод в истории армейского хоккейного клуба. Был, и ничего здесь не поделаешь.

Создавая новую боевую тройку, тренеру приходится учитывать великое множество самых разнообразных обстоятельств. И характер спортсмена, и его игровые навыки, и его творческий почерк, и его понимание общих принципов хоккея, и возраст, и темперамент, и... да мало ли что нужно учитывать, когда создается не большой коллектив людей, которым предстоит в течение ряда лет быть все время вместе, рядом. Ведь когда армейские хоккеисты проходят тренировочные сборы, они и за столом сидят и в комнатах живут вместе, звеньями. Совсем не прост он, этот процесс притирки, сживания, если так можно выразиться, характеров.

К сказанному остается только добавить, что юнцом, с которым не хотели вместе играть Александров и Локтев, был семнадцатилетний Саша Альметов. И не было потом в нашей команде друзей более верных, чем это звено.

Тренер проектирует звено

Прежде всего тренер «создает» его в своем воображении. Есть одно непереносимое условие: это будущее, пока еще только проектируемое звено тренер должен видеть как бы из завтрашнего дня нашего хоккея.

Новое звено – это идеал тренера, его заветная мечта. И потому, прежде чем начать комплектование звена, тренер просто обязан отчетливо представить себе, как оно будет играть тактически, как будет изменяться рисунок его действий по ходу игры, каким будет техническое вооружение спортсменов, его составляющих.

Если говорить о спортивной стороне комплектования звеньев, то прежде всего приходится учитывать скоростные качества кандидатов в это звено. Их стартовую скорость, скоростную выносливость, их «взрывные» качества, умение резко спуртовать. Ведь если, к примеру, центральный нападающий движется медленнее, чем крайние, то он не будет успевать ни к завершению атак, ни на помощь к партнерам.

В свое время, лет эдак пятнадцать назад, в функции центрального нападающего входила задача обеспечивать тылы крайних, и потому этот центр мог уступать в скорости своим партнерам» Так, например, играл Виктор Шувалов, когда подстраховывал Бабича и Боброва.

Но тот снег растаял, те годы давно утекли. Сейчас хоккей стал совсем иным.

Сегодня грани между действиями центрального и крайних нападающих стираются. И потому было бы ошибочным включать в амплуа центрфорварда задачу подстраховки крайних, заставляя его играть осторожно, не увлекаясь, избегая риска.

Нет еще и еще раз выступаю против универсализации! Амплуа сохраняются и будут, видимо, жить еще долгие годы. Но это не значит, конечно, что каждому хоккеисту не нужно уметь выполнять функции партнера и самые разные подсобные роли.

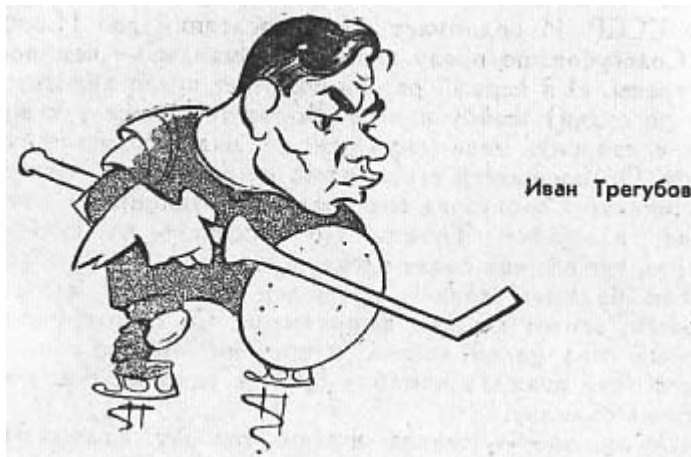
В современном хоккее значительно, повысились требования к защитникам. По классу игры они теперь не уступают своим партнерам из нападения. Вспомним Сашу Рагулина, признанного лучшим защитником мира 1966 года. В списке ведущих бомбардиров(!) турнира он, защитник, был одиннадцатым.

В наших внутрисоюзных соревнованиях команды выступают сейчас с тремя тройками нападающих и тремя парами защитников. (Я пока не говорю о «системе».) Появилась возможность более стабильного «привязывания» троек к какой-то определенной паре защитников. И потому мы вправе теперь требовать, чтобы все игроки, уже не в тройке, а в пятерке были равны по своему игровому мастерству, и прежде всего по своим скоростным качествам. И если один из защитников «катится» медленнее, то это уже не пятерка, а четверка...

Вовсе не обязательно, конечно, чтобы хоккеисты одного звена играли одинаково. Одинаково или похоже обводили соперников, одинаково держали клюшку, любили бросать с

одной руки и т. д. Напротив, соперникам гораздо труднее бороться против тройки, где все не похоже друг на друга, где каждый играет в своем, неповторимом ключе. Защитнику трудно противостоять трем очень разным мастерам, каждый из которых действует по-своему. В мгновенно изменяющихся ситуациях психологически крайне трудно перестраиваться по несколько раз в течение 40–50 секунд.

Это относится и к игре защитников: хорошо, когда игровая манера одного совершенно непохожа на творческий почерк второго. Прекрасно подобранной парой защитников, где один дополнял другого, я считаю пару Николай Сологубов – Иван Трегубов, едва ли не сильнейшую в истории нашего отечественного хоккея.

Но, безусловно, самое важное обстоятельство, которое необходимо учитывать при формировании звена, – это единство понимания хоккеистами общих принципов игры, всей тактики современного хоккея.

Все звено должно одинаково представлять задачи, которые стоят перед ним, одинаково, понимать тактику игры в разных зонах площадки.

Одним из самых совершенных звеньев нашей команды, да и, пожалуй, в нашем советском хоккее я считал и считаю звено «А».

Звено «А»

В звене «А» играли Константин Локтев, Александр Альметов, Вениамин Александров. Три заслуженных мастера спорта, три олимпийских чемпиона, неоднократные чемпионы мира и Европы.

Играли вместе они, как я уже писал, с 1957 года, то есть почти десять лет. И потому, конечно, были сыграны до предела. О них даже не скажешь, что понимают друг друга с полуслова. Кажется» в игре между ними устанавливается незримый прямой контакт.

В мгновение ока они читали мысли друг друга, каждый предугадывал действия своего партнера. Не уверен, что не повторюсь, об этих ребятах я писал в книге и в первых главах, но не могу сейчас не рассказать о них поподробнее. Честное слово, ребята этого заслужили! И самое главное – на игре этого первоклассного звена может учиться молодая хоккейная поросль.

Итак, тройка Локтев, Альметов, Александров – тройка гроссмейстеров хоккея.

Самый старший и самый опытный в этой тройке – Константин Локтев; Первый матч за ЦСКА он сыграл в 1954 году.

Костя – большой мастер. Играл довольно своеобразно. Ключку держал в вытянутой руке, шайба далеко впереди. Тем самым он как бы провоцировал соперника. Тому кажется, что Локтева легко поймать на корпус, с ним легко столкнуться. Он не успеет увернуться: ведь шайба далеко, обманный финт сделать невозможно. И все-таки в самое последнее мгновение каким-то совершенно непостижимым образом Локтев уходил в сторону и мчался к воротам, оставив сзади растерянного защитника, так и не понявшего, что же произошло.

Константин Локтев

Локтев играл резко, мужественно, порой даже действовал на грани удаления. Не боялся идти на огромной скорости вдоль борта, сражался за шайбу до последней возможности.

Это очень трудолюбивый спортсмен. И работал и играл честно. Не допускал и мысли, что кто-то может за него проделать лишнюю работу. Много и умно самостоятельно тренировался. По уровню своего развития, по объему знаний, и общих и специальных, по уровню, наконец, своего хоккейного мышления вполне готов к тренерской работе.

Раньше был неуживчивым, задиристым парнем. Случалось, в игре в пылу ожесточенной борьбы грубил. Крайне болезненно и нервно переносил попытки соперника сыграть резко.

Уверен, что Федерация хоккея поступила правильно, наказав несколько лет назад его за грубость. Костя – парень умный и все воспринял правильно, сделал верные выводы. А не будь этого строгого наказания, мы, пожалуй, так я не имели бы сегодняшнего Локтева, огромного мастера, бойца (но не забияку), игрока экстра-класса.

Потом к Константину пришла обычная человеческая мудрость. Он спокоен, уравновешен. С ним считаются, его уважают, к его мнению прислушиваются. Костя – веселый, остроумный человек, понимающий толк в хорошей шутке.

Вместе с житейской мудростью к Локтеву пришла и спортивная мудрость. Великолепный тактик, рассчитывающий на много ходов вперед, он умно и смело вел атаки. Теперь его не выводил из себя грубый защитник. Костя не давал сдачи. Он предпочитал его обыграть. На первенстве мира 1966 года Константин Локтев был признан лучшим нападающим мира. Это была справедливая плата за долгий терпеливый труд и большое искусство, дань уважения к рыцарским качествам спортсмена.

На левом крыле этого звена играет еще один большой мастер хоккея – Вениамин Александров.

Я уже говорил, что Веня – воспитанник нашей хоккейной школы. Сейчас ему 30, и он прославленный, известный во всем мире хоккеист. Но я помню не только бурное восхищение советских и чешских, шведских и финских зрителей его мастерством, помню не только огромные транспаранты с фамилией «АЛЕКСАНДРОВ» на стадионах США и Канады. Я помню и первые шаги Вени в большом хоккее.

Вениамин Александров

Спортивная биография этого мастера сложилась на редкость удачно. Он заиграл в основном составе еще в то время, когда играли Бабич и Бобров, и с тех пор вот уже свыше десяти лет считается одним из ведущих хоккеистов страны.

Главное оружие Александрова – многогранная совершеннейшая техника. Он никогда не разрешает себе останавливаться на достигнутом, изученном, апробированном. Замечательный французский художник Дега говорил:

«Если у тебя есть мастерства на сто тысяч франков, купи еще на пять су»; И Александров, не жалея, растрчивает эти пять су. Он всегда творит, всегда в поиске. На тренировках без усталости отрабатывает и совершенствует все новые и новые финты, передачи, стремится из очень сложных положений бросить шайбу в ворота. Старается освоить то, что еще не умеет.

Вениамин многое сделал для нашего хоккея. Интересно, что он не боится рисковать и показывать что-то новое, чего раньше у него не было, не только на тренировках, но и в ходе самого ответственного матча.

Наблюдая многие годы за творческим и спортивным ростом этого хоккеиста, я все более полно и глубоко понимаю мысль К. С. Станиславского, который писал: «Не существует искусства, которое не требовало бы виртуозности, и не существует окончательной меры для полноты этой виртуозности».

Центральным нападающим в этой прославленной тройке играл Александр Альметов, тот самый «юнец», который вызывал когда-то недоверие у Александрова и Локтева.

Александр Альметов

Саша, как и его партнеры, обладал прекрасной техникой, колоссальным игровым чутьем. И именно на использовании своих сильных сторон и строил игру Альметов.

Однако были специалисты, которые предъявляют к нему претензии, укоряя его в недостаточном объеме работы. Они говорили, что Саша работает меньше, чем, например, Старшинов, что он неохотно отходит назад, на помощь своей обороне.

Недостаток ли это? Да – в сравнении. Нет, если учесть особенности игры этого мастера, тактическое построение звена. Это манера, почерк Альметова, и если бы он изменил ему, то наш хоккей, видимо, потерял бы одного из лучших своих нападающих.

Сила Альметова – в его необыкновенном чутье позиций, интуитивном выборе наиболее уязвимого участка в позиции соперника. Саша опаснее всего на острие атаки, именно там он приносил команде самую большую пользу. А кроме того, нужно учитывать, что рядом с Альметовым в нападении играл Локтев, хоккеист, склонный к большому объему работы, находящий в этой объемной работе особое удовлетворение. Вот почему мы просили Сашу играть в обороне только в критические минуты, когда армейцы находятся в численном меньшинстве. Когда нужно, он работал за двоих.

У Александра прекрасно развита спортивная интуиция. Он, как шахматист, рассчитывает на много ходов вперед. Давая пас, Саша, впрочем, как и Константин и Вениамин, знает или, может, чувствует, где и когда, через сколько пасов он снова получит шайбу.

Да, большие мастера эти ребята! Но еще большая сила была в их монолитности, единстве. Все трое видели поле значительно шире, чем другие хоккеисты, все трое быстрее, чем другие, оценивали обстановку, находя решение, наилучшее из всех возможных. Рассчитывали мгновенно не только свои ходы, но и точно предвидели предполагаемые контрмеры соперника. В ходе матча они отлично использовали его слабые стороны. Нет у того взрывного рывка – играют на разных скоростях, доверчив защитник – применяют финты, груб – играют резко, «провоцируя» соперника на нарушение правил.

Мне кажется, я знаю свою команду и потому могу с полной уверенностью утверждать, что звено «А» дорожило своей репутацией, как хорошие артисты, оно переживало больше всех, когда получало низкую оценку за свою игру. И в этом тоже объяснение их силы, их высокого искусства.

А ведь им, признанным лидерам нашего хоккея, приходилось тяжелее всех. Семь лет они славились как сильнейшие, и потому зрители никогда не прощали им плохой или просто неудачной игры. И все соперники, даже слабые, считали для себя за особую честь

нейтрализовать это звено: Локтев, Альметов и Александров всегда выступали против сильнейшего трио. И в матчах на первенство СССР, и в матчах чемпионата мира, и во встречах на Олимпийских играх.

Эта тройка была признанным лидером нашего хоккея, его ударной силой. И потому мне кажется странной позиция одного из руководителей нашего спорта, несколько раз упрекавшего меня, за то, что мы еще три-четыре года назад не создали трех звеньев на «базе» каждого из этих больших мастеров. «Ведь получилось у Фирсова, говорил мой собеседник, – почему же нельзя попробовать разбить и эту тройку?»

Но все ли так просто?

Локтев, Альметов и Александров представляли большую силу, ни я, ни другие тренеры не могли быть уверены, что мы не ослабим нашу сборную, если раскассируем эту тройку.

Не было никакой гарантии, что опыт Фирсова может быть удачно повторен. Хотя бы потому, что среди молодых и несомненно одаренных хоккеистов спортсменов, равных Викулову и Полупанову, я не вижу все-таки.

Во-вторых, мы пробовали ставить к Альметову и Александрову юного партнера, и ничего хорошего из этого не получилось. Тот же Саша Альметов капризничал, был нетерпим к ошибкам нового партнера, решительно не хотел не только брать его промахи на себя (что делал Фирсов), но не соглашался даже просто не замечать их. Он не мог примириться с мыслью, что ему теперь придется порой отрабатывать за новичка, отдавать ему часть своих сил и мастерства.

И в-третьих, мы должны были считаться и с тем, что сами спортсмены не хотели разойтись, потерять друг друга. Ведь они были чрезвычайно сыграны, и если эта тройка оказалась бы расформированной, то могла произойти утечка не только мастерства, но и опыта. А вынуждать хоккеистов расстаться – значило бы ущемлять их достоинство.

Нас интересует не только перспектива, но и сегодняшний день хоккея. Но с интересами самих хоккеистов нельзя не считаться. Им оставалось играть вместе уже немного, и было бы, наверное, жестоко лишать этих трех мастеров возможности продлить свою жизнь в спорте.

Формируем тройку из мастеров

Так что же, значит, отлично сыгранные тройки получаются только в результате длительной совместной игры? Значит, тройку можно формировать только один раз? Раз и навсегда?

Нет и еще раз нет.

Путь, когда звено наигрывается годами, касается чаще только новичков. Совсем другое дело, когда тройку предстоит сформировать из ветеранов, больших мастеров хоккея. Обычно такую задачу приходится решать тренерам сборной.

Конечно, идеальным было бы решение сформировать сборную из трех сыгранных клубных троек. Если бы все тройки были равноценны тройке Альметова, то и задачи бы не стояло. Но гораздо чаще бывает так, что даже в сыгранных звеньях кто-то по уровню своего мастерства уступает и товарищам по звену и игрокам из других команд.

Вот и приходится ставить сильного на место более слабого. Ведь в сборной должны играть сильнейшие мастера хоккея. А таким мастерам, умным, талантливым, умеющим играть на товарища, привыкшим уважать товарища, понимающим современные принципы игры в хоккее, совсем не нужны годы, чтобы сыграть и добиться полного взаимопонимания.

И когда накануне Олимпийских игр 1964 года перед самым вашим отъездом неожиданно заболел Владимир Юрзинов и динамовское трио распалось, то спешным порядком было создано новое звено: Леонид Волков – Виктор Якушев – Анатолий Фирсов. И хотя Якушев впервые играл с этими хоккеистами («сыгрывались» они сутки), новое звено внесло заметный вклад в нашу победу на Олимпиаде.

Владимир Юрзинов

Почти так же мало играли вместе перед первенством мира 1965 года Б. Майоров и В. Старшинов с А. Ионовым. И это было отличное звено в сборной.

И позже, в Любляне, когда мы ставили в тройку к Старшинову нового хоккеиста – Виктора Якушева, и в Вене, когда тот же Якушев играл в тройке Альметова, получались великолепные звенья, хотя времени, чтобы сыграть, у них было очень мало.

И когда в клубную команду приходит большой мастер, мы тоже вправе его поставить в любую тройку, и он быстро в ней заиграет. Да и при внутриклубных перестановках мы часто идем на то, чтобы усиливать то или иное звено большим мастером хоккея, и это дает свои результаты, особенно когда этот мастер приходит в звено новичком.

Здравствуй, племя младое, незнакомое...

Порой можно услышать от того или иного тренера, что, мол, ребятам в его новой тройке всем вместе... 54 года. «Им всем по 18», – с гордостью поясняет он. И журналисты подают эти слова тренера чуть ли не как радостную сенсацию.

А радоваться тут, по-моему, особенно нечему. Это ведь плохо, что всем по восемнадцать. Такое звено долго еще во многих трудных сражениях будет напоминать трех телят, впервые попавших на лед. И дай бог, чтобы первые неудачи не надломили психику юных хоккеистов. Ведь в современном силовом хоккее им поначалу просто не будет хватать силенок, и потому они, предоставленные самим себе, могут сорваться, оказаться легкой «добычей» для опытных, закаленных во многих битвах защитников.

Проблема смены поколений, ухода из коллектива заслуженных, опытных мастеров и прихода новичков очень сложна и болезненна. Так было и в те дни 1954 года, когда на место Виктора Шувалова мы пробовали молоденького Веню Александрова, так происходило и сейчас, когда мы у себя в ЦСКА вводили в основной состав молодежную тройку Виктора Полупанова. И все-таки сейчас все происходит иначе. Мы стали умнее, и потому по-иному, не так, как прежде, реагируют ветераны на появление в основном составе юнцов...

К сезону 1965/66 года ЦСКА начал готовиться рано, и к 11 сентября, дню нашей первой официальной встречи (в рамках турнира армейских команд), мы провели довольно много встреч с различными соперниками.

В нападении мы располагали четырьмя тройками. Кроме трех опытных звеньев, в этих первых встречах сезона принимали участие и наши юноши.

На мой взгляд, Викулов, Полупанов и Фролов в ходе подготовки выглядели сильнее, чем звено «Б», где играли ветераны Волков, Сенюшкин и Фирсов. Молодежь наша сорвалась лишь однажды, когда проиграла в Новосибирске местной «Сибири» свои отрезки со счетом 0: 1. И потому мы решили на первую официальную игру, где показывали свой самый сильный состав, поставить именно молодежную тройку.

Но прежде чем принять это решение, мы, тренеры, советовались с ветеранами команды.

Лишь один хоккеист был как будто не совсем уверен в правильности и целесообразности нашего предложения. Когда я спросил Эдуарда Иванова, кого бы он поставил на игру – звено

«Б» или молодежь, если бы завтра нам предстояло играть со «Спартак», Эдик, подумав, ответил:

– Волкова, Сенюшкина и Фирсова.

– А почему именно их?

– Опытные ребята, не будут нервничать, не растеряются в самой сложной ситуации.

– Значит, молодежь рискованно ставить? – уточнил я.

– Конечно, слишком молоды они еще!

– Вот так аргумент! А, сколько было тебе, Эдик, когда Владимир Кузьмич поставил тебя в команду? Ведь и Егоров тогда рисковал. Наверное, были защитники и более опытные, чем восемнадцатилетний Иванов...

– Ну ладно, – соглашается Иванов, – давайте рискнем...

Эдуард Иванов

Собираем тренерский совет. В этот совет, кроме тренеров, входили Константин Локтев, Александр Альметов, Олег Зайцев, Александр Рагулин, Анатолий Фирсов и врач команды Алексей Васильев.

Вырисовывается общее мнение: всем, конечно, жалко, очень жалко Лешу Волкова и Валю Сенюшкина, но и о молодежи пора всерьез подумать. Ветеранам нужна смена.

И вот что самое приятное: как будто сговорившись, и Локтев, и Альметов, и Рагулин говорят прежде всего о том, какие честные, скромные, трудолюбивые наши молодые ребята, и уже во вторую очередь об их умении играть в хороший хоккей.

Большое значение имело мнение Рагулина, ибо Александр в ЦСКА пользуется репутацией исключительно честного, прямого человека.

В нашей команде играл один сезон вратарем его брат Анатолий – Антон, как мы его называем. Александр очень любит брата; когда тот стоял в воротах, Саша сражался, кажется, с удвоенной энергией и самоотверженностью, особенно часто бросался под шайбу, закрывая своей грудью Антона и ворота. Но тот же Саша Рагулин первым предлагал не ставить брата на игру, если он не в форме, если к сегодняшнему матчу был более надежен другой вратарь – В. Толмачев.

И Саша высказывается за молодых. Итак, вопрос ясен.

Подобную задачу – кого ставить: ветерана или юношу – каждый тренер решает не один раз в своей практике. Рано или поздно. Чаще или реже. Но не столкнуться с ней невозможно. Это закономерность. И в жизни и в спорте уходят одни поколения и приходят другие. И грустно и радостно. Грустно прощаться с хоккеистами, так много сделавшими для коллектива, радостно встречать новую поросль талантливых и по-своему интересных спортсменов.

Итак, вопрос звучит совершенно недвусмысленно. Приходит час, и тренер в один

прекрасный день замечает, что молодой хоккеист, кажется только вчера еще пришедший в команду, уже догнал заслуженного и опытного ветерана. И возникает вечный для спорта вопрос: кого ставить сегодня, именно сегодня – старшего или младшего, если они совершенно равны?

Я думаю, старшего. При одном, конечно, обязательном условии: он должен передавать свой опыт младшим, помогать им расти, совершенствовать свое мастерство, быть человеком глубоко порядочным. Кстати, такими именно старшими я считал и считаю Сеньюшкина и Волкова, Локтева и Брежнева и других наших ветеранов.

Тут решает, на мой взгляд, не перспектива, а реальное соотношение сил. Пусть младший докажет (ведь у него все еще впереди), что он достоин заменить ветерана. Пусть поборется за свое право. Не надо создавать молодым искусственного преимущества: метрики вовсе не самое главное в жизни человека. А борьба только закаляет. Кроме того, и сегодняшнему юнцу когда-нибудь будет за тридцать; нельзя, чтобы он забывал об этом.

И если мы решили ставить молодых, то только уверовав, что они сильнее. Решение было принято. Хотя не совсем такое, о котором шла речь вначале. Но об этом потом, а пока вернемся к нашим ребятам.

Вечером, накануне нового официального матча нашей команды, уже после того, как я объявил состав на предстоящую игру, в комнату, где находятся тренеры и врач» кто-то тихонько постучал.

Я вышел в коридор. У дверей стояли Витя Полупанов и Володя Викулов.

– У нас к вам разговор...

Приглашаю ребят в комнату. Там в это время, кроме, меня, никого не было.

Ребята помялись чуть-чуть, потом один из них решился:

– Анатолий Владимирович! Нам очень неудобно, что из-за нас не будут играть Леша и Валя. Мы ведь понимаем, как важно им было попасть сегодня в состав... Они ведь нас учили...

Не скрою, эта минута была для меня едва ли не самой счастливой в году.

Как это здорово, что у нас в ЦСКА такая обстановка, когда ребята искренне беспокоятся о своих товарищах, когда вполне закономерное соперничество спортсменов за место в основном составе отходит на второй план, отступает перед благодарностью к товарищам, к тем, кто учил тебя! Как это радует тренера, что ребята выросли у нас в ЦСКА не только хорошими хоккеистами, но и хорошими, славными людьми! Вот оно, пришедшее со временем в наш хоккей благородство.

Я тем более радовался приходу Полупанова и Викулова, их реакции на большое доверие и признание коллектива, что когда-то, еще до войны, сам вел себя в похожей ситуации иначе.

Тогда я учился в высшей школе тренеров. Работал в то время в Московском институте физкультуры преподавателем, и учил нас всех играть в хоккей с мячом и футбол славной души человек Иван Алексеевич Цапко.

И вот однажды на собрании секции, где обсуждался состав нашей команды, присутствующие предложили, чтобы отныне центральным нападающим играл я, а Иван Алексеевич пусть, мол, перейдет в полусредние (необходимо, вероятно, пояснить, что в те годы место центрального нападающего считалось самым почетным. «Центр» был обычно сильнейшим в линии нападения и находился в фокусе всеобщего внимания).

И вот я сижу, слушаю лестные слова и радуюсь. И невдомек мне, зеленому, подумать об Иване Алексеевиче о его переживаниях. Молодость бывает порой слишком эгоистична! И хотя потом мы с Иваном Алексеевичем поменялись местами, мне до сих пор стыдно, что тогда, на секции, я промолчал.

И тем более радостно, что сегодня молодые ребята, мои ученики, не повторяют моих ошибок, что они более деликатны, тонки в своих отношениях со старшими.

Я поблагодарил ребят за заботу о товарищах, но объяснил, что не из-за них, Викулова и Полупанова, не играют Сеньюшкин и Волков. Виноваты в этом сами Леша и Валя, виноваты, что остановились в росте своего мастерства.

Матч 11 сентября закончился нашей победой с крупным счетом – 12: 2. Звено, в котором выступали Викулов, Полупанов и Фирсов, выиграло 6:0. Но.: как попал в эту тройку Анатолий Фирсов? И почему не играл Фролов? Ведь на тренерском совете речь шла о Фролове?

Я уже писал, что практика работы тренером убедила меня, что в первые дни становления новой тройки крайне важно иметь в ней опытного мастера, который сможет повести за собой молодежь, руководить ее игрой, подсказывать, когда нужно, молодым хоккеистам наиболее правильные решения. И потому окончательное решение тренерского совета было таково: вместе с молодыми поставить Фирсова.

Эксперимент оказался удачным, ибо такой выдающийся мастер, каким стал сейчас Фирсов, может (повторяю, я в этом убежден) играть в любой тройке без всяких предварительных тренировок.

Нас, откровенно говоря, смущало перед матчем другое. Ведь Толя – ближайший друг Вали Сеньюшкина, они дружат семьями.

Но оказалось, мы зря допускали даже самую мысль, что Фирсов может что-то неправильно понять и обидеться на друга. Толя, оставаясь верным другом Сеньюшкина, тем не менее сделал все возможное, чтобы молодежь провела матч успешно. Я слышал, как объяснял он ребятам их ошибки, подсказывал, как надо играть в той или иной ситуации, как он старался играть на них, а порой – в первое время – и за них.

И я подумал, насколько же важна дружба в коллективе, та большая дружба, что сплочивает спортсменов, учит их быть принципиальными, заставляет забывать о личных привязанностях и поступать так, как это нужно всему коллективу.

Эта же дружба, думаю, руководила Костей Локтевым и Виктором Кузькиным, когда они искренне и горячо поддерживали младших товарищей, поздравляли их с успехом и что-то объясняли в те минуты, когда оба звена – и самое опытное и самое молодое – ожидали своей очереди выйти на лед.

А Толя Фирсов оказался еще и неплохим педагогом. Он помогал Виктору и Володе очень спокойно, доброжелательно, тактично, ничуть не кичась своим опытом: он советовался с ребятами как с равными ему по классу мастерами, и ребята, особенно немного мнительный Полупанов, буквально расцветали от такого к ним уважения.

Новая тройка выиграла, как я говорил, свой первый матч с крупным счетом. Это и обрадовало меня, и если быть до конца откровенным, немного обеспокоило. Я вдруг испугался, что такая победа может быть воспринята молодыми хоккеистами неправильно. Вскружит им голову. И потому (заранее оговариваюсь, что не уверен в правильности своего решения) я специально постарался найти в игре Викулова и Полупанова недостатки. Подчеркиваю – если бы их, этих недостатков не было, я придумал бы их. За игру оба получили по «четыре».

А на следующей тренировке я предложил Полупанову особенно настойчиво поработать над пасом в одно касание, а Викулову – над точностью броска. Для них был введен дополнительный час занятий.

Ну, а что же Анатолий Фролов, третий нападающий из этого звена?

Он вначале, когда для него была создана обнадеживающая обстановка, подавал надежды, стал в составе ЦСКА чемпионом страны, получил золотую медаль. Но время шло, а Анатолий остановился в своем росте. Ему, конечно, было нелегко: запасному хоккеисту всегда труднее, чем игроку основного состава. Фролов както сник, понизил требовательность к себе, и мы вынуждены были отказаться от его услуг.

Приход игрока в команду

Конечно, когда в команду мастеров приходит спортсмен из нашей хоккейной школы, дело обстоит просто. Он был все время на глазах. И он нас знает, и мы с ним хорошо знакомы. Так было и с Викуловым, Полупановым и другими.

Но все значительно усложняется, когда в команду приходит сложившийся игрок из другого коллектива, как его ввести, в новую обстановку, как приобщить к нашим интересам, как сдружить с ребятами? Ведь он в чем-то, может быть, виноват перед тем прежним своим коллективом, перед бывшим тренером. И потому вполне объяснима определенная настороженность и даже недоверчивость ребят.

Я всегда стремлюсь совершенно конкретно знать мотивы ухода из прежней команды, чтобы он по таким же точно причинам не покинул через год-два и нас. И я считаю, что слияние

нового игрока с командой не должно быть искусственным. Не надо вводить его в коллектив по принципу «любите и жалуйте».

Вряд ли стоит обнадеживать новичка, уверять, что ребята его сразу же примут. Ведь на его месте кто-то до этого играл, и у того, ушедшего, были товарищеские связи с оставшимися, и ребятам прежнего товарища, может быть, жаль. Вероятно даже, что у них есть какая-то обида на тренера за своего старого товарища и они переносят эту обиду на новичка... Не нужно дебютанта и намеренно хвалить. Пусть заслужит добрые слова и уважение новых своих товарищей собственными усилиями.

Чрезвычайно интересна и проблема ввода молодого хоккеиста в уже устоявшееся, сыгранное звено. Как режиссер беспокоится о целостности спектакля, вводя нового актера на какую-то роль, прибегая к замене, порой вынужденной, так и тренер должен непременно помнить о сохранении прежней силы звена, бережно хранить его игровые тактические связи.

Говорят, что в искусстве крайне важно быть всегда в поиске; актер призван даже в давно разученной роли искать что-то новое, не останавливаться на однажды найденном, постоянно обогащать какими-то дополнительными штрихами.

В спорте такое творческое понимание своего амплуа, своих игровых функций не менее важно. Здесь не только зритель, но и соперник заставляет тебя все время идти вперед, придумывать, отыскивать, разрабатывать, утверждать что-то новое.

Очевидны успехи звена Полупанова в последнем сезоне. Эта пятерка хоккеистов сделала заметный шаг в уровне своего искусства. Звено бросило вызов международному хоккею, впервые играя на чемпионате мира по новой системе, с иной, невиданной прежде расстановкой сил на поле, с неизвестными в прежнем хоккее игровыми связями. Звено сыграло отлично. Это видно всем, и, стало быть, как будто можно уже остановиться на этом составе и ограничиться тем, что просто совершенствовать его искусство, оттачивать взаимодействие между хоккеистами – ведь звено доказало уже свое огромное преимущество над всеми соперниками.

Однако допускать самоуспокоения ни в коем случае нельзя. Время стремительно и неумолимо. И тот, кто не имеет себе равных сегодня, завтра найдет множество последователей и уже в силу одного лишь этого перестанет идти первым. Поиск, усиление звена, команды должны быть постоянными; они не могут прекратиться ни на секунду.

Вот почему мы в новую систему в звено Полупанова вводим сейчас молодого хоккеиста – Володю Лутченко.

Этот парень вырос у нас, в ЦСКА; в решающих матчах сезона, последних матчах первенства страны и в кубковых встречах он играл на месте большого мастера Эдуарда Иванова.

Мне говорили, что это слишком рискованно – поставить молодого хоккеиста в высококлассное звено, играющее в новый и крайне сложный хоккей. Безусловно, в этом есть риск. Но что прикажете делать? Такой замены требуют большие интересы нашего хоккея. В том числе, как мне кажется, и интересы национальной сборной.

Володя Лутченко – это сегодня, конечно, не Иванов. Кто же с этим станет спорить?! Эдуард опытный, злой в игре хавбек, мастер, действия которого технически расчетливы. Но если подумать сейчас о завтрашнем дне хоккея, представить себе, каким станет амплуа хавбека, то нельзя не предугадать, что в будущем хоккеист, исполняющий роль полузащитника, должен будет обладать еще большими игровыми крыльями, еще большим радиусом действий, большей фантазией и выдумкой. Я никак не хочу критиковать Иванова – Эдуард в наши дни в этом амплуа лучший, спасибо ему, но больше, чем сейчас, дать он уже не сможет. А вот юный Володя Лутченко, если ему доверять, в ближайшие годы зарекомендует себя как большой хавбек, как игрок огромного масштаба.

Что бросается в глаза, когда смотришь на этого молодого хоккеиста? В первую очередь неумная жажда игры, большая разрушительная мощь, азартность, достаточно хорошее понимание момента, когда нужно отдать шайбу, стремление выдать ее своевременно и остро. Пока ему, правда, не хватает технической грамотности, времени на ориентировку. Но его сегодняшняя игра с техническим браком меня сейчас не волнует, техника – дело наживное, пройдет время, и Володя ликвидирует огрехи и в своих действиях.

Я верю в Лутченко. Верю, потому что это очень хороший, трудолюбивый и скромный

юноша.

Поскольку в этой книге я рассказываю обо всем откровенно, то (дело прошлое!) расскажу историю появления в нашей команде Эдуарда Иванова.

Он довольно активно старался попасть в ЦСКА. И както раз пришел ко мне домой и попросил взять его в команду.

Но мне совсем не хотелось брать Иванова в ЦСКА. Слишком уж сомнительная репутация была у Эдуарда.

Я так и сказал ему:

– За тобой числятся очень большие грехи. Слишком ты легкомысленный человек... А нарушители спортивного режима у нас и свои, к сожалению, есть.

– Что же я, неисправимый? Буду в ЦСКА – со всем покончу...

Разговор наш остался неоконченным. Вопрос – нерешенным. Договорились, что каждый подумает над ним еще.

Через две недели в моей квартире снова раздалось два продолжительных, энергичных звонка: пришел Иванов.

Я удивился.

– Зачем ты пришел? Насколько я знаю, в эти две недели ты вел себя по-прежнему...

Теперь уже удивился Иванов.

– Но я же не знал, что вы меня к себе возьмете! Сразу я даже не понял, чего больше в этом ответе – хитрости, наивности или потрясающей безответственности, равнодушия к себе!

Пришлось еще раз отложить разговор. Но теперь уже не на две недели, а на два месяца.

В третий раз Эдуард пришел вместе с женой. Поклялся, и жена подтвердила, что в эти недели он вел себя чуть ли не как ангел.

После, длительных раздумий и колебаний я все-таки рискнул включить Иванова в состав ЦСКА. Но мы взяли «го под строгий контроль, предупредили, что можем и отказаться от его услуг, если он вернется к прежним «увлечениям».

Войти Иванову в коллектив весьма помогло то важное обстоятельство, что мы приняли его в ЦСКА по рекомендации одного из ведущих спортсменов команды – Константина Локтева.

Рекомендация и поручительство авторитетного члена коллектива может сыграть решающую роль в слиянии новичка с командой, в создании условий, при которых полностью могло бы раскрыться и вырасти его мастерство.

Эдуард вначале был у нас пятым защитником, поочередно подключался в уже сыгранные пары, затем он получил постоянного партнера – Александра Рагулина! Рос класс игры Иванова, и вскоре он вошел в число ведущих хоккеистов страны. Вместе с Рагулиным, Виктором Кузьминым, прекрасным защитником из московского «Динамо» Виталием Давыдовым Эдуард составлял костяк обороны нашей сборной. Он, как опытный, закаленный воин, обладает многими прекрасными качествами – храбростью, отвагой, решительностью. Этот защитник поражал своей преданностью хоккею, своей страстностью, жаждой боя...

К новичку тренер обязан на первых порах относиться с особым тактом и пониманием. Многое будет зависеть и от самого спортсмена, и если он не эгоист, а хороший парень, слияние его с коллективом пройдет спокойно, быстро и безболезненно.

Интересно решил проблему слияния молодых хоккеистов со сложившимся коллективом старший тренер "московского «Динамо» Аркадий Иванович Чернышев! В «Динамо» пришли два хоккеиста из новокузнецкого «Металлурга» – А. Мотовилов и В. Самочернов. Казалось бы, они должны были играть в одном звене – как-никак друзья, погодки, в своей команде сыгрались друг с другом. С этим нельзя было не считаться. Но Аркадий Иванович поставил их в разные звенья. И в этом я вижу проявление его мудрости.

Перед новичками стояла сложная задача: как можно быстрее понять динамовский почерк игры, освоиться с тактическими нюансами в их действиях.

Поскольку ребята стали играть в разных тройках, непосредственное влияние на них в ходе игры теперь оказывает не один ветеран «Динамо» (как было бы, если бы они играли в одном звене), а по два в каждой тройке.

И Мотовилов и Самочернов в этих условиях смогли больше общаться с новыми товарищами. Они не чувствуют себя колонией. И оттого слияние их с коллективом динамовцев

стало более полным: не только игровым, но и человеческим.

А это очень важно. Ведь переход из «Металлурга» в Москву был для ребят связан с определенной психологической перестройкой. Там, в Новокузнецке, они были лучшими, задавали тон, их популярность росла с каждой игрой. А здесь, в «Динамо», они стали обычными новичками в опытном и сильном коллективе.

Удача сближения дебютанта с командой во многом зависит от педагогического мастерства тренера: он должен верить, что новый игрок обязательно войдет в основной состав. Закрепится в нем, полностью проявит в непривычной обстановке свой талант.

Дебют не должен обернуться обидой. Мне кажется очень важным, чтобы после первых игр старожилы команды почувствовали, что новичок им необходим, что он усиливает команду, что с его приходом выигрывают все.

Но нельзя, приглашая хоккеиста в команду, «задабривать» его, ставить в какие-то привилегированные условия. Я думаю, что гораздо важнее постепенно и умело проявить свое внимание к нему, свою (и команды) заинтересованность иначе – постепенно и умело ввести дебютанта в учебный тренировочный процесс, принятый в новом коллективе. Может быть, новичок привык к иному режиму тренировочной работы, и с этим нельзя не считаться.

Некоторые тренеры полагают, что есть смысл оставить для дебютанта тот метод занятий, которому он следовал в своей команде: трудно перестраиваться на новый лад, приспособливаться к иным, чаще всего – повышенным требованиям.

Вряд ли это верно, вряд ли педагогично: в коллективе теперь будет два режима тренировок, причем для новичка – менее объемный. Конечно, нельзя сразу отбивать у новичка чрезмерными для него нагрузками желание работать – он ведь, возможно, не привык столько тренироваться. И тем не менее постепенно, разумно он тоже должен перейти к новому режиму занятий.

А давать ли дебютанту сразу место в команде? Ответ не может быть однозначным. Однако я полагаю, что если приходит игрок, который хорошо зарекомендовал себя в прежнем коллективе и у наших хоккеистов есть в него глубокая вера, то ему нужно сразу дать место. Не следует устраивать конкуренцию – пусть спокойно входит в команду. Конечно, при обязательном условии, что парень умный и правильно поймет жест тренера: будет стараться доказать, что в коллектив он попал по праву.

Хочу рассказать о некоторых своих, заблуждениях, связанных с принципами формирования команды.

Я думал раньше, что из любого способного парня может вырасти большой мастер хоккея. И вот частенько случалось так, что мы приглашали одаренного юношу, работали с ним, ставили на самые ответственные матчи, доводили его до уровня мастера спорта, он был даже чемпионом Советского Союза, но все-таки большим мастером так и не становился.

В чем же дело? Зрительно несложно определить уровень подготовки игрока. Мне, например, для этого достаточно посмотреть одну хорошую игру равных соперников. Но вот угадать, вырастет ли из юнца гроссмейстер хоккея, пригодится ли он для нашей сборной-трудно.

Оказывается, не уровень мастерства спортсмена в определенный момент его спортивной биографии предопределяет будущее этого спортсмена. Нет, решающую, главную роль, и мы в этом убеждались уже не раз, играют его человеческие качества – характер, порядочность, волевая заряженность, умение чем-то пожертвовать, от чего-то (от многих соблазнов прежде всего) отказаться. Моя ошибка, да и не только, наверное, моя, но и других, видимо, тренеров, заключается в том, что мы порой знаем парня только как хоккеиста, более талантливого или менее талантливого, но совсем не знаем или знаем плохо его как человека, не распознаем внутренние человеческие качества будущего игрока нашей команды.

Еще одна интересная закономерность. Молодежь прокладывает путь молодежи.

Вспомните снова, пожалуйста, Люблян и Вену. Два последних чемпионата мира и Европы.

Приход молодых В. Полупанова и В. Викулова в сборную команду, их успех, создание целого звена, не выпадающего по уровню игры из состава сборной, это был, конечно же, рискованный эксперимент, но коли он удался, это позволило тренерскому совету и тренерам

сборной с уверенностью вести линию на омоложение нашей национальной команды.

Отличная игра Викулова и Полупанова открыла дорогу в сборную Виктору Ярославцеву и Александру Якушеву, новобранцам венского призыва.

Александр Якушев

Но еще раз хочу оговориться: паспорт, молодость сама по себе – вовсе не самый веский аргумент для; включения спортсмена в сборную.

И потому пусть не подумают ни Ярославцев и Якушев, ни все остальные молодые хоккеисты, для которых дверь в сборную всегда открыта, что это так просто – попасть в национальную команду. Кроме мастерства, психологической устойчивости, творческого понимания хоккея, главным и решающим будут человеческие качества ребят. И если кто-либо из них, пусть и весьма одаренный, забрасывающий у себя в клубе много шайб, имеющий уже широкую прессу, окажется нехорошим товарищем, недобросовестным человеком, эгоистом, думающим лишь о себе, человеком малокультурным, то он пробудет в сборной не более недели. Ибо на чемпионатах мира сейчас решающими становятся нравственные качества спортсмена, его культура, его сознание долга, умение до последних сил отдавать себя команде, его характер, преданность высоко поднятому спортивному знамени страны.

Виктор Ярославцев

Обычно новичок проверяется не в одном матче.

Но я не считаю это правило догмой.

Вспоминаю, как в 1953 году сборная СССР готовилась под Москвой к матчам со сборной Чехословакии.

И вот накануне первой игры, вечером, проводилась тренировка вратарей. И мне очень понравился в тот день молодой страж ворот Николай Пучков. Он считался дублером Григория Мкртычана.

Николай Пучков

Григорий был отличный голкипер, но тем не менее, к всеобщему удивлению, в первом матче сборных СССР и Чехословакии ворота советской команды защищал... Николай Пучков.

Он стоял блестяще. И этот матч решил судьбу Николая. С этого дня на протяжении многих лет он бесценно владел свитером с расцветками сборной страны – свитером, на котором стояла большая единица.

А если бы Пучков дебютировал в игре со слабыми соперниками, то вопрос о его участии в

составе сборной еще решался бы долго. И хорошо, что он играл не во втором, а именно в первом матче, ибо второй в таких случаях часто носит экспериментальный характер и не является уже столь строгим испытанием.

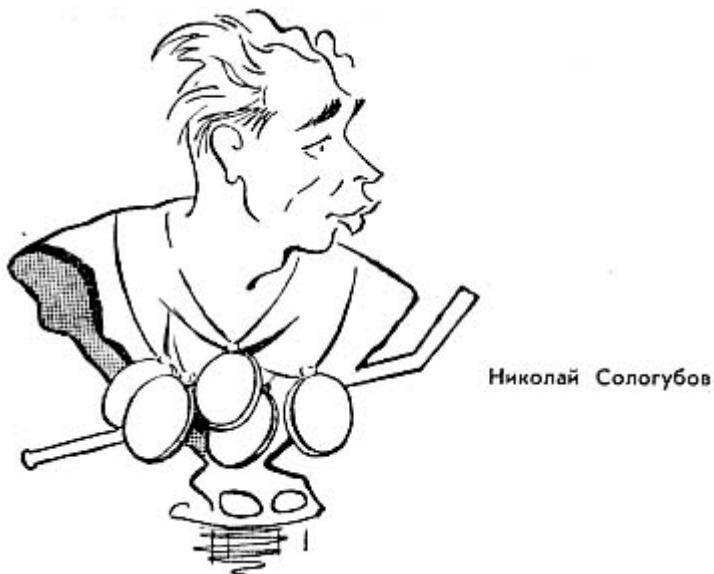
Проверка в большом и ответственном матче дает спортсмену уверенность в своей силе. И хотя такой дебют и связан с определенным риском, риск этот, на мой взгляд, оправдан: решается судьба человека. Решается не на один матч, а на долгие годы.

КАК УХОДЯТ «ЗВЕЗДЫ»

Прощание с капитаном

3 октября, в день открытия XX юбилейного чемпионата СССР, когда играли ЦСКА и «Спартак», в составе армейской команды на поле появились два хоккеиста, на свитерах которых стояла одна и та же цифра – 2.

Почти все, кто заполнил в этот вечер просторные трибуны Дворца спорта, сразу же узнали обоих спортсменов. Одним из них был защитник Олег Зайцев. Вторым – прославленный, хоккеист, капитан армейцев и сборной СССР Николай Сологубов. Единственный из наших мастеров, кто два раза удаивался чести быть названным лучшим защитником мира. Олимпийский чемпион. Дважды чемпион мира. Шестикратный чемпион Европы. Обладатель девяти золотых медалей чемпиона СССР. Капитан Советской Армии, участник Великой Отечественной войны, кавалер нескольких боевых наград.

И вот Сологубов в последний раз выводит свою родную команду на поле. Начинается церемония торжественных проводов. Теплые слова, поцелуи. Николаю вручаются памятные подарки от Центрального Совета союза спортивных обществ и организаций СССР, от Спортивного комитета Советской Армии, от хоккеистов ЦСКА. Товарищи по команде и спартаковцы дружно стучат клюшками по льду, приветствуя ветерана. Бурно аплодируют зрители.

Мы прощались с Николаем в день открытия чемпионата СССР, в тот необыкновенный день, которого с нетерпением ждали все любители хоккея. В минуты праздничного и немного суматошного оживления, какое бывает только на долгожданных премьерях.

Торжественно звучит Гимн Советского Союза. Па флаштку медленно плывет вверх Государственный флаг СССР. И поднимает его в последний раз Николай Сологубов, по праву капитана команды – чемпиона страны. И в первый раз он получает право вбросить (вместо судьбы) шайбу в игру. Вбросить, чтобы тут же уйти в сторону. Ведь ему уже не надо бороться за шайбу. Он прощается с командой, со зрителями. Отныне Николая Сологубова мы больше не

увидим на хоккейной площадке. Теперь его место – на скамье у борта, где обычно сидят тренеры.

Так большой хоккеем прощался со своим самым сильным, самым лучшим защитником. Со спортсменом который стал целой эпохой в истории отечественного хоккея. Так покидал команду ЦСКА один из тех, кто создавал ее славу.

«Се ля ви» – такова жизнь, говорят французы. Одни приходят, другие уходят. Ветеранов сменяют новички. Это процесс, к сожалению, необратимый. Ушедший из строя спортсмен уже не вернется. Только может быть тренером.

Хорошо, когда люди все правильно понимают. Хорошо, когда сами чувствуют, что пора уступить свое место молодому спортсмену. Но по себе знаю, как это тяжело.

Однако иначе нельзя. Задержишься и начнешь не столько помогать, сколько вредить своей команде. Сам того не желая.

В 1957 году чемпионом Советского Союза стала команда «Крылья Советов». Но с тех пор команда успех свой повторить не может.

В чем причина этого явления?

Мне кажется, в том, что много лет назад, когда «Крылышки» были еще сильны, руководство коллектива не почувствовало, что ведущие хоккеисты, те, кто составлял костяк команды – Николай Хлыстов, Алексей Гурышев, Михаил Бычков, Альфред Кучевский и другие, – прошли высшую точку своего мастерства и уже не могли играть по-прежнему. Они потеряли вкус к игре и теперь не играли, а «доигрывали».

Интересно, что и сами спортсмены понимали, что силы у них уже не те.

В это время необходимо было начать постепенно освежать организм команды, вводить в него «молодую» кровь. Но тренеры на это не решились, и ветераны, видя, что их» е меняют, постепенно почувствовали себя незаменимыми, стали меньше тренироваться, нескромно вести себя.

Кучевский и трио Гурышева, сыграв больше положенного, опоздали с уходом и сошли с большой сцены както незаметно, до обидного буднично. Так тихо и печально гаснут на рассвете самые яркие звезды. И теперь остается только пожалеть, что руководители команды не подумали в свое время о проводах этой замечательной тройки. Ведь хоккеисты эти заслужили, чтобы с ними прощались так же, как с Николаем Сологубовым.

Это один из самых сложных вопросов в жизни спортивного коллектива, когда игроку надо попрощаться с командой.

Здесь всегда возможны две ошибки. Одна – если хоккеист уходит из команды рано, еще не исчерпав полностью свои возможности. И другая крайность – спортсмен слишком задержался в команде, как говорится, «пересидел».

Старая проблема: «отцы и дети». Когда и кому давать ход? Кого ставить в основной состав?

Если ветеран не потерял интереса к тренировкам, если у него есть желание работать и он при этом с удовольствием передает свой опыт молодежи, то место в основном составе должно принадлежать ему. Мы обязаны бережно хранить наших прославленных мастеров. Силы команды в сплаве опыта и задора, мастерства и дерзости.

Но с ветераном нужно попрощаться (как бы ни были велики заслуги мастера!), когда он стал слабее молодого спортсмена.

Особенно важен и тягостен момент ухода из команды выдающегося игрока.

Если думает уйти из команды или пока еще играет, хотя ему пора было бы уходить, спортсмен, ничем не примечательный, то это не так уж страшно. Если он и «пересидит», то всё равно вреда большого не принесет: на него и раньше не особенно рассчитывали.

Но вот если, уходит игрок крупный, выдающийся, выполняющий в команде сложную роль, если он потерял свои былые качества, уже, как говорят, «не тянет», однако по-прежнему хочет играть, то это чревато для команды самыми неприятными осложнениями. Команду ждет беда.

Почему? Да потому, что раньше этот хоккеист участвовал в большом количестве игровых эпизодов, у него был широкий круг тактических задач и обязанностей, сложная роль, многое в игре было с ним связано, он вел команду или звено, на него равнялись. Но теперь этот хоккеист

уже не может себя перестроить, перейти на игру простую, тактически несложную, с ограниченными задачами и малым радиусом действия. Он старается показать себя, но у него не хватает сил, не хватает скорости.

Особенно тяжело команда будет переносить спад игры такого крупного мастера, если он выполняет роль хавбека, наиболее сложную, на мой взгляд, в современном хоккее. Представьте себе, ведь он всегда должен быть третьим нападающим, вторым защитником, и вот его нет в самом горячем месте, там, где его ждут партнеры.

Наш хавбек будет обязательно увлекаться атакой, как и прежде, но уже не сможет успевать возвращаться назад, он будет «проваливаться». Атака ведь привлекает еще и потому, что там интереснее, там легче проявить себя, показать, что ты еще не исчерпал своих сил, там легче создать видимость, что ты играешь по-прежнему.

Однако на самом деле две сложные роли, нападающего и защитника (а именно таков практически круг обязанностей хавбека в «системе»), этому спортсмену уже не под силу. И самое обидное, что хоккеист не скоро это поймет. Его громкое имя позволит ему еще долгое время пользоваться авторитетом в команде и у зрителей, и только опытный тренер может заметить перемены, происходящие в игре этого мастера.

Но этого порой еще недостаточно, так как убедить ветерана, что ему пора переходить на тренерскую работу, иногда очень трудно. С известными, выдающимися мастерами прощаться всего труднее. Слишком велики их заслуги, слишком высок игровой авторитет. И потому трудно допустить даже мысль, что семнадцатилетний парень играет лучше великого гроссмейстера клюшки. Но рано или поздно прощаться, к сожалению, приходится и с олимпийскими чемпионами и с чемпионами мира.

Два года назад мы простились с Леонидом Волковым. С тем самым Лешей Волковым, который на чемпионате мира в Тампере забросил в ворота чехословацких хоккеистов третью, «историческую» шайбу. Помните, как на последней минуте (проигрывая 1:2 и стараясь сравнять счет) чехи заменили своего вратаря шестым полевым игроком, и Волков, перехватив шайбу, метров эдак с сорока – сорока пяти метко направил ее в пустые ворота соперников.

Волков здорово играл еще в 1965 году. Но в сезоне 1966 года он стал уже запасным, ибо из-за возраста утратил быстроту, резкость. А главное – подросли, созрели для большого хоккея молодые талантливые ребята.

Мы расставались с Лешей с сожалением.

Но Леонид ушел из команды не на тренерскую работу, хотя такая возможность у него была. Леонид решил продолжать играть в хоккей. Уехал в Калинин и сейчас выступает там за местный армейский коллектив.

Верный ли путь избрал Волков? Думаю, что нет.

Ему надо было бы уйти из хоккея, перейти на тренерскую работу сейчас, когда велика его популярность, богат опыт, свежи в памяти самые напряженные и творчески интересные сражения на высшем спортивном уровне. Когда его авторитет педагога и наставника в первые, самые трудные для тренера дни подкреплялся бы авторитетом игрока высокого класса, вчерашнего чемпиона мира.

Я высказал Волкову свое мнение.

Но Леша пошел по иному пути.

Должен ли я был вмешаться? Не знаю. Вряд ли.

В тридцать один год человек принимает, полагаю, достаточно обоснованные решения. И было бы, видимо, неуважением к нему настаивать на своих рекомендациях.

Леонид, на мой взгляд, ошибся. И все-таки понять его можно.

По многолетнему опыту общения с ведущими хоккеистами страны знаю, как трудно расстаются со славой, со своими успехами «звезды» первой величины. Как хочется спортсменам отодвинуть тот неизбежный час когда вдруг с печалью и грустью почувствуешь, что сегодня уже не можешь того, что мог и умел вчера, что накануне еще такая послушная шайба стала необычно коварной и злой.

Все это по-человечески так понятно!

Но есть и еще одно обстоятельство, преодолеть которое спортсмену тем труднее, чем выше его мастерство. Он потому и стал «звездой», гордостью нашего спорта, что умел целиком

отдавать свои силы хоккею, работать творчески, с выдумкой, серьезно. И оттого теперь ему особенно нелегко расстаться с шайбой. Настолько нелегко, что он переходит в команду менее интересную, лишь бы не расставаться с хоккеем.

Мнение ведущих хоккеистов ЦСКА – Александра Альметова, Анатолия Фирсова, Константина Локтева – единодушно: «Зря, конечно, Леша пошел играть, но... с шайбой-то тоже жалко расставаться... Привыкли к ней: два дня не поиграешь – пустоту чувствуешь...»

С этим, с «привычкой» к шайбе, видимо, нельзя не считаться. И потому лучший путь ветерана – идти на тренерскую работу. Конечно, может возникнуть вопрос: а нужно ли нам столько тренеров? Что будем мы делать, если вдруг все играющие ныне в классных командах хоккеист!» станут тренерами?

Вопрос этот не так страшен, как представляется на первый взгляд. И не потому, что не все, конечно, хоккеисты будут потом работать тренерами. Ответ в том, что у нас невероятно, фантастически мало высококвалифицированных тренеров, которые прошли бы подготовку в классной команде. А такие тренеры нужны и ведущим командам республик и городов, и низовым спортивным коллективам, и мальчишкам? участникам борьбы за «Золотую шайбу». И пусть даже не все ведущие хоккеисты смогут стать профессиональными тренерами, но все они, мне кажется, где бы они ни работали по своей специальности, должны быть, во всяком случае, тренерами-общественниками, передавать накопленный опыт тем, кто любит хоккей и хочет досконально освоить эту увлекательную игру.

...Трудно уходить из хоккея. И потому для меня важнейшим показателем нравственного совершеннолетия спортсмена служит его отношение к молодым ребятам, к тому, кто завтра займет его место.

И если я на каждом матче видел, как искренне радуется Локтев успеху Володи Викулова, играющего, кстати, тоже правым нападающим, если я видел и слышал, как подсказывает он Владимиру наиболее интересные и оригинальные решения, я твердо верил, что Константин будет хорошим тренером и педагогом. Уж он-то уйдет из большого спорта с достоинством, не станет стоять на пути юных.

Во втором издании книги с удовольствием могу констатировать, что не ошибся, написав эти строки. Костя хорошо, с достоинством, чемпионом мира прощался с хоккеем.

Бывают прощания и такие...

Прощаться с разными хоккеистами можно по-разному.

Когда по возрасту уходит хоккеист, принесший большую пользу команде, честно и много потрудившийся для ее славы, отдавший команде все свои силы проводы в таком случае бывают почетные, достойные этого спортсмена. Коллектив искренне желает ему Доброго пути, счастья на тренерской или иной работе.

Но есть и другая группа игроков. Кто нигде и никак не может надолго прижиться. Кто нарушает спортивный режим, мечется из команды в команду, Ищет себе «теплое» местечко. Кто думает прожить жизнь в хоккее, не отдавая всех своих сил спорту. Кто любит не хоккей, а себя в хоккее.

Да, были и, к сожалению, есть еще спортсмены, которые не умеют долгие годы честно, без капризов и лени служить хоккею и своему коллективу... Перед началом сезона 1965/66 года ЦСКА расстался и еще с одним спортсменом. От нас ушел молодой и, несомненно, способный хоккеист Еремин.

Мы отпустили его, честно говоря, без особого сожаления. Уж слишком капризен он, этот восемнадцатилетний парень, И если в этом возрасте Еремин позволяет себе так. много, то, став известным мастером, он капризничал бы еще больше, мог просто сесть тренерам и товарищам на шею.

Может быть, то, что мы отпустили его, не уговаривая остаться в ЦСКА, хотя из-за этого распалась тройка (Еремин играл вместе с Викуловым и Полупановым), встряхнем его, заставит задуматься над своим поведением и дурным характером. Может быть. Думаю, что Еремин еще попросит разрешения вернуться...

Так заканчивались строки о Еремине в первом издании книги.

С тех пор прошло немногим более года. Виктор вернулся в ЦСКА.

Но сезон, проведенный в другой команде, в другом коллективе, который работает иначе, чем тот, в котором воспитывался Еремин, не мог не сказаться. У Виктора ушло время сначала на то, чтобы отвыкнуть от наших тренировок и привыкнуть к новым, а потом – на обратный процесс, связанный с возвращением в свою команду.

Он отвык от своих ребят, от их манеры, игры, от игрового почерка команды, и это сказалось на его действиях.

Сейчас Виктор старается догнать товарищей, работает усердно, но не все идет гладко. К тому же он где-то упустил момент: он мог бы быть теперь рядом с Викуловым и Полупановым – в то время он не уступал своим партнерам ни в чем.

А за год обстановка изменилась. Ему пришлось трудно, ибо попал он в тройку к большим, авторитетным спортсменам, ему мешает и его самолюбие, порой ложно понимаемое.

Не заиграв в одной команде, Виктор потерял веру в свои силы, в свои способности. Но я верю, что при условии напряженного труда, с помощью партнеров Еремин сможет подняться к вершинам хоккейного искусства.

Несколько лет назад в ЦСКА произошла и такая история.

Знаменитый хоккеист, чемпион мира и олимпийский чемпион, чья слава гремела на хоккейных стадионах многих стран мира, стал нарушать спортивный режим, уклоняться от регулярных тренировок. Я с ним поговорил, дал ему время подумать, объяснил, что он такой никому не нужен: ни нам, армейской команде, ни хоккею вообще. Предложил ему на выбор разные решения: или идти учиться, или переключаться на тренерскую работу («Хотя тебе это рано», – честно предупредил я), или переходить в другую команду, или в корне менять свое отношение к хоккею, к тренировкам, к спортивному режиму.

Честно говоря, я ожидал покаяний и просьб оставить в ЦСКА.

Но не дождался ни того, ни другого.

Он не стал уверять меня, что отныне будет иным, что все, мол, продумал. Что он раскаивается в прежнем своем образе жизни.

Он просто сказал:

– Я не хочу обманывать вас... Другим вот так сразу я стать не могу... Лучше я пойду поучусь, так сказать, поумнею немного. Тогда, может быть, пойму положение и позицию тренера и уже сам стану передавать то хорошее, что есть все-таки, наверное, во мне... Если, конечно, заслужу это право...

Этим знаменитым хоккеистом был защитник сборной СССР Генрих Сидоренков...

Уход спортсмена из коллектива всегда означает, что коллектив чего-то ему не дает, что тренер как руководитель и педагог его не устраивает. И потому, когда спортсмен сообщает о своем желании уйти из команды, мы требуем, чтобы он откровенно изложил мотивы своего ухода. Тогда только можно сделать выводы и не допустить повторения ошибки в будущем: ведь один ушел, но многие остались.

Я не думаю, что надо сразу, после первого же заявления, отпускать человека из команды – оно может быть продиктовано минутной обидой.

Бывало, когда после какого-то случая, эпизода, инцидента, резкой критики тот или иной хоккеист обижался, собирался покинуть команду, но потом, одумавшись и успокоившись, поняв, что товарищи правы, извинялся и вел себя совершенно иначе.

В таких ситуациях никогда не следует спешить. Ведь речь идет о живых людях, у каждого из которых свой характер, свой темперамент.

О режиме, дисциплине и преданности хоккею

И вот, мне кажется, подошла пора поговорить с читателем более основательно о воспитательной работе тренера с командой хоккеистов. Это тем более важно, что не в одних только спортивных поединках, не на тренировочных только занятиях растет Человек, хоккеист.

И, начиная этот разговор, я снова должен обратиться к истории...

1946 год. Год рождения хоккея. Становление первых коллективов.

В команде ЦСКА нет постоянного тренера. Тренеры меняются так часто, что не может

быть речи о каких-то единых требованиях к спортсменам и; общих методах тренировок, единого подхода к людям. Дело осложнялось еще и тем, что в то время играть хоккеистам приходилось, как я уже писал, не только в хоккей с шайбой, но и в хоккей с мячом. А летом большинство ребят меняли хоккейные доспехи на футбольные. А чаще бывало наоборот – многие были в душе футболистами и зимнюю игру в хоккей рассматривали как период «активного» отдыха между футбольными сезонами. А потому не очень-то утруждали себя тренировками, весьма легкомысленно относились к соблюдению спортивного режима.

А ведь каждому, и тренеру и спортсмену, должно быть понятно: высокого мастерства можно добиться лишь при самом строгом, я бы сказал, скрупулезном соблюдении спортивного режима.

К сожалению, я не могу утверждать, что все мы, тренеры и руководители команд, в этом преуспели. Срывы в соблюдении спортивного режима игроками случаются, и не так уж они редки. Сильный спартаковский защитник Виктор Блинов осенью 1966 года, будучи впервые включенный в сборную, находясь в Канаде(!), нарушил спортивный режим. Пришлось немедленно вывести его из национальной команды. И попал он снова в ее состав лишь спустя год.

Я уже знакомил читателя, как нам однажды пришлось выводить из сборной Константина Локтева, как лишали на полтора месяца игры вратаря Толмачева и т. д. За примерами, как говорится, далеко ходить не надо. Их можно было бы привести и больше. И если они, эти нарушения, не переросли в настоящую злокачественную болезнь, то это только потому, что требовательно и энергично выступал против нарушителей сам коллектив хоккеистов. В конце концов этих нарушителей не так уж много в нашем хоккее!

Но если с нарушителями спортивного режима и порядка бороться довольно легко – нужно быть только твердым и последовательным и тренеру и коллективу, то с другой болезнью, с «охотой к перемене мест», бороться значительно труднее.

В 1951 году группа больших мастеров вдруг покинула нашу команду и ушла в команду ВВС. Ушли лидеры, ушли, не заботясь о судьбе команды, даже не подумав о какой-то более или менее серьезной своей замене. Обидно. Очень обидно. И за команду. И за тех, кто ушел. Значит, не были воспитаны у них чувства патриотизма по отношению к своему коллективу, верность товарищам по оружию, значит, не было настоящей дружбы.

Это был суровый урок для тренеров. Он заставил нас более внимательно, если хотите, более творчески подходить к каждому спортсмену. И нет, говорят, худа без добра. Уход мастеров заставил нас пойти на риск и включить в состав совсем юных игроков. И это оказалось удачным педагогическим шагом. Доверие – как ветер под крылья. И уже через год мы сумели восстановить свой прежний спортивный престиж.

Конечно, по мастерству и опыту армейцы тогда уступали таким коллективам, как «Динамо», ВВС, «Спартак», «Крылья Советов», зато по духу дружбы, игровой спайке, жажде победы, по чистоте своих рядов и верности, преданности коллективу мы были в числе первых.

Но скоро судьба вновь свела ушедших от нас игроков с нашей командой. Через два года произошло слияние команд ЦСКА и ВВС в одну армейскую.

Это было далеко не механическое слияние двух коллективов. И нам пришлось решить еще одну педагогическую задачу, условия которой были намного сложнее. Столкнулись разные характеры, спортсмены с разными взглядами на жизнь, на спорт, игроки, за спиной которых было немало заслуг, и спортсмены, еще не тронутые славой.

То был очень трудный этап педагогической работы. Сейчас можно признаться, что над тренерами в огромной степени довлел авторитет именитых спортсменов. Их мастерство было, безусловно, высоким, однако, поведение далеко не скромным.

Признаемся также, что тогда для нас важным, а подчас и важнейшим показателем всей педагогической работы были спортивные результаты команды. Они, эти результаты, заворожали нас.

Не для оправдания, но все-таки вспомним то время. В те годы наши хоккеисты только выходили на международную арену. Жажда борьбы с иностранными командами удесятерила силы. Уж очень хотелось, чтобы о молодом советском хоккее узнали далеко вокруг, за рубежом. Комплектуя команду, рекомендуя игроков в сборную, мы, тренеры, исходили из

единственного показателя – уровня мастерства игрока.

«Сильнейший – играет!» – вот был наш девиз. Мы думали, что высокие цели должны сами по себе развивать нашу культуру, интеллект, честность, повышать сознательность, дисциплинированность игрока. Мы верили в это. Не могли не верить. Но эта вера привела ко многим последующим ошибкам. У ведущих игроков стали проявляться зазнайство, этакое пренебрежение к тренировкам, нетребовательность к себе, расхлябанность. Нарушения спортивного режима стали правилом. «Я курю и играю», – говорил нам лучший в то время вратарь страны. «Что вы требуете от нас режима, когда мы и так сильнейшие в стране?» – заявляли прославленные лидеры атак. А ведь молодые хоккеисты учились у ведущих не только мастерству, они перенимали у них не только высокую технику, тактическую смекалку, но, к сожалению; выпитывали и вредные привычки.

Однако спортивные успехи команды както мешали нам критически взглянуть на воспитательную работу. И в команде уже не только среди ведущих игроков, но и среди молодежи вдруг появились вспышки недисциплинированности. Кого-то не раз видели пьяным, снова стало модным курение, хотя велось оно «в подполье».

Нужно было срочно искать выход. Еще более усилили тренировочный процесс. Создали а команде сильную и довольно чувствительную, спортивную конкуренцию, а нужного эффекта все нет. Вот отчислили за низкую дисциплину нескольких «заводил», а зло вымести из команды опять не удалось.

Анализ всей работы навел на мысль, что чисто профессиональное спортивное воспитание в команде налажено хорошо. Игроки смогли за короткий срок стать настоящими мастерами, их двигательные навыки и высокоразвитый атлетизм обуславливали высокую технику, их игровая сообразительность позволяла творчески и тактически зрело проводить ответственные матчи. Они не только с охотой, по-боевому играли, но и всегда по-спортивному, с интересом тренировались. И все же чего-то очень важного во всем учебно-тренировочном процессе не доставало.

В результате индивидуальных бесед и критического, очень критического отношения к своим тренерским делам выяснилось, что игрокам часто не хватает культура и сознания долга. Того простого и вместе с тем очень непростого человеческого сознания, которое помогает спортсмену стать, человеком, умеющим во многом себе отказать хотя бы ради тех, кто на тебя равняется, беззаветно преданным любимому виду спорта и коллективу, воспитавшему тебя.

Итак, болезнь найдена – слабость воспитательной работы с хоккеистами. Стало ясно, что нужно начинать решительно лечить эту серьезную болезнь. Воспитывать высокую сознательность, повышать общую культуру поведения, крепить дружбу и боеспособность команды – это стало самой главной задачей коллектива.

Полпреды миллионов

Времена, когда действовал принцип «в сборной играет сильнейший», прошли. Играет не просто сильнейший – играет достойнейший. Поэтому у нас в команде ЦСКА все больше и больше утверждалась традиция: не один только тренер, а вся команда решает, кому играть в сборной, хотя, естественно, последнее слово принадлежит тренеру. Этот вопрос обсуждается на общем партийно-комсомольском собрании. Надо сказать, что у нас в команде почти все спортсмены коммунисты или комсомольцы. И тут уж берегись, зазнайка, неуч, грубиян! Не видать тебе сборной, даже если ты точнее других бросаешь шайбу и быстрее бежишь на коньках!

И именно поэтому (мы в этом убеждены) исчезают и исчезли из команды грубияны и лодыри. Как бы ни был силен и авторитетен тренер, сила воздействия коллектива больше, действеннее. И потому мы так заботимся о том, чтобы коллектив понял эту свою силу. На тренера, случается, можно обидеться, можно пожаловаться друзьям, но на весь коллектив, на всех товарищей жаловаться и обижаться невозможно!

И теперь коллектив формирует; воспитывает, закаляет людей. Он прибегает к самым разным, порой даже неожиданным формам.

Известно, что в стране миллионы болельщиков стремятся к личному общению с известными хоккеистами. Отлично! И вот наши коммунисты и комсомольцы решили: пусть каждый член команды выступит от ее имени перед коллективом болельщиков в воинской части или в школе, в заводском клубе или прямо в цехе перед рабочими. У каждого в течение сезона по 10–15 встреч. И тут уж сами ребята поняли: если не хочешь краснеть за свой низкий культурный уровень, то учись, читай, повышай свои знания, стремись к тому, чтобы всем с тобой было интересно. Видимо, этим и объясняется огромная тяга наших хоккеистов к книге, к новым журналам.

Почти все наши спортсмены имеют среднее образование, многие из них продолжают учиться. Занимаются в институтах Н. Толстиков, К. Локтев, О. Зайцев, В. Кузькин, Ю. Моисеев, В. Полупанов, все остальные учатся в школе тренеров. А. Рагулин и И. Ромишевский уже получили высшее образование.

Учатся ветераны, тем самым подавая пример своим молодым товарищам.

Теперь все хоккеисты прекрасно понимают, что без широких знаний, без идейной закалки, без высокой культуры трудно повысить и спортивное мастерство.

И в этом тоже ответ на вопросы Мориса Ришара. Тот ответ, что раскрывает глубинную суть происходящих в нашем хоккее процессов. Один из секретов наших успехов на чемпионатах мира в последние годы.

Нам совсем не безразлично, кто стоит на пьедестале почета – умный, разносторонне образованный парень или «чемпион», в душе которого пустота. Мы хотим, чтобы наши ведущие мастера являли собой образец современного молодого человека. Нам совсем не безразлично, кого выбирают себе в кумиры миллионы мальчишек, и потому мы со всей строгостью относимся к нашим прославленным спортсменам.

Миллионы физкультурников и просто любителей спорта с вполне естественным Интересом следят за выступлениями наших ведущих мастеров – тех, на кого равняется великая армия людей, увлеченных спортом. И потому наши чемпионы, участники сборных команд – все, кому доверена высокая честь защищать спортивное знамя страны, понимают свою ответственность перед народом, перед миллионами любителей спорта.

Находясь за рубежом на международных соревнованиях и матчах, спортсмены чувствуют постоянную дружескую поддержку советских людей. Сотни писем и телеграмм, телефонные звонки с Родины помогают нашим ребятам выступить сильнее, успешнее.

Когда советские хоккеисты были в Тампере, то среди многих приветов и добрых пожеланий нас особенно обрадовал телефонный звонок с Камчатки. Ведь только представьте себе – человек не выходил с телефонной станции в течение восьми часов (трудно было дозвониться до нашей команды!), чтобы передать свои напутствия, свой привет через десять тысяч километров! Мы были искренне благодарны этому милому чудаку, нашему горячему поклоннику. И, честное слово, в нашей победе на чемпионате мира была и его, пусть совсем

небольшая, доля забот. Спасибо ему за это!

ДВА ДНЯ ИЗ ЖИЗНИ КОМАНДЫ

За кулисами хоккейного матча

Еще мальчишкой, бывая на спектаклях в театре, я больше всего, пожалуй, мечтал побывать за кулисами. Что там происходит во время спектакля? Чем заняты актеры? Как готовятся они к выходу на сцену?

Я никак не мог себе представить, что актеры такие же обыкновенные люди, как и все... И сегодня мне очень понятны стремления юных хоккейных болельщиков попасть, так сказать, «за кулисы» хоккейного матча. Подсмотреть, понаблюдать хоть в щелочку за своими кумирами – какие они, как ведут себя не на площадке, а там, в раздевалке, «за кулисами».

Ведь для болельщиков вход за кулисы запрещен. И на тренировки их не особенно-то приглашают.

Причины этих запретов понятны. Ничто не должно отвлекать спортсменов от подготовки к матчу. Дорога каждая кинута. Их, этих минут, у нас не так уж много. Ведь все игроки нашей команды – военнослужащие: офицеры, сержанты, рядовые Советской Армии. И то время, что отдают они любимому виду спорта, надо использовать по возможности до предела. Но сегодня все запреты сняты, и я приглашаю вас, читатели, в гости к нашей команде. На целый день, даже, пожалуй, больше, чем на день, – на все то время, что посвящаем мы подготовке к очередному матчу.

Итак, «за кулисами» хоккейного матча.

Три дня назад в очередной игре на первенство СССР наша команда встречалась с воскресенским «Химиком». А завтра предстоит новая встреча с московской командой «Крылья Советов».

И, как обычно, накануне встречи, вечером собралась в полном составе вся наша команда.

О чем пойдет у нас разговор? Сначала разберем, «разложим по косточкам» игру с «Химиком».

Какие недостатки отличали команду в этом матче, который армейцы выиграли с небольшим счетом 4: 2?

Пассивно, с холодком провело игру наше ведущее звено. Они играли както скучно, без вдохновения, кто-то в разные периоды выпадал из темпа, и потому эта самая сыгранная тройка нашего хоккея проиграла 0:1.

Но ведь за месяц с небольшим до этого дня ЦСКА выиграл у «Химика» 11: 0, и это звено сыграло тогда блестяще. В чем же дело? Не могли же в конце концов Локтев, Альметов и Александров разучиться за это время играть? Я думаю, секрет их неудачи в том, что они не мобилизовались на матч с «Химиком» так, как следовало: воспоминания о победе в предыдущей игре были еще свежи и приятно убаюкивали.

Накануне матча с командой «Крылья Советов» это особенно настораживало: ведь две недели назад из девяти шайб, заброшенных в ворота «Крылышек», шесть забросила первая тройка. Как бы история по аналогии не повторилась. И потому я прошу наших ведущих мастеров отнестись в предстоящей игре весьма серьезно.

Неудачно сыграл в матче с «Химиком» молодой вратарь Николай Толстик, ему не хватило сил и собранности на все 60 минут игры. Значит, Коля должен работать над повышением внимательности, работоспособности, выдержки.

Переигрывала в зоне нападения в последней встрече «система». Хоккеисты этой пятерки передерживали шайбу, не всегда вовремя остро атаковали, иногда вместо броска по воротам следовало долгое маневрирование, шайба излишне передерживалась.

С этим нужно было считаться перед матчем с «Крылышками» и постараться не повторить ошибки в предстоящей игре.

Были у нас во встрече с «Химиком» и другие погрешности, в частности, много технического брака, мы не использовали несколько голевых моментов, не реализовали

численное превосходство. Мы плохо оборонялись, но из-за того, что соперник мало атаковал, этот свой недостаток хоккеисты ЦСКА не заметили.

Вряд ли о всех погрешностях в нашей игре должны были говорить тренеры. Есть такие недостатки, которые ликвидируются относительно быстро, но есть и такие, над устранением которых нужно работать долгое время. И не нужно, уверен, каждый день напоминать спортсмену о его недостаточной технической вооруженности – вряд ли что-нибудь от этого изменится. А моральный ущерб, который могут принести такие «накачки», будет велик и иногда просто непоправим.

После нашего проигрыша в начале сезона в Горьком многие команды сделали вывод, что оборонительная тактика – самое лучшее оружие против армейцев.

Такую игру мы ожидали встретить и 20 ноября в матче с командой «Крылья Советов». Не уверен, что это лучшая для них тактика: защитники «Крылышек» играют с малой дозой творчества, в контратаке они не сильны.

И еще на один недостаток наших будущих соперников я обращаю внимание своих ребят. Их центральные нападающие играют преимущественно по продольным желобкам, и, следовательно, мы должны противопоставить им игру с диагонально-поперечными смещениями.

Один из самых талантливых и опасных игроков «Крылышек» – Грошев физически не очень силен, не любит высоких скоростей, столкновений с соперником, и потому мы решаем поставить против него нашего Анатолия Ионова, который с избытком обладает этими качествами.

Этот анализ позволяет нам с Борисом Павловичем Кулагиным дать каждому спортсмену индивидуальные задания на сегодняшнее тренировочное занятие. Задания, которые в какой-то мере помогли бы спортсменам не повторить в предстоящем матче допущенных ошибок.

Полтора часа тренировки с полной нагрузкой – это своеобразная репетиция завтрашнего матча. А потом отдых. Ребята расходятся по комнатам; Смотрят передачу по телевидению, гуляют по парку, читают.

После ужина все заняты подготовкой к завтрашней игре, так сказать, ее материальным обеспечением. Маленькими рубанками хоккеисты обтесывают, утоньшают крюки клюшек. Укорачивают их. Пригоняют клюшки по своим образцам, Работают в такие минуты сосредоточенно, молча. Готовятся к бою.

Особенно старается Женя Мишаков. Он хоккейный умелец. Никто в коллективе лучше его не умеет починить, зашить перчатки, подремонтировать что-то из экипировки хоккеиста, поточить коньки. Кстати, Женя точит коньки едва ли не всей команде. И делает» то с видимым удовольствием. Он продолжает традицию, начатую Володи Бруновым: долгие годы Володя слыл у нас самым большим спецом по конькам. И в этом я тоже вижу проявление определенных качеств характера – трудолюбия, расположенности к друзьям.

Лишь неугомонный Толя Фирсов нарушает строгую обстановку подготовки к завтрашнему испытанию, никому не дает покоя. То вдруг кто-то обнаруживает, что куда-то исчезла готовая клюшка, та Женя Мишаков никак не может найти свои рубанок, то Коля Толстиков, выскакивает в коридор, отзываясь на стук в дверь.

Бедный Толя Фирсов! Он еще не знает, что; его ждет возмездие. Завтра утром на разминке пятнадцать разгневанных мужчин схватят его исподтишка и, связав шнурком руки, воткнут головой по пояс в сугроб. Расплата за грехи неминуема!

В комнате, где расположился Володя Брежнев, выпускается очередной номер боевого листка. Он посвящен завтрашнему матчу. Последнему, как напоминает листок, перед большим перерывом в чемпионате.

Вечером, прежде чем лечь спать, хоккеисты собираются в комнате, где живут Ионов, Моисеев и Мишаков.

Хорошие, веселые ребята живут в этой комнате. И в игре шустрые, боевые. (Завтра на «установке» я даже буду просить Юрия чуть-чуть сбрасывать свою необыкновенную скорость, чтобы партнеры могли действовать синхронно с ним.) И в жизни такие же.

Сразу же хочу оговориться, что самые темпераментные в игре, огневые, порой даже какието «беспутные», что ли, ребята эти, большие любители шуток и смеха,» общем-то

довольно серьезные люди, умеющие интересно и глубоко думать.

На какое-то время их комната превращается в клуб.

Разговор идет о завтрашнем матче. Его начинает Иванов. Обращаясь к Альметову, предупреждает:

– Первое, что они сделают, – закроют тебя на «точке» (излюбленное место Саши в районе вбрасывания шайбы, откуда он особенно успешно «стреляет» по воротам).

Альметов соглашается с Ивановым:

– Надо искать что-то другое... Но что? Предложения следуют одно за другим... Это и есть творчество, непрерывные поиски и раздумья о новых путях атаки.

Больше всего люблю таких хоккеистов, более других верю в тех, кто имеет свою, точку зрения, свой, взгляд на хоккей, на спорт, на жизнь нашу. Кто умеет интересно мыслить и интересно рассказывать, спорить. Чьи воспоминания интересны не одному лишь рассказчику. Но особенно симпатизирую таким спортсменам, кто умеет строго и вдумчиво анализировать свою игру, умеет мечтать. Фантазировать о будущем нашего спорта – его тактике, его технических приемах. О завтрашнем его дне. Привязан к фанатикам хоккея, к людям, влюбленным в хоккей.

Бойцы вспоминают минувшие дни... Наш молодой вратарь Толстиков расспрашивает ветеранов о Пучкове, кто-то из них, игравших вместе с этим отличным мастером, рассказывает, как действовал он в воротах, как много и умело тренировался.

Однако долго вести этот разговор не удастся. Наш врач Алексей Васильев просит ребят разойтись по своим комнатам. А указания, просьбы и советы этого молодого 32-летнего доктора спортсмены выполняют беспрекословно. Авторитет Васильева высок и сомнению не подлежит. Он работает хорошо и не случайно стал сейчас врачом сборной наших хоккеистов.

Утро. Сегодня – календарная встреча.

Дежурный объявляет подъем.

Весь день сегодня первым помощником тренеров будет дежурный. Он прежде всего отвечает за строгое выполнение намеченного распорядка дня, за порядок на сборе. Именно он должен продумать, что нужно для сегодняшней тренировки или игры: захватить с собой шайбы, необходимое для занятий или матча снаряжение, собрать спортсменов на собрание, предупредить их минут за десять-пятнадцать о выезде на игру.

День начинается зарядкой.

Утренняя зарядка – тоже дело творческое: каждый выбирает те упражнения, которые считает необходимыми. В подборе этих упражнений проявляются и характер спортсмена, и его понимание роли физической подготовки, и степень серьезности парня.

Гимнастические и специальные упражнения носят индивидуальный характер. Одни хоккеисты имитируют финты, другие – силовые приемы, у стенки жонглируют с мячами вратари. Спортсмены привязывают к поясу эспандер, прикрепляют его другим концом к дереву и выполняют различные упражнения: то прыгают, то спуртуют, то, максимально растягивая плотный резиновый канат, стремятся дотянуться до руки товарища.

Разбившись на пары, ребята приседают с «живым весом» – с товарищем на плечах. Если у кого-то болит нога и он хочет поберечься, то, подыскав себе пару, выполняет упражнения для руки и плеч: растягивая эспандер, имитирует хлесткие броски.

То не спеша, то с ускорениями ребята бегут вокруг корпуса. Падают мягкий снежок.

Спортсмены занимаются с большой охотой, но все-таки тренеру и здесь есть работа приходится кого-то порой и подстегивать.

До обеда у ребят свободное время. «Свободное» – это весьма условно: большинство наших мастеров и молодых хоккеистов учатся в средних и высших учебных заведениях, и потому все садятся за книги.

Перед обедом – общий сбор команды. Мы, тренеры, даем установку на игру.

На столе передо мной макет хоккейной площадки с маленькими фигурками хоккеистов.

– Вначале – главная идея игры. В сегодняшнем матче осуществляем тактику силового давления: стараемся максимально долго удерживать соперника в его зоне.

– У «Крылышек», как мне кажется, левые защитники, слабее, чем правые, но они, видимо, предполагают, что главная нагрузка сегодня ляжет на плечи правых, потому что мы обычно

атакуем по левому флангу и от туда же завершаем атаки.

Самые результативные в звеньях нападающие – Фирсов, Александров и Моисеев играют на левом краю, да и Саша Альметов чаще всего забрасывает шайбы с левого фланга. Поэтому защита соперников будет, очевидно, сдвигаться вправо. Учитывая все это, игру строим следующим образом: сдвигаю две красные фигурки хоккеистов – центрального и левого нападающих – к левому борту.

– Вот здесь мы должны прежде всего неторопливо готовить атаку, угрожать воротам соперника... При первой же возможности неожиданно отдавать шайбу направо, примерно в район точки вбрасывания. Завершают атаки своих троек Локтев, Ионов и Вику лов... То есть все должно быть так, как на вчерашней тренировке...

Надо постараться играть, так, чтобы этим хоккеистам никто не мешал. Наши правые защитники подкатываются и располагаются у синей линии не на своем краю, а приблизительно в центре. Там они будут отвлекать на себя нападающих, противника, чтобы те, вернувшись в свою зону, не мешали нашему правому форварду.

Давая такое задание на матч, я исходил из учета двух задач: во-первых, подготовить соперникам сюрприз и застать их врасплох (команда, исповедующая одну и ту же тактическую схему атаки, рискует тем, что эта схема может стать штампом, шаблоном), во-вторых, подтянуть результативность наших правых нападающих: в конце концов любая игра, даже ответственная, – это тоже учеба.

Разрабатывая установку на матч, я всегда стремлюсь к тому, чтобы задание было значительнее, сложнее, шире, чем это позволяют сегодняшние возможности игроков. Оно должно быть по сути своей таким, чтобы обязывать хоккеистов к постоянному совершенствованию индивидуального мастерства.

Но задание это я не стараюсь мельчить, не стремлюсь регламентировать действия игроков во всех возможных ситуациях, связывать их инициативу. Я всегда хочу предоставить хоккеистам простор для творчества, потому и даю на матч только основную тактическую канву;

Специально обращаюсь к нашему молодому вратарю Николаю Толстикovu. Прошу его быть сегодня особенно внимательным, так как в игре придется участвовать редко и паузы в матче нужно будет заполнять зрительным, творческим участием.

Спрашиваю, есть ли вопросы, сомнения, предложения. Верна ли предлагаемая мною схема атаки, не трудно ли будет осуществить ее в ходе матча.

После ее: коллективного обсуждения, когда непременно выступают капитан и комсорг команды, начинаются последние приготовления и сборы, последняя проверка готовности.

И вот автобус мчится на Ленинградский проспект – во Дворец спорта ЦСКА...

Перед матчем

Примерно за час до матча армейские хоккеисты приезжают на каток.

Дежурный получает пригласительные билеты и раздает их спортсменам. Билеты предназначаются женам, мамам, папам, невестам, друзьям.

Приезжают соперники. Узнаем, в какой форме будут они сегодня играть. Право выбора цвета принадлежит им – они гости. Нам нужно подлаживаться под них, чтобы зрители легко различали хоккеистов разных команд.

За 40–50 минут до начала встречи ребята стягиваются; в раздевалку. Начинают облачаться в бойцовские доспехи.

Сигналом к облачению спортсменов в спортивную форму, как я уже не раз замечал, служит почти всегда один и тот же момент: Александр Альметов развязывает галстук. Не стану, конечно, утверждать, что все это както заранее продумано – просто ребята уже привыкли ориентироваться на Сашу. Может быть, они даже никогда и не задумывались над этим.

Когда остается надеть только коньки, игроки проводят солидную разминку. Вначале гимнастика. Потом прыгают, бегут на месте, имитируют игру корпусом «уходят» от соперника. Кто-то включает радио. «Маяк» передает легкую музыку. Все быстрее и быстрее движения хоккеистов, и вот уже вся команда крутится в каком-то непонятном танце, эдакой произвольной композиции на темы твиста. Стоп! Пора выходить...

Перед выходом на лед я кратко повторяю основной тактический мотив игры, и спортсмены направляются к выходу.

В коридоре, около раздевалки, как всегда, много народу. Кто-то кого-то хлопает по плечу, желает успеха, подбадривает.

Начинается увертюра хоккейного спектакля. Последняя тренировка перед игрой. Смысл ее – еще раз «проиграть» почти всё, что может произойти во время встречи.

Хоккеисты катятся один за другим, то ускоряя, то замедляя свой бег. Вот они уже катятся с шайбами. Первая стадия разминки на льду. Быстрее всех в игру обычно втягивается Альметов, и потому именно он помогает сейчас размяться вратарю. Когда Альметов в матче не участвует, эту функцию выполняет А. Фирсов. И Альметов и Фирсов очень техничны, легко могут выполнить любую просьбу вратаря, послать шайбу именно туда, куда он просит. Оба отличные педагоги, прекрасно знают, какие уловки применяют нападающие, чтобы обмануть стража ворот.

Здесь же, рядом, всегда второй вратарь, запасной. Он помогает коллеге лучше подготовиться к матчу: подает отскочившие в сторону шайбы, что-то советует, подсказывает.

Позже град шайб обрушивается на Толстикова. Сначала они летят от синей линии, где выстроилась вся команда, потом со все более опасных для вратаря позиций. Разбившись на два потока, нападающие поочередно, то от одного, то от другого борта ведут шайбу, двигаясь на ворота. Они должны выиграть единоборство у защитника. Но защитники пока не очень мешают форвардам: они просто проверяют правильность занятой позиции. Нападающие, легко проходя защитников и бросая шайбу в ворота, обретают дополнительную дозу уверенности.

Потом – скоростной взрыв, когда все хоккеисты мчатся на огромной скорости около бортов.

И снова коллективные упражнения. Нападающие тройками устремляются к воротам. Им противостоит всего один защитник, и теперь ему приходится стараться вовсю. В это время отдельные спортсмены занимаются индивидуальными, необходимыми им упражнениями. Вот Фирсов на фланге, меняя ритм бега, выполняет излюбленный финт. Рагулин, Кузькин на взрывной скорости подхватывают шайбу у борта и передают ее партнерам.

Придумана такая «увертюра» у нас в ЦСКА.

А «разминаются» перед игрой так теперь не только многие советские команды, но и зарубежные.

Появляются судьи. Катаются, готовятся к игре.

Но вот следует свисток.

Команды съезжаются к тренеру, который стоит у борта поля.

Я не люблю в такие последние мгновения что-то напоминать, еще раз давать задания. Просто слушаю, о чем говорят сами спортсмены. С этой минуты командой на поле руководит ее капитан... Он просит товарищей сразу же, без «раскачки», включиться в игру.

Цепочкой хоккеисты выезжают к центру площадки.

Традиционные приветствия. Капитаны обмениваются рукопожатиями с судьями и капитаном соперника.

Шайба в игре!

Наше первое звено – Брежнев, Кузькин Локтев, Альметов и Александров – сразу же бросается к воротам соперника.

Первые минуты проходят в обоюдных атаках. Темп игры необычайно высок. Видимо, «Крылышки» решили сразу же показать, что не собираются на этот раз без боя уступать.

Я не буду рассказывать обо всем, что произошло в тот день на поле. Обычный день – обычный матч. Один из тех, что видят на стадионах, во дворцах спорта, на экранах своих телевизоров миллионы болельщиков. Я коротко расскажу о том, что не видят, не слышат и не знают зрители, о чем говорят, советуются друг с другом хоккеисты в ходе обычного матча. Словом, матч, каким его видят сами хоккеисты, сидящие, ждущие на скамье около борта своей очереди. А ожидание это далеко не пассивно. Ребята стараются хотя бы советом помочь тем, кто на поле.

Первая реплика. Иванов – проезжающему мимо Брежневу:

– Вов! Скажи Вите, чтоб не спал! (Кузькин только что не успел к остроумному пасу Александра.)

Проходит минута, и я командую:

– Смена!

Ребята на ходу меняются. Звено «А» покидает площадку» вместо него выезжает «система».

Первая пятерка отдыхает. Капельки пота стекают по щекам Брежнева и Локтева.

Александров – Альметову (вспоминая, видимо, не совсем удачную передачу товарища):

– Саша! Повыше надо было...

– Надо было, – усмехнувшись, соглашается Альметов.

Кузькин – Локтеву: – Может, я подъезжать буду?

Локтев понимает с полуслова желание друга помочь нападающим.

– Рано... Пока все идет, как надо...

А события на поле разворачиваются своим чередом. Стремительный рывок по краю Моисеева, резкий пас на «пяточок», и от клюшки Жени Мишакова шайба влетает в ворота «Крылышек». 1: 0.

Вот отыграла свой первый отрезок и тройка Полупанова. Отыграла, прямо скажем, не очень удачно. Делаю ребятам замечание;

– Не хватает прыти...

Сидят все рядом, ждут, что скажет Фирсов, самый авторитетный хоккеист звена.

Толя соглашается со мной и советуется Иванову: – Кидай посильнее, без сближения с противником... И почаще... По льду...

Эдуард кивает.

Предпочитаю во время короткого отдыха хоккеистов не говорить им о том, что было на площадке. Спортсмен сам должен уметь анализировать ход матча. Иначе ему будет трудно приучиться к самостоятельности, а стало быть, и к творчеству на поле. Поэтому я чаще говорю о том, что ждет хоккеиста в игре, к чему он должен быть готов. В каком направлении нужно вести поиски.

Контратака соперников, и из-за очевидной ошибки Кузькина счет сравнивается.

Игра начинается с центра. Кузькина меняет Олег Зайцев.

Почему я решил сделать эту замену? Виктор начал матч вяло и вот сейчас допустил серьезный тактический промах. Но мне показалось, что ни ребята, ни сам Кузькин не заметили, в чем именно он ошибся. Однако сейчас, когда борьба еще только начинается, делать замечание вслух нецелесообразно, и потому я оставляю Виктора рядом с собой и тихонько объясняю ему, где он сыграл не так.

Еще зрители на трибунах не успели успокоиться после успеха хоккеистов «Крыльев Советов», как Зайцев, завладев шайбой, сильно бросает ее в ворота. Александров успевает подставить клюшку, когда вратарь «Крылышек» Пашков двинулся в противоположный угол ворот. 2: 1.

Делаю замечание перед выходом на лед нападающим «системы» – Е. Мишакову и Ю. Моисееву.

– Не держите «своих» игроков в зоне...

Возвращается с поля тройка Полупанова.

– Молодцы, правильно решили использовать ошибку соперника. Понимаете, о чем говорю?

Кивают.

Ошибается Ромишевский. В простой, как будто не опасной ситуации он выбрал не самое простое, а какое-то слишком замысловатое решение и потерял шайбу. Счет снова становится равным – 2:2.

Да... Несколько, неожиданное развитие событий. Что может (или должен!) сделать в таких случаях тренер? Ругать своих воспитанников? Успокаивать? В разных случаях, в зависимости от ситуации, решение может быть разным.

Совершенно бесспорно только одно. Тренер не может быть безучастен, безразличен к

ходу матча, к неудаче, к срыву предполагаемого плана игры: нам казалось, что судьба встречи будет решена едва ли не с первых минут.

Но что решить? Менять состав? Пожурить ребят? Может быть, дать кому-то пропустить свою очередь выхода на площадку?

Смотрю на лица ребят. Нет, растерянности не вижу. Вижу азарт. Жажду борьбы.

Атаки накатываются попеременно на те и на другие ворота.

Молодежное наше звено затеяло какую-то странную игру; стоят или катаются недалеко друг от друга и не спеша пасуют шайбу.

Делаю замечания Полупанову и Викулову:

– Перешли на мелкую игру...

Хотя этот мелкий пас создает на первый взгляд видимость точности, позволяет как будто надежно контролировать шайбу, на самом деле против такого паса найти противоядие несложно. К шайбе, несильно посланной партнеру, быстрый и резкий соперник может успеть раньше. Мелкий пас – это удел слабо ориентирующихся, малоподвижных игроков. Не таковы Виктор и Владимир, и потому я не рекомендую им играть в этой манере. Конечно, труднее действовать в условиях, когда партнер находится не рядом, в двух-трех метрах от тебя, а мчится на свободное место на противоположном краю поля, труднее сделать точный средний или дальний пас, но, для того чтобы сработал «ускоритель мастерства», я даю молодым хоккеистам задания посложнее, чтобы они могли сполна проявить и творческую самостоятельность и смелую инициативу.

Но вот на двадцатой минуте наша молодежная тройка удачно разыгрывает именно ту комбинацию, о которой мы говорили на «установке». Все исполнено точно: Полупанов сдвинулся влево, разыграл остроумно шайбу с Фирсовым, а Викулов, сместившись направо, отлично завершил усилия товарищей.

Уходим на перерыв с преимуществом в одну шайбу. В раздевалке тихо.

Видимо, ребята не ожидали все-таки что соперники окажут столь упорное сопротивление.

Стынет чай. Лишь запасные берут по стакану.

Как ни печально, делаю замечания капитану и комсоргу – Кузькину и Ромишевскому. По их вине, из-за их небрежности и невнимательности пропущены шайбы.

Советую Виктору и Игорю играть немного поазартнее: уж слишком спокойны и меланхоличны они сегодня.

Правильно ли я поступаю, делая замечания капитану и комсоргу? Думаю, что правильно. Эта моя критика в адрес вожаков коллектива заставит, как мне кажется, задуматься каждого: а нет ли и его вины в том, что ругают капитана и комсорга?

Виктор и Игорь соглашаются со мной и объясняют причины своих ошибок.

Ребята о чем-то вполголоса переговариваются.

Звонок. Пора снова выходить на лед.

Едва начался второй период, как мы остались в меньшинстве. Удален с поля Ионов.

Как долго тянутся эти две минуты! Как изматывают они нервы: ведь у армейцев в запасе всего одна шайба!

Пока наша четверка сражается на льду, готовлю им смену. Напоминаю Фирсову и Полупанову, что нельзя давать возможность соперникам, входить на большой скорости в нашу зону. Атаки «Крылышек» надо пресекать в зародыше, и потому, потеряв шайбу, не следует отступать, откатываться назад, как делают это, сейчас Юра и Женя.

Но вот, наконец, Анатолий на льду.

Но что это? На площадке шесть, кроме вратаря хоккеистов ЦСКА? Да, так и есть. Вот уж совершенно непростительная для классной команды ситуация. Кто-то из наших ребят поторопился выскочить на поле, не дождавшись, пока уйдет сменяемый им хоккеист.

Судья подъезжает к капитану и предлагает ему решить, кто из игроков ЦСКА будет отбывать наказание.

И снова две минуты мы играем в численном меньшинстве.

Упорно защищаемся. Шайба прижата к борту.

Прошу Иванова:

– Эдик, смени кого-нибудь. Оставь того, кто посвежее...

Защищаться трудно. Нашу команду зажали в зоне. Ребята играют слишком самоотверженно. Я говорю – «слишком», ибо они ложатся под бросок шайбы и тогда, когда это, может быть, и не нужно: ведь, опустившись на колени, трудно уже продолжать борьбу, и потому шайбой по-прежнему владеют хоккеисты «Крылышек».

Но не думаю, что сейчас можно ругать ребят, хотя они и заслуживают упрека. Нельзя подходить одинаково ко всем ситуациям и всем людям. Штампы в работе тренера, педагога могут привести к срыву. Ведь в том, что происходит сейчас на поле, можно увидеть не только определенную тактическую ошибку, но и старание ребят, их мужество.

Но вот на поле равенство.

Подъезжает Голя Ионов.

– Устал!

Командую:

– Пошли, Костя!

Самый интересный игровой момент матча. Ведущее наше звено разыгрывает изумительную по красоте, неожиданности и точности комбинацию. Каким-то совершенно непостижимым финтом (я впервые его вижу!) Александров оставляет своего опекуна сзади. Вдвоем с Локтевым, передавая шайбу друг другу, стремительно мчатся к воротам. Опрометчиво выскакивает им навстречу вратарь соперника, ворота остаются незащищенными. Локтев отдает шайбу Александрову, Александров уступает право увеличить счет Локтеву, Локтев», в свою очередь Александрову и на трибунах оглушительный свист. Ребята промчались с шайбой за ворота.

Досадная оплошность! Так блестяще фантазируя, с необыкновенным искусством обыграть соперников и вдруг ошибиться там, где не ошибется и человек, впервые вставший на коньки. Но, честное слово, ребята заслужили не только свист.

Обидно! Ах, как хочется в такие секунды поддержать ребят. Но как это сделать! Хоккеисты ещё на поле, они охвачены азартом, немного растерянны и слышат только оскорбительный свист.

А шайба пока в игре. На секунду опешившие от столь неожиданной концовки атаки Александров и Локтев по-прежнему владеют шайбой. И тут кто-то из защитников «Крылышек» не выдерживает. Две минуты!

Численное преимущество реализуется четко и быстро. Альметов и Локтев целуют Александрова.

Звено «А» уезжает с площадки. Очередь тройки Полупанова. Вместе с этой тройкой сегодня в защите играют Эдуард Иванов и Николай Подкопаев (он заменил Сашу Рагулина). Вижу, устал Николай, хотя виду не подает. Решаю – пусть пропустит очередь. На площадке остается Брежнев.

Спустя несколько минут на поле происходит эпизод, напомнивший мне один чрезвычайно комический случай.

Иванов кричит Брежневу, сильному, атлетически сложенному защитнику, которого атакует маленький, юркий форвард соперников: – Спокойнее, спокойнее, я здесь...

И я вспоминаю, как за месяц до этой встречи мы играли с динамовцами Киева и в один из моментов наш исполин, могучий стокилограммовый Саша Рагулин прижал к борту юного тоненького динамовца, вес которого был, наверное, килограммов эдак на сорок меньше. Это вызвало веселое оживление на трибуне. И вдруг над площадкой раздался громовой голос Эдуарда Иванова. Увлеченный игровым азартом, он подбадривал Сашу:

– Не бойся, не бойся, я рядом...

Что творилось на трибунах, я просто не могу описать. Видимо, это был самый смешной случай в истории хоккеистов ЦСКА...

Вот Ионов сыграл тактически незрело. Когда звено сменяется, я предлагаю ему подумать, как должен он был сыграть:

– Не торопись... Отдышись, подумай. Иначе не пойдешь на лед...

Анатолий отвечает приблизительно правильно, и я помогаю ему разобраться в причине его ошибки.

Хмурится Мишаков, что-то объясняет Моисееву. Я в общем-то понимаю настроение

ребят. Уже почти определенно можно сказать, что Женя и Юра после сегодняшнего матча на какое-то время расстанутся с товарищами. Другие звенья нападающих будут включены в первую сборную страны и отправятся в интересную поездку в Швецию, США и Канаду. А Женя и Юра остаются играть во второй сборной...

И вообще не люблю я такие вот матчи. Через несколько дней предстоит увлекательное турне, и потому по-человечески понятны переживания и некоторая осторожность ребят в сегодняшней игре, их определенное самосохранение.

У нас в истории команды был случай, когда Владимир Брунов, находившийся в прекрасной спортивной форме, за два дня до отъезда получил травму. Мы играли тогда с чехословацкими хоккеистами (помню, было это на «Динамо», хоккейная площадка заливалась в то время на футбольном поле). Володя тяжело переживал свою неудачу и даже потом надолго заболел.

И еще один подобный матч вспоминается мне. Хоккеисты играли в тот день настолько осторожно, что проиграли заведомо более слабому сопернику.

Нет, не люблю я такие игры!

Говорю проезжающему мимо Викулову:

– Кататься, весело кататься нужно. Нельзя стоять на месте...

Наверное, я поторопился с замечанием. Именно эта тройка снова четко разыгрывает ту комбинацию, о которой мы говорили перед игрой, и Витя Полупанов со «своего» места посылает шайбу в ворота Пашкова – 5:2.

Любопытно, что сегодня уже седьмая подряд игра, в которой Полупанов забрасывает шайбу. Завидное постоянство и завидная результативность.

Молодежь во второй раз успешно завершила намеченную на «установке» атаку. А почему ни разу не получилась такая комбинация у наших ведущих мастеров? Может быть, они менее внимательно слушали? Может, решили, что они и так умеют брать ворота?

Но что это? Виктор, забросив шайбу, не торопится к центру поля. Партнеры по звену подъехали к нему, обняли, постучали клюшками по щиткам, а он как будто ждет каких-то особых похвал товарищей. Мне даже кажется, что Витя чем-то недоволен, что он, видимо, рассчитывал на более пристальное внимание к его успеху.

Это уже нехорошо. Неужели наш скромный Витя начал зазнаваться? Надо поговорить с ним после матча.

Виктор Полупанов

К сожалению, с Виктором по этому поводу пришлось позже говорить не только мне. По поручению коллектива два наших комсорга – комсорг сборной СССР Анатолий Фирсов и комсорг команды Игорь Ромишевский довольно серьезно беседовали с Полупановым, и эта беседа не прошла как будто бесследно.

Хотя... Хотя, готовя сейчас второе издание книги, размышляя о том, что писалось два года назад, я с некоторой тревогой думаю о Викторе. Идет время, растет его популярность (совершенно заслуженно!), и у Полупанова, как мне кажется, опять начинает проявляться нехорошая черточка – самоуверенность, грозящая перейти в самовлюбленность. Досадно, что Виктор не слишком внимательно выслушал критику товарищей и тренеров.

Я пишу об этом не для того, чтобы еще раз осудить Полупанова. Виктор – парень неплохой. Но за молодыми хоккеистами, сверстниками Полупанова, необходимо следить особенно строго. В. целях, так сказать, профилактики.

Кстати, гораздо труднее решать эти проблемы в том случае, когда нескромность появляется у ведущих мастеров.

В таких случаях я стараюсь немедленно сбить спесь с автора гола. Я благодарю его за успех, но тут же объясняю, как, каким образом он мог сыграть лучше и забросить шайбу раньше, проще, быстрее, без какого либо риска ошибиться. Сознаюсь, что это совсем не просто: ведь в ЦСКА играют большие мастера. А иногда я иду по другому пути: благодарю за заброшенную шайбу не автора гола, а партнеров, которые создали ему для этого благоприятную возможность. Надо, чтобы все поняли: успех – это заслуга всего звена.

Но вернемся к нашему матчу.

Игра начинается с центра, молодые ребята идут в очередную атаку, и здесь происходит неприятный случай. После броска Полупанова шайба попадает в лицо защитника «Крылышек». Анатолия Рыжова. Рыжов падает, закрывает лицо. Ему помогают встать, подводят к нашей команде (сюда, ближе), и Алексей Васильев оказывает Рыжову помощь. Хорошо, что бросок был не силен Полупанов подъезжает к Рыжову, извиняется.

Хорошая традиция нашего спорта! Если в пылу борьбы спортсмен нечаянно причинил боль сопернику, он всегда подойдет и попросит прощения, поможет пострадавшему.

Рыжов покидает поле.

Период заканчивается.

В перерыве предлагаю выступить капитанам звеньев: В. Кузькину, О. Зайцеву и А. Фирсову (он заменяет сегодня в этой роли А. Рагулина).

Нашим главным капитаном – капитаном всей команды в сезоне 1965/66 года стал прекрасный защитник, бывший комсорг ЦСКА Виктор Кузькин. По совместительству Виктор стал капитаном и сборной СССР; фотография Виктора с двумя призами – чемпиона мира и чемпиона Европы, – завоеванными нашими ребятами в Любляне, обошла все газеты. Виктор – хоккеист своеобразный. Пожалуй, в этой темпераментной, темповой игре не сыщешь второго такого олимпийски спокойного спортсмена. Вывести Кузькина из себя невозможно. Каюсь, мы несколько раз умышленно «провоцировали» Виктора, стараясь увидеть его хотя бы раз рассерженным, разгорячившимся. Тщетно. Не помню, кто именно из судей сказал, что Кузькина с поля удалить практически невозможно, ибо он никогда не «нервничает», эти слова точно отражают суть характера нашего защитника. Виктор – человек уважаемый в коллективе, у него нет недругов, к нему все относятся с симпатией.

Кузькин играет тактически вполне зрело, хотя обычно первый период проводит не в полную силу: он медленно втягивается в игру. По уровню своей теоретической подготовки, по серьезности отношения к игре, к тренировкам, к сохранению спортивной формы Виктор служил примером молодым хоккеистам. В первом издании книги глагол «служил» стоял в настоящем времени. И это было справедливо. Но... хотя с тех пор прошло немногим более года, я вынужден дописывать и исправлять эту главу.

Много хвалебного сказано в книге о капитане ЦСКА и сборной СССР, точнее – бывшем капитане Викторе Кузькине. Не хочу теперь промолчать и о его большой ошибке: я имею в виду нарушение Кузькиным и Мишаковым спортивного режима, их недостойное поведение в общественном месте.

Мне не хочется сглаживать проступок Виктора. Он навес удар престижу нашего хоккея: ведь его вина усугубляется тем, что Кузькин был не просто рядовой, заурядный хоккеист, но игрок сборной команды. Ее капитан. Он многое потерял в глазах любителей спорта, болельщиков, мальчишек. Он нанес им моральный удар.

Виктор считался большим мастером, достигшим немалых высот хоккейного искусства, он был одним из лидеров этого спорта в нашей стране – тем более обиден и непростителен его проступок.

По просьбе тренеров ЦСКА Федерация хоккея дисквалифицировала Кузькина до конца сезона и лишила звания заслуженного мастера спорта. Человек, которому многое воздается, строже других должен быть наказан за свои грехи.

Читатели могут спросить: где же наша последовательность, почему спустя несколько месяцев те же тренеры ЦСКА начали ходатайствовать о прощении Кузькина, о его возвращении в хоккей?

Не думаю, что у нас в числе воспитательных мер есть одно лишь наказание. Разве может быть так – наказание, наказание, наказание... Наш метод воспитания складывается из творческого сочетания и применения в разных случаях по-разному дозированных наказания и прощения. Проступок может быть и прощен спустя какое-то время, если для этого есть основания. Мы обязаны предоставлять человеку, однажды ошибившемуся, возможность полностью восстановить свое доброе имя.

И вот когда мы почувствовали, что Кузькин полностью понял свою ошибку, все увидел и пережил, осознал – не на словах, в глубине души, искренне – свою вину, то обратились в Федерацию с просьбой считать дисквалификацию Кузькина условной и разрешить ему снова выступать в составе ЦСКА. Где же он должен был доказывать, что стал иным, если не там, где набезобразничал? И снова, я убежден, правильно поступила наша Федерация, разрешив Кузькину вернуться в большой хоккей.

Что бы там ни говорилось, а за тринадцать лет наших выступлений на чемпионатах мира мы не только семь раз завоевали титулы чемпионов мира, но и воспитали хороших людей из

тех хоккеистов, кто когда-то своим шероховатым характером причинял нам немало беспокойства. Сила общественного воздействия – едва ли не самый могучий рычаг воспитания молодых людей.

Но пусть не подумает Кузькин, что мы можем быстро забыть о его проступке. Мы простили, но не забыли. Мы хотим учить на этой истории других. И не случайно и в ЦСКА и в коллективе сборной спортсмены так внимательно следили весной за Виктором: он подорвал веру в себя, и товарищи больше не могли относиться к нему (хочу верить – пока, до определенной поры) с прежним доверием.

Капитаны других звеньев – Олег Зайцев и Александр Рагулин. Два сильных защитника, оба уравновешенные (хотя и не столь спокойно-рассудительные, как Кузькин), авторитетные спортсмены. Хоккеисты, которые имеют полное моральное право вести за собой своих товарищей. Кстати, напомним, что два наших капитана не только офицеры Советской Армии, но и студенты, а третий – Рагулин – уже получил высшее образование. И это очень важно и хорошо, ибо, глядя на капитанов, тянутся к знаниям и новички команды.

(Сейчас капитаном нашей команды избран Вениамин Александров, и его помощниками – Анатолий Фирсов и Олег Зайцев)

Я люблю слушать капитанов. И, что греха таить, частенько прошу их выступить и тогда, когда им этого совсем не хочется. Мне кажется, что в таких выступлениях растет активность капитанов, утверждается их ведущая роль в команде, идет негласная, незаметная учеба вожаков коллектива. А ведь по уровню своих знаний капитан обязан ближе всех стоять к тренеру...

Но вернемся к нашему матчу. Мне кажется целесообразным оставить и во втором издании книги те реплики тех капитанов, что были в первом издании.

Кузькин считает, что надо перейти на прессинг, бороться за шайбу по всей площадке. Четче действовать в своей зоне.

Добавление у меня одно. Прошу наших «классиков» особенно не мудрить. Играть немного проще, но непременно добавить игровой страсти.

Капитан второго звена Олег Зайцев коротко бросает:

– Меньше болтать на поле надо...

Капитан третьего звена Анатолий Фирсов более многословен:

– Почувствовали, что переигрываем, и стали мало предлагать себя, пасовать. Мне кажется, что слишком длинно водим, появилась непонятная жадность к шайбе.

Борис Павлович Кулагин, тренер команды, делает замечание Полупанову и Викулову: – Очень много на себя берете. Отрезали Фирсова от игры. Он на вас работает, а вы его на голодном пайке держите.

В чем дело? Такая уверенность молодых в своих силах? Или неуважение к товарищу, который им так много помогает?

Третий период начинает тройка Викулов – Полупанов – Фирсов. Это наша традиция: каждый период открывает новое звено.

Преимущество в три шайбы не может не сказаться на игре и той и другой команд. «Крылышки», как мне кажется, смирились с мыслью о поражении. А наши незаметно для себя расслабились, почувствовав, что исход игры в общем-то предрешен.

Первая смена. Уходит с поля молодежная тройка. Снова атакуют армейцы. Кузькин мчится к воротам соперников, врывается в угол поля. Его у синей линии «страхует», Локтев.

– Играй, я останусь!

Шайба на половине поля соперников. Боюсь, что наш вратарь размагнитится. Прошу Моисеева, который выходит на лед, сказать Толстикovu, чтобы тот двигался в воротах, имитировал отдельные приемы.

На поле – «система». Вихрь атак. Неразбериха.

Александров кричит Мишакову:

– Женя, не суетись!

Иванов доволен действиями Ионова.

– Хорошо, Толя!

Вообще Эдуард, пожалуй, был самый говорливый хоккеист в команде. Когда играла его пятерка, все время слышался голос Эдика.

Период заканчивается безрезультатно.

5: 2. Победа. Обычная. Одиннадцатая подряд.

Ребята уходят в раздевалку.

Обхожу всех. Благодарю за игру.

Хоккеисты, продолжая обсуждать матч, уходят в душ. У раздевалки ребят ждут жены, родные, друзья.

Прощаемся.

Но хотя матч окончен, мы к нему возвращаемся еще раз. По сложившейся традиции, собираясь в день очередной календарной встречи на «установку», тренеры проводят анализ действия всей команды и каждого спортсмена в отдельности в предыдущем матче.

Из чего мы будем исходить, разбирая действия хоккеистов? Критерий один – насколько умело, полно и творчески выполняли спортсмены полученное задание. Но, выставя оценки за матч с командой «Крылья Советов», мы учитывали и то, что это была последняя игра перед встречами с сильными коллективами Чехословакии, Швеции и Канады. Однако в таком матче ребята не показали всего, что могли, и мы с Борисом Павловичем не очень щедры на отметки. В. Викулов, Э. Иванов, А. Фирсов получили по «четыре», В. Александров и К. Локтев – по «четыре с минусом», В. Брежнев, В. Полупанов, Н. Подкопаев – по «три с плюсом», В. Кузькин, А. Альметов, И. Ромишевский, О. Зайцев, Е. Мишаков, Ю. Моисеев, Н. Толстикова – по «три», А. Ионов – «три с минусом».

Средний балл довольно невысок. И это не случайно – ребята не показали себя в игре. Меня всегда это настораживает – недооценка противника может дорого обойтись команде. К сожалению, так и получилось. Встречаясь с «Крылышками» еще раз в апреле 1966 года, мы им проиграли.

О МОЕЙ ПРОФЕССИИ

ТРЕНЕР: СПЕЦИАЛИСТ, ПЕДАГОГ, РЕЖИССЕР, ПСИХОЛОГ...

Каждый ли хоккеист может стать тренером?

Должность тренера сложна и ответственна. Но, как говорят, не боги горшки обжигают. И я полагаю, что тренером может стать почти любой опытный хоккеист, при некоторых, правда, непременных условиях? если он готовится к тренерской работе долгие годы, если еще в молодости мечтает стать тренером, старательно накапливает материал, продолжая играть, уже ставит себя на место руководителя спортивного коллектива. Постоянно учится и думает о будущей своей деятельности. Умеет анализировать работу тренера. Формирует в эти годы собственное тренерское кредо: взгляды на учебно-тренировочный процесс, на отношение к разным по характеру хоккеистам; вырабатывает свое понимание тактики игры, умеет быстро схватывать то, что происходит на поле, способен обобщать, делать выводы.

Тренер постоянно связан с воспитанием молодых людей, и если он, не дай бог, не любит своего дела, то вред, который он принесет людям, будет поистине неизмерим.

Спортсмены, как правило, с большой охотой, с видимым удовольствием идут на тренерскую работу, тем самым они продолжают сдою жизнь в любимом виде спорта.

В конце сезона 1965/66 года мы проводили на тренерскую работу нашего выдающегося хоккеиста Константина Локтева.

Это был праздничный вечер. Второй; финальный матч на Кубок страны между столичными армейцами и динамовцами завершал сезон. Москва расставалась с хоккеем.

Хорошая традиция торжественных проводов, хоккеистов, родившаяся в начале сезона, когда мы прощались с Николаем Сологубовым, получила прекрасное продолжение 27 апреля 1966 года, в день последнего выступления Константина Борисовича Локтева.

Армейцы попросили своего товарища быть в этом матче их почетным капитаном. И

именно Локтев получил как капитан Кубок СССР, именно он принял главный приз советских хоккеистов? приз, который вручается команде-чемпиону. Именно Локтев опустил, флаг чемпионата.

В тот вечер было много добрых слов благодарности большому хоккеисту. Вручая подарки, ему желали успехов в тренерской работе представители ведомств и организаций, тренеры и хоккеисты «Спартака», «Динамо», «Крылья Советов». От товарищей по команде подарок Косте преподнесли его великолепные партнеры Саша Альметов и Веня Александров. Их долго не отпускали фоторепортеры: может быть, в последний раз представилась возможность сфотографировать вместе трех замечательных гроссмейстеров хоккея.

27 апреля Константин Локтев получил не только десятую (!) золотую медаль чемпиона СССР, но и приз лучшего нападающего страны.

По традиции команда-победительница получает право совершить круг почета. Эта традиция не была нарушена 27 апреля. Но получила некоторое «дополнение» – капитан команды не скользил по льду впереди своих товарищей: они несли его на руках.

Что бы там ни говорилось, прощаться со спортсменом всегда грустно. И прежде всего в том случае, когда он уходит из хоккея вообще. Тем более тяжело было расставаться с Локтевым, с которым у меня в последние годы сложились самые хорошие отношения. Из ЦСКА уходил великолепный мастер еще совсем недавно, на последнем чемпионате в Любляне, признанный лучшим нападающим мира.

Мне не хотелось отпускать Константина на тренерскую работу.

При первом нашем разговоре я убеждал Локтева, что он мог ярко и здорово поиграть по крайней мере еще два-три сезона. Пусть несколько по-обывательски, но я рассуждал так: тренером Костя сможет стать и позже, но классным игроком – если он прекратит хотя бы на время регулярные выступления – он уже не будет никогда. А ведь играть много проще и порою даже почетнее, чем быть тренером! Ты на льду, ты сам в жаркой схватке, тебе аплодируют зрители, ты побеждаешь. Ты сам, наконец, можешь практически, на льду (а не из-за борта площадки), в ходе матча, показать к а к надо побеждать.

– И пусть тебе, Костя, – убеждал я Локтева, – тридцать три, ты моложе и азартнее многих двадцатилетних, ты сильнее их своим опытом, ты больше пользы принесешь команде, чем кто-либо другой...

Мне жалко было отпускать Локтева из ЦСКА. Ведь с его уходом мы теряли не только мастера – с его уходом распадалась самая сильная тройка в истории советского хоккея, тройка, ставшая уже легендарной. Найдем ли мы ему достойную замену, найдем ли классного хоккеиста, который сможет войти как равный в компанию к прославленным асам Вениамину Александрову и Александру Альметову?! К спортсменам, которые вместе с Локтевым играли семь лет и понимали его не то что с полуслова или одного взгляда» но даже и без этого «полуслова»!

И все же после третьей беседы я дал Косте согласие отпустить его из ЦСКА. В общем-то у меня не было морального права задерживать Локтева: ведь я сам перешел на тренерскую работу в 25 лет. Кроме того, нам сейчас очень нужны хорошие тренеры. А Локтев будет, я думаю, отличным тренером.

В тот раз, 20 апреля, накануне первого финального матча на Кубок страны, наша беседа затянулась далеко за полночь. Константин пришел советоваться, как строить свою работу на первых порах. Он допрашивал меня с глубочайшей заинтересованностью, я сказал бы, даже с пристрастием.

Солидным подспорьем в тренерской работе в первое время Локтеву будет его авторитет хоккеиста высокого класса. И я желаю новому тренеру Константину Борисовичу Локтеву таких же блестящих успехов, каких достиг он, выступая на ледяных площадках!

Немало замечательных мастеров прошлого стали интересными, отличными тренерами – Александр Виноградов, тот хоккейный богатырь, о котором я говорил, рассказывая о первых шагах нашего спорта, тренировал московскую команду «Крылья Советов», Всеволод Бобров – столичный «Спартак», Анатолий Кострюков возглавляет московский «Локомотив», Николай Пучков – ленинградский СКА, Виталий Костарев – горьковское «Торпедо», Виктор Шувалов – «Электросталь», Юрий Баулин – «Торпедо» (Усть-Каменогорск).

Но профессия тренера сурова, неприятностей на его долю выпадает немало: если его воспитанники добьются успеха, победят, то хвала и медали им, а тренер при этом подчас остается в тени, но если ребята потерпят "поражение" – виноват он, тренер. И тогда ему не миновать взыскания, если не сказать о большем. Трене ров чаще, чем специалистов любой другой профессии, снимают с работы.

О тренерах редко и мало пишут даже тогда, когда их ученики становятся чемпионами и рекордсменами. Кто знает, например, имена тренера Юрия Власова, Леонида Жаботинского или Валерия Попенченко?

А ведь это всемирно известные спортсмены!

Работа тренера, особенно в классной команде, связана с непрерывным напряжением всех творческих и душевных сил, с постоянной затратой нервной энергии.

Одно из решающих качеств, которым должен; на мой взгляд, обладать тренер, спортивный педагог, – это смелость, мужество.

Нелегко: изменить тактику, особенно в ведущей команде, там, где она приносит успех, где в нее верят спортсмены. Но, думая о будущем, тренеру приходится это делать.

Я уже рассказывал в главе «Поиски и сомнения» об опасениях, что терзали нас с Борисом Павловичем Кулагиным в дни подготовки новой тактической схемы игры. Немало, уверяю вас, потребовалось душевных сил, чтобы решиться сменить тактику в условиях, когда команда и так побеждала всех своих соперников. Нас запугивали, предупреждали, что мы рубим сук, на котором сидим. Немало пришлось пережить, пока «система» заиграла.

Очень трудно тренеру отстаивать свои убеждения, свои идеи. Тем более когда эти идеи не приносят пока очков, не приводят команду к быстрым и легким победам, И тут нужна твердая вера. И если ты, тренер, педагог, откажешься от своей веры, то утратишь не только авторитет, но и право на творчество.

Может быть, я не прав, но мне кажется, что тренера от игрока, кроме всего прочего, отличает еще и метод мышления. Игроки в какой-то мере консервативны. Усвоив и овладев определенным набором технических и тактических приемов, они порой очень неохотно, с сопротивлением воспринимают все то новое, что рождается в спорте. Особенно это заметно, когда им, спортсменам, сопутствует успех.

Тренерская мысль всегда должна быть прогрессивной, устремленной вперед, в будущее. В этом сила тренера. Даже в пору больших побед и успехов его учеников он должен, обязан думать о будущем, искать новые тактические и технические приемы, которые позволят его команде удерживать первенство и в будущем.

Ворота, армейской команды долгие годы с блеском защищал один из лучших вратарей в истории отечественного хоккея, Николай Пучков. Но с годами он играл все менее уверенно. Его пугало, что наши защитники энергично атакуют соперников, чрезмерно смело, как ему казалось, идут в зону противника.

Николай постоянно спорил со мной, считая, что избранная нами тактика игры неверна, что играть следует иначе. Он был сторонником игры «на ноль», навязывал коллективу оборонительные настроения. Если нам не забьют ни одной шайбы, то в худшем для нас случае, пояснял он, будет ничья. Но ведь у армейцев прекрасные нападающие, уж одну-то, две шайбы они всегда забросят...

Может быть, такая тактика была приемлема в прошлом. Но хоккей движется вперед. Растут скорости игроков. И мне казалось, что гораздо надежнее в таких условиях непрерывно атаковать. Банальный принцип «нападение – лучшая защита» до сих пор считаю, безусловно, верным и актуальным.

Но отстаивать свои убеждения в спорах с авторитетнейшими игроками команды, которых поддерживают их друзья, совсем не так просто.

Необходима тренеру недюжинная смелость и чтобы вовремя сменить заслуженного, именитого мастера на новичка.

Вспоминаю, какие нападки пришлось мне выдержать, когда я решил, что пришла пора уходить из большого хоккея прекрасному нашему мастеру, отличному нападающему Юрию Пантюхову.

Это был своеобразный спортсмен. Юрий самозабвенно любил хоккей, слыл страстным

бойцом, может быть, даже излишне страстным. Его здорово ценили и любили ребята. Любили за веселый нрав, за умение рассмешить всех в самую горестную минуту.

Как у хоккеиста у него был один недостаток. Ему не хватало стартовой скорости. А хоккей рос, прогрессировал, и однажды мне стало ясно, что игра Юрия уже не может удовлетворять тем требованиям, которые предъявлялись к хоккеистам ЦСКА.

Я решил на его место ввести в основной состав новичка – Леонида: Волкова.

Чего только не наслушался я тогда! Мне говорили, что я ничего не смыслю в хоккее, если меняю замечательного мастера, чемпиона мира и олимпийского чемпиона на какого-то неизвестного парня. Были намеки, что я устарел, творю произвол и вообще подбираю команду по собственному вкусу.

Последнее меня возмущало особенно сильно. Ну, конечно же, по собственному вкусу!

Каждый тренер формирует команду по своему вкусу. Но «вкус» этот опирается на знание основных принципов современного хоккея, на знание своей команды, своих мастеров, их достоинств и недостатков. Этот «вкус» определяется той перспективной линией, которую наметил тренер на развитие и рост своей команды. Так на чей же «вкус» должен ориентироваться тренер?

Неужели вышестоящие руководители, которые имеют какое-то отношение к команде, лучше тренера могут знать команду? Если да, то тогда негодного поставили они тренера. Ну, а уж если тренеру доверили эту работу, то будьте добры не вмешиваться в такие сугубо тренерские дела!

Свое решение мне удалось тогда отстоять. А Леша Волков, «какой-то малоизвестный паренек», вырос в превосходного хоккеиста, стал и олимпийским чемпионом и чемпионом мира.

Немалую смелость должен иметь тренер и чтобы решиться изменить состав, перекомпоновать звенья в ходе чемпионата. Это ведь всегда связано с риском.

Читателю уже известно, что мне пришлось изменить две линии в звене «Б», в той пятерке, что действует по новой тактической системе.

Я рассказывал, что в этой системе главную роль играют хавбеки. От их мастерства, объема прделываемой ими работы во многом зависит игра нападающих. И вот однажды мне стало ясно, что Женю Мишакова целесообразно перевести в нападение. Анатолий Ионов, как говорится, «не наигрывался». И тогда я решил рискнуть: поменять Евгения и Анатолия местами.

Конечно, я понимал всю опасность такой затеи – ведь Ионов никогда не играл хавбеком.

К счастью, все прошло удачно. Расчет оказался точным. Мишаков, который исполнял теперь меньший объем работы, смог полностью использовать свои лучшие качества: А Толя, обладающий превосходной дистанционной скоростью, стал отличным хавбеком! он умно и полно загружает Евгения.

Сложна, по-моему, чертовски интересна и ответственна работа тренера.

И все-таки я никогда не отступлюсь от нее. Ибо она не только сложна и ответственна, но благодарна, и прекрасна.

Как счастлив бывает тренер, когда его воспитанники получают награды – не так важно какие, важно, что они приносят победителям радость. И если, получая приз, спортсмен первые слова своей благодарности обращает к тренеру, то это значит, что твой труд не пропал даром – ты воспитал не только чемпиона, но и человека!

Мы воспитываем молодых людей, выступающих перед большими аудиториями зрителей. Мы работаем в таком виде, спорта, который воспитывает у людей самые лучшие качества. Но мы и сами немало получаем от своей работы. Наблюдая за игрой наших спортсменов, общаясь с молодыми, веселыми, задорными, энергичными ребятами, умеющими заразительно хохотать, ты и сам вроде становишься моложе. Ты с ними и в них продолжаешь свою молодость.

Тренер «умирает» в хоккеисте/ как режиссер в актёре.

Но и живет в нем!

Тренер и руководство клуба или ведомства

Для того чтобы успешно и плодотворно работать, спортивный педагог и наставник нуждается в полном и абсолютном доверии.

К сожалению, тренеру нередко приходится вступать в конфликт с руководителями клуба или ведомства, от имени которых выступает руководимая им команда.

Причины таких конфликтов множественны. Неожиданный проигрыш команды, и вот на тренера обрушивается поток упреков. Готовится ответственная встреча, и тренеру нередко стремятся навязать тот или иной состав команды, не считаясь с его задумкой, с его планами. Честное слово, это очень обидно. Ведь никто не имеет права вмешиваться в дела инженера – специалиста своего дела, ученого, любого творческого работника.

А вот в работу тренера может вмешаться каждый, каждый считает себя специалистом того или иного вида спорта, хотя знаком он с ним бывает только с позиции болельщика.

Когда я пишу эти строки, я думаю уже не о себе. Успехи команды в последние годы ограждают меня от советов и навязчивых рекомендаций.

Но если бы знал читатель, как трудно порой приходится молодым тренерам, ещё не имеющим имени, какое мужество приходится им проявлять, чтобы отстоять свои взгляды на хоккей, на тактику, на тот или иной рекомендуемый им состав команды.

Не могу не обратиться снова к воспоминаниям, к тому, как я начинал свою тренерскую работу.

Двадцатисемилетним молодым человеком меня назначили старшим тренером футбольной команды ВВС. Конечно, тренеру трудно судить, насколько существенна его роль в успехах команды, но именно тогда летчики сумели стать победителями второй группы первенства СССР по футболу и вошли в первую. Командой ВВС весьма интересовался один из генералов. Он принимал большое и деятельное участие в ее судьбе. Не только интересовался командой, но и, используя свое высокое положение и будучи человеком темпераментным и горячим, частенько вмешивался в ее дела.

Одна из первых моих бесед с ним происходила на квартире генерала. Он пригласил меня после первого нашего неудачного выступления в первой группе, посочувствовал тяжелому положению с составом. Действительно, ребята тогда играли в ВВС молодые, не очень опытные, уступающие во многом мастерам первой группы. Но я в них верил и об этой своей уверенности сказал своему собеседнику.

Он посмотрел на меня с сожалением, вздохнул почему-то и предложил обращаться к нему, как только потребуется какая-нибудь помощь.

Прошло несколько туров. Команда ВВС продолжала выступать не совсем удачно: за короткий срок положение выправить было просто невозможно.

Генерал вызвал меня и уже в несколько иных, более решительных тонах объявил, что, как сказали ему специалисты, состав у команды «не тот», что с таким составом в первой группе играть нельзя. Нужно, мол, ставить на игру других футболистов. Искать заслуженных мастеров и привлекать их в команду.

Генералу хотелось, чтобы «его» команда побеждала всех.

Я пытался спорить, возражать, что у молодых все впереди. А старики скоро сойдут. Бесполезно. Тогда я сказал, что состав – дело одного только тренера. Он определяется и обуславливается прежде всего его, тренера, пониманием спорта, его вкусами и пристрастиями, его верой в перспективу и команды и отдельных футболистов. И если «не тот» состав, то, стало быть, у команды и «не тот» тренер.

Генерал ничего не ответил. Потом начал успокаивать меня:

– Я понимаю, вам трудно в ваши годы руководить таким большим и сложным коллективом. Я решил, что вам нужно пока поработать вторым тренером...

Понятно, конечно, что я не мог согласиться с таким решением. Если не верят в мои предложения, в мои принципы, то работать в таких условиях казалось мне бессмысленным.

Мы пожали друг другу руки и расстались.

И вот однажды, спустя какое-то время, генерал снова пригласил меня. Помню, встретились мы опять у него дома.

Генерал предложил перейти мне из ЦДКА в ВВС... старшим тренером. Уговаривая, сулил самые безграничные возможности для формирования команды.

Но, как ни заманчиво было это предложение, я отказался. Сказал честно, что не хочу работать на пороховой бочке.

Больше в ВВС меня не приглашали...

Тренеры бывают разные. И плохие и очень плохие в том числе. Однако в любой профессии есть люди с «недостатками». Так почему же у нас так болезненно реагируют на каждую ошибку тренера?! В конце концов умный человек не тот, кто совершенно не ошибается. Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает, это общеизвестно. Умен тот, кто умеет быстро, решительно и умело исправить свои ошибки. Я вовсе не ратую за полную и абсолютную, граничащую чуть ли не с произволом власть тренера. Мы тоже должны быть подотчетны, за нами надо следить, нашу работу нужно контролировать. Но в какой степени? Согласитесь что ведь это бессмысленно и глупо – лишать тренера права на доверие. На эксперимент. На поиск. Длительный поиск. Даже самый одаренный человек не способен творить чудеса. Для становления команды нужно время. Не неделя, не месяц. Два-три года – не меньше. Если не больше.

Посмотрите, что происходит в футбольной команде ЦСКА!. За последние годы здесь сменили друг друга восемь (!!!) тренеров.

Может ли в таких условиях команда выступать успешно? Конечно же, нет! Мне искренне жаль наших армейских футболистов. Только успеют они познакомиться с тренером, привыкнуть к его требованиям, вкусам, взглядам на тактику, к его пониманию футбола, как – бац! – тренера снимают, Приходит новый наставник, с иными взглядами на футбол, на исполнителей той или иной тактической схемы, отказывается от услуг прежних мастеров, приглашает новых; только успеют футболисты познакомиться с еще одним тренером, усвоить его концепции игры, как – бац! – и...

Одним словом, команду классную в этих условиях мы увидим, к сожалению, не скоро. Если, конечно, новый тренер футболистов ЦСКА не получит необходимую, свободу действий и необходимую степень доверия.

Трудно в такой ситуации приходится не только футболистам, но и тренерам; Волей-неволей им приходится выбирать между Сциллой и Харибдой: строго следуют указаниям начальства, проигрывают (поскольку рекомендации эти чаще всего некомпетентны), их; естественно, снимают с должности или не слушают рекомендаций и при первой же серии неудач тоже отстраняют от работы (мотив? не прислушались во время к советам). Вот и выбирай!

А команда между тем последний раз первенство страны выиграла 16 лет назад.

У руля сборной

О шаткости и неустойчивости положения тренера в недавнем прошлом (да и только ли в прошлом) свидетельствует тренерская чехарда, происходившая в сборной страны по хоккею.

Любопытная деталь: за всю историю первой сборной у ее руля стояли лишь два тренера – заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР, наставник московских динамовцев Аркадий Иванович Чернышев и автор этих строк.

Аркадий Чернышев — Анатолий Тарасов

С 1948 года по 1953-й старшим тренером сборной СССР работал я. Патом на эту должность пришел Аркадий Иванович.

Мне, разумеется, трудно судить, из чего исходили руководители нашего хоккея, столь регулярно меняя нас. Но ведь при этом не только «наказывались» Тарасов и Чернышев: нарушалась преемственность в руководстве сборной.

Наши победы в 1954 и в 1956 годах – на Олимпийских играх – накрепко связаны с именем Чернышева. Этот умный, спокойный, на редкость уравновешенный человек, талантливый педагог, большой мастер своего дела, сумел подобрать оптимальный состав команды, нашел наиболее верную манеру игры с каждым соперником, сумел психологически убедить наших хоккеистов в возможности победы над «самими канадцами».

Но вот в 1957 году сборная СССР не смогла выиграть чемпионат мира, который проходил в Москве, и сразу же Аркадий Иванович был освобожден от занимаемой должности. Старшим тренером сборной снова назначили меня.

В 1960 году наши хоккеисты не сумели стать олимпийскими чемпионами, и на мое место снова был назначен Чернышев.

Трудно сказать, сколько бы продолжалась еще эта чехарда, если бы в один прекрасный день 1963 года вас обоих не пригласили в Центральный Совет Союза спортивных обществ и организаций СССР к Леониду Сергеевичу Хоменкову.

С первых же слов Леонид Сергеевич объявил, что отныне мы будем вдвоем готовить сборную...

– Это не только просьба или совет. Это решение Центрального Совета, и вы обязаны его выполнить. Приказ есть приказ.

И чтобы смягчить резкость тона, улыбнувшись, добавил:

А разные характеры – это хорошо... Будете дополнять друг друга...

Мы оба, как потом признавались друг другу, были, мягко говоря, удивлены таким решением. Мне казалось, что мы не сможем работать вместе. Уж очень мы разные... Впрочем,

надо оговориться, что у нас никогда не было ссор, мы никогда не подрывали авторитета друг друга. Даже в те дни, когда одного из нас снимали с работы и заменяли другим.

Но все-таки была какая-то неприязнь друг к другу. В общем-то это не так уж и трудно понять: мы ведь, в сущности, между собой конкурировали заочно. Нас ставили старшими тренерами. И мы твердо знали, что если не один, то другой возглавит сборную.

Но не это волновало нас в первую очередь, гораздо больше беспокоило то, что у нас были разные взгляды на режим тренировок, занятий, дисциплину. Аркадий Иванович значительно более мягкий человек. Он чаще склонен к прощению. Я же, как говорится, не в меру крут. Велика была разногласия в наших педагогических взглядах. По-разному во многом понимали мы и общие принципы хоккея. Игра армейцев существенно отличается от действий динамовцев. Разные у нас взгляды на тактику игры в обороне, в атаке.

Хоккеисты, прежде всего опытные мастера, знали, конечно, об этом. Ведь многим из них приходилось работать и с Аркадием Ивановичем и со мной. Кроме того, читая наши спортивные журналы, газеты, легко можно было понять, в чем именно мы расходимся.

Все это настораживало и пугало нас обоих, но приказ есть приказ, и нам следовало искать наиболее приемлемый вариант нашего совместного творчества.

Однако нужно, видимо, пояснить, почему я решил рассказать об этом в книге.

Прежде всего потому, что взаимоотношения тренеров играют самую существенную роль в педагогической работе со спортсменами. Во-вторых, мне хочется ответить на многочисленные вопросы любителей хоккея о принципах нашей совместной деятельности в сборной и, в-третьих, удовлетворить любопытство тех, кто довольно часто спрашивает меня, не обидно ли мне «быть вторым тренером, если в сборной больше всего хоккеистов ЦСКА».

Итак, с чего мы начали и как мы работаем?

Мы хотели прежде всего понять, что у нас в работе не так, что не получается. Почему нас, каждого в свое время, отстраняли от работы со сборной СССР?

В клубе, рассуждали мы, работа наша как будто приносит свои плоды. Во всяком случае, и ЦСКА и «Динамо» дали нашему хоккею немало игроков высокого класса, два эти клуба постоянно находятся в числе ведущих хоккейных коллективов страны.

Я вспомнил свой нелегкий характер, свое неумение воспринимать даже правильную критику, если она кажется мне недружелюбной. Плохо, наверное, что я слишком решителен с теми игроками, которые пытаются поставить себя над командой. Но что поделаешь, если я до сегодняшнего дня убежден, что в современном спорте невозможно достичь значительных высот мастерства без соблюдения строжайшего спортивного режима, без поистине спартанского отношения к себе!

Я воевал: воюю и буду воевать с такими хоккеистами даже в том случае, когда их удаление приносит заметный урон команде, когда без них, прославленных и умелых мастеров, команда начинает терять очки. Наверное, я чрезмерно крут, наверное, со мной трудно работать, сложно сработаться, наладить контакт.

Но ведь Аркадий Иванович – спокойный, уравновешенный человек. Однако и его освобождали из сборной.

Значит, дело не в наших характерах, не в их различии и непохожести.

Гораздо печальнее то, что в нашей работе не было преемственности, творческого контакта, единства – и в отношении к хоккеистам и к нашим коллегам тренерам и в проведении той главной линии, которая определяла тактическое содержание нашего хоккея, особенности игры сборной команды Советского Союза. Начались поиски единой линии, которая могла бы принести какие-то плоды.

Каждому казалось поначалу невозможным отступить от исповедуемых принципов, от того, чему долгие годы молились как безусловно, верному и не подлежащему обсуждению. Вот почему наиболее сложной представлялась нам задача отыскать, придумать, на худой конец, какую-то третью, обоим нас примиряющую и устраивающую линию.

Мы условились на той, первой, встрече, что никогда не станем принимать никаких принципиальных решений до тех пор, пока с этим не согласимся оба. Лучше спорить до бесконечности, до тех пор, пока не будет выработано единое мнение, чем действовать вразнобой.

Нам обоим было совершенно ясно, что необходимым условием успехов сборной является равное и ровное отношение ко всем игрокам независимо от их заслуг, званий и авторитета.

Както спустя некоторое время я перечитывал книгу Константина Сергеевича Станиславского «Моя жизнь в искусстве». Меня очень обрадовало почти дословное в одном отношении совпадение нашего с Аркадием Ивановичем разговора с той основополагающей беседой, которую вели при первой встрече Константин Сергеевич и Владимир Иванович Немирович-Данченко.

Хочу привести выписку из этой беседы.

«Вот вам актер А, – экзаменовали мы друг друга. – Считаете вы его талантливым?»

«В высокой степени».

«Возьмете вы его к себе в труппу?»

«Нет».

«Почему?»

«Он приспособил себя к карьере, свой талант – к требованиям публики, свой характер – к капризам антрепренера, и всего себя – к театральной дешевке. Тот, кто отравлен таким ядом, не может исцелиться».

«А что вы скажете про актрису Б?»

«Хорошая актриса, но не для нашего дела».

«Почему?»

«Она не любит искусства, а только себя в искусстве».

«А актриса В?»

«Не годится – неисправимая каботинка». «А актер Г?»

«На этого советую обратить ваше внимание».

«Почему?»

«У него есть свои идеалы, за которые он борется; он не мирится с существующим. Это человек идеи».

«Я того же мнения и потому, с вашего позволения, заносу его в список кандидатов».

Точно так же проходила и наша беседа. Хоккеист А – мастер высокого класса, но капризен, эгоистичен. Мастер Б – талантлив, но склонен ко всяким вольностям в отношении спортивного режима. Хоккеист В и талантлив, и старателен, и всегда ради общего успеха готов подчиниться интересам коллектива. Вот его мы и вносили в свой список кандидатов в сборную страны.

Мы договорились с Аркадием Ивановичем, что включаем в сборную только тех хоккеистов, кто способен до конца отдавать себя команде, кто согласен подчиниться твердому курсу тренеров на строжайшую дисциплину, равную и обязательную для всех. Мы решительно отказываемся от самых крупных талантов, если они не сумеют перестроиться.

Но от этого решения до воплощения его в жизнь была дистанция немалая: убедить общественность, что прославленный хоккеист, вчерашний чемпион мира, в свои 27 лет уже не годится для сборной, – дело вовсе не шуточное.

А отношения к игрокам в ходе тренировочных занятий, матчей? Оба мы и сейчас подходим к ребятам по-своему, но один при этом дополняет другого. Всегда поддерживаем друг друга, вместе готовимся к беседам, вырабатывая постепенно единый подход ко всем спортсменам.

А как строить тренировки сборной? На что в первую голову обращаем внимание при подготовке сборной? В возглавляемых нами командах методы подготовки во многом различны: в ЦСКА, например, взят курс на объемные нагрузки. В «Динамо» – свой подход. Но в конце концов, решили мы, постараемся и здесь найти общий язык. В общем-то мы представители единой школы советского хоккея и, как бы ни различались наши вкусы и пристрастия, общего у нас больше.

Эта первая встреча, как и знаменитая беседа в «Славянском базаре», была для нас крайне ответственной и, цитируя К. С. Станиславского, «столь же важна, как мировая конференция народов».

С тех пор минуло несколько лет.

И мне сейчас кажется, что наша творческая дружба сыграла немалую роль в тех успехах, к

которым пришла наша сборная.

Много ли мы сейчас спорим?

Вспоминаю ночь в Стокгольме перед встречей с канадцами. Мы спорили до утра. Но, поймите правильно, мы спорили не друг с другом. Это, по существу, был спор с тренером канадской команды Бауэром, спор с его взглядами на хоккей, на нашу сборную.

Не важно, чья точка зрения восторжествует в таком споре. Гораздо существеннее, чтобы была найдена верная тактика на предстоящий матч, тактика, которая гарантировала бы нам победу.

Кстати, эти споры нам обоим крайне полезны, ибо в них, в этих спорах, размышляя, сравнивая, отыскивая какие-то новые аргументы в поддержку своего взгляда, мы оба сами растём.

Это всегда споры равных, и потому они интересны и полезны обоим. И я рад, что судьба свела меня с Аркадием Ивановичем. Он хороший, умный спорщик, которому приходится детальнейшим образом обосновывать истинность своих предложений, своих взглядов. Человек, умеющий находить самые сильные, контраргументы. Мы учимся друг у друга, и оттого с годами работать нам становится все интереснее.

Если в первые годы мы много времени тратили на организационные проблемы, решали щекотливые вопросы взаимосоотрудничества, старались быть предельно щепетильными, и это у нас порою выходило на первый план, мешая работе, то сейчас у нас настоящее совместное творчество в самом точном смысле этого слова. Работа у нас спорится, обязанности мы не разделяем, оба знаем, что нужно сделать для команды. Мы, как и раньше, много спорим, рискуем, стараясь больше и больше экспериментировать, но оба доверяем друг другу полностью. Мы поняли характер друг друга, и наши мнения совпадают все чаще.

С первых же дней нашего совместного руководства сборной командой СССР мы поставили перед каждым ее участником задачу заниматься на тренировках с той же полнотой ответственности, которая приходит к хорошему хоккеисту на важном матче. Труд, труд, объемный творческий труд – это стало главным.

Боролись за культуру спортсмена. Человек интеллектуальный всегда играет лучше, он творит на поле, а не просто исполняет указания тренера. Играет вдохновенно, с размахом и удовольствием.

Но ни Аркадий Иванович, ни я вовсе не стремились быть диктаторами, определяющими судьбы сборной в целом и каждого ее игрока в отдельности. Нам хотелось, чтобы сами ребята решали, кто из них более достоин надеть красные свитеры с большими буквами «СССР».

Творческое содружество тренеров и хоккеистов, единство цели, единство во взглядах, оценках того или иного мастера способствовали более серьезному и требовательному отношению хоккеистов к себе, к уровню своей подготовки.

Все вместе вырабатывали мы единые критерии успеха или неудачи звена, команды, какого-то хоккеиста. Договорились, что если играем со средним соперником и звено выигрывает одну-две шайбы, то ребята получают в лучшем случае по четверке. Но если нам противостоят сборные Канады, Чехословакии, Швеции, то преимущество в одну или две шайбы обеспечивает им пятерку. Однако внутри этого успешно сыгранного звена кто-то может получить и «два». За свою недисциплинированность. За трусость. За лень. За то, что редко бросал по воротам. Или за то, что не сумел стерпеть грубость противника и на откровенное хамство ответил тем же. А ведь наказал своей грубостью он не соперника, а нас: кто-то должен теперь отдуваться за него.

О соревновании между звеньями

Идея такого соревнования появилась у нас давно. Мы искали новый стимул повышения активности хоккеистов. Но как в спортивных играх, в хоккее в частности, проводить это соревнование, чтобы оно стало объективным показателем и мастерства спортсмена и степени его преданности интересам команды?

Легко проводить подобные соревнования в тех видах спорта, где уровень искусства спортсмена можно измерить в килограммах, сантиметрах, секундах. Там можно конкретно

сказать, кто сильнее, перспективнее, талантливее. Значит, и нам предстояло найти такую форму контроля и учета действий звена и отдельного хоккеиста, которая позволяла бы весьма конкретно, аргументированно оценивать действия спортсмена на хоккейной площадке.

Но как все это сделать? До недавнего времени мы ограничивались лишь эдаким визуальным учетом, где существенную роль играло то, как смотрится, выглядит на поле спортсмен. Мы могли смотреть на матч, рассуждать о нем, фотографировать те или иные эпизоды, но предъявить игроку какие-то конкретные претензии, поставить конкретные задачи было трудно.

Лет десять назад родилась идея контроля и учета действий хоккеистов. Мы взяли «на карандаш» всю игру, разбили ее на какие-то главные элементы, определили, как будем их учитывать. Довели эту нашу мысль до сведения игроков, провели несколько экспериментов, и сейчас, вот уже на протяжении шести лет, сборная СССР ведет совершенно конкретный анализ действий всех игроков и звеньев и тем самым имеет возможность сравнивать степень полезности действий того или иного звена.

Этот учет ведется не только как соревнование между звеньями. Игра хоккеистов сравнивается с действиями их конкретных соперников.

Но когда мы решали вопрос о проведении учета и соревнования, то сразу же пришлось считаться и с тем, что соревнование между форвардами в количестве заброшенных шайб может породить премьерство, и потому во избежание этого мы не учитывали, кто автор шайбы, – для нас прежде всего важна результативность звена в целом, всей пятерки. Как мало, насколько меньше, чем партнеры по команде, пропустит шайб то или иное звено – в этом нельзя не видеть действий всех пяти хоккеистов.

Однако тем не менее мы не ушли и от индивидуального анализа действий игроков. Например, рассматривая игру защитников, мы учитываем умение их пользоваться силовым единоборством, ловить шайбу на себя, качество и количество начинаемых ими контратак, умение быстро и своевременно выходить из зоны, обыгрывать противника и создавать острые голевые моменты.

Когда-то, лет пять-шесть назад, многие игроки, особенно ведущие, не понимали, точнее, не принимали, нашу идею. Главное, говорили они, выигрывать, играть мощно и энергично, и если команда выиграла, то, значит, каждый сыграл хорошо.

Но мы постоянно напоминали своим питомцам, что команда – это не только целостный коллектив, но и – об этом тоже нельзя забывать – группа отдельных игроков, из которых складывается этот коллектив, и вовсе немаловажно, сколько раз хоккеист бросил шайбу в ворота, сколько дал пасов, сколько раз подставил себя под бросок соперника, отобрал шайбу, сколько километров пробежал за матч, сколько раз шел на добивание, сколько раз оказывал помощь партнеру.

В конце концов это важно – сколько вложил усилий в копилку победы, конкретный хоккеист, участник матча.

Практикуя такую систему учета, мы повысили ответственность каждого игрока. Хоккей, хочу еще раз напомнить, – это не только семнадцать против семнадцати, не только шесть против шести, одновременно находящихся на площадке, но и игрок, играющий против игрока.

(Кстати, хочу сказать, что при включении хоккеиста в состав своей команды, я непременно следую этому принципу – может ли игрок переиграть своего опекуна; если нет – вряд ли доведется ему надеть форму хоккейной команды ЦСКА.)

Учет действий спортсменов ведется сейчас самими игроками, теми, кто не участвует в матче. К учету этому хоккеисты сейчас уже привыкли, он кажется им вполне естественным и необходимым. Ребята поняли, что учет этот ведется не для тренера, а в конце концов для них самих, чтобы им помочь понять свои сильные и слабые стороны.

Наш учет позволяет планировать победу над будущим соперником.

На чемпионате мира в Вене соревнование между звеньями принесло свои плоды, особенно в те дни, когда во многом решалась судьба чемпионской короны.

Так получилось, что очень сильное звено Старшинова, где все матчи весьма надежно играл сам Вячеслав, с большим энтузиазмом действовал Борис Майоров, к встрече со шведами подошло с низким показателем – 9 заброшенных и 3 пропущенные шайбы, тогда как звено

Альметова забросило к этому; дню 12, и пропустило лишь одну шайбу, а полупановское соответственно имело еще большую разницу заброшенных и пропущенных шайб – 22: 2. И в других показателях звено Старшинова значительно уступило товарищам.

Разумеется, мы понимали, что дебютанты сборной молодые хоккеисты Виктор Ярославцев и Александр Якушев пока не могут встать вровень с большими мастерами. Но, продумывая план игры с «Тре Крунур», мы учитывали, что Борис и Вячеслав не только классные, но и самолюбивые мастера, которые верят в принятый нами учет игры звеньев, понимают и ценят его объективную значимость и, естественно, тоже стремятся быть в числе ведущих. Нам, команде, важно было, чтобы никто не потерял возможности бороться за право быть наиболее результативным, чтобы все имели реальные шансы быть лучшими. Вот почему мы сказали на собрании коллектива, что все игравшиеся до сих пор матчи, по сути дела, были прикидкой, увертюрой к чемпионату, все настоящее начинается только сегодня и потому весь учет действий звеньев начинается сначала.

Такое решение позволило всем игрокам начать борьбу как бы заново, старшиновское трио почувствовало, что оно может еще бороться за лучшее место в команде.

Перед игрой мы побеседовали со старшиновским звеном, причем пригласили только Бориса и Славу: хотели выяснить настроение этих больших мастеров. Дополнительно провели тренировку, где отработали тактику выхода из зоны, – то, что не получалось на турнире у звена. Накануне матча мы старались похвалить ребят, подбодрить их, поговорили с защитниками, играющими с этой тройкой, – В. Давыдовым и В. Кузькиным, и попросили их возможно более внимательно и старательно поддерживать ребят, помогать им. Переговорили с ведущими хоккеистами команды, попросили их успокоить товарищей, вдохнуть в них уверенность. Стоит ли напоминать, что решающую шайбу канадцам забросил В. Старшинов, что последние три встречи эта тройка провела сильнее, чем предыдущие?

Это, возможно, и был некоторый обман: мы ведь отошли от старых традиций, когда лучшие определялись по сумме всех игр чемпионата. Но мы вынуждены были это сделать ради поддержки товарищей, членов нашего коллектива, у которых игра пока не шла, не получалась.

Первичный анализ матча, учет игры ведут запасные хоккеисты. На следующем матче мы выставляем их на игру, и теперь ведут учет уже те, кто вчера играл и несколько скептически относился к замечаниям запасных. После этого ребята начинают с большим уважением относиться к тем, кто анализирует их игру.

Такой формой работы мы убивали сразу двух зайцев: приучали ребят к строгости в оценках, во-первых, и к умению анализировать игру партнера, во-вторых. Выступая в следующем матче, ребята помнили, это за ними тоже, следят и что поэтому, они не имеют права повторять те ошибки, которые подметили они же сами вчера у своих товарищей.

Специалист, учитель, психолог, режиссер...

Тренер... Учитель... Психолог... Специалист... Режиссер...

УЧИТЕЛЬ. Нас часто сравнивают с учителями.

Не совсем точное, как мне кажется, сравнение. Работа у нас много сложнее, чем у учителя, по той простой причине, что деятельность школьного или институтского педагога в отличие от нас может быть... бесприоритетной.

Не так уж просто, конечно, добиться, что все твои ученики будут переводиться из класса в класс, успешно сдавать экзамены, курсовые, дипломные, контрольные. Но никто учителям не препятствует, не старается помешать его воспитанникам. У них нет соперников.

А у нас? Если выигрывают питомцы тренеров А и Б, то это значит, что непременно проигрывают воспитанники тренеров К и Л. Иначе быть не может. Если ты побеждаешь, набирая очки, то кто-то, проигрывая, отдает их твоей команде. Кто-то из тренеров работает менее результативно, чем этого хотелось бы руководителям спортивного общества, коллектива, болельщикам. Победы не приходят ко всем тренерам. В спортивных играх они и не могут прийти ко всем; В этом, и, пожалуй, только в этом, отличие тренера от педагога. А по духу своему он прежде всего воспитатель.

Вопросы, которые приходится решать тренеру, порой бывают невообразимо трудны.

В январе 1967 года, когда мы готовились к венскому чемпионату мира, в сборной было немало трудностей. И одна из них была обусловлена тем, что многие хоккеисты устали от бесконечных игр чемпионата – календарь составлен сейчас так, что играть порой приходится через день-два, а то и два вечера подряд. Особенно устали ведущие хоккеисты сильнейших двух клубов – «Спартак» и ЦСКА. На их плечи пала двойная, если не тройная, нагрузка. Им пришлось выступать на два фронта – в клубе и в национальной сборной, причем в своей команде они зачастую проводили времени на площадке вдвое больше, чем положено.

Но устали спортсмены не только физически. Произошел нервный спад. Та нервозность, которая коснулась сборной команды, весьма отрицательно отозвалась на состоянии ряда хоккеистов.

Теперь вам будет понятно, почему однажды ко мне подошел Александр Альметов и сказал, чтобы в сборную его не включали.

Я, естественно, попросил Сашу объяснить мне все подробно.

Александр честно признался, что в чемпионате страны большинство матчей он провел слабо, да вот и в печати появились высказывания, что Альметов уже не годится в национальную команду.

– Я, – сказал Саша, – старался эти годы быть на уровне требований сборной. Сейчас в меня больше не верят, видимо, я действительно уже не гожусь... А позориться сам и позорить хоккей наш не хочу... Не имею права...

Это был джентльменский поступок. Не часто спортсмен находит в себе мужество отказаться от сборной, отказаться от всеобщего внимания и восхищения.

Хоккеист редко хочет покинуть команду сам – поэтому нужно было особенно внимательно вслушаться в его аргументы.

Как должен был отнестись я к этой просьбе? Как следовало вести этот тягостный разговор? Хотя Александр еще довольно молод, он давно играет в ЦСКА, и я за это время очень привык, привязался к нему.

Легче всего, конечно, было бы согласиться с Альметовым и включить в сборную вместо него какого-то молодого парня, мечтающего о сборной, о большом хоккее, о славе. Такие кандидаты в сборную, кстати, у нас были.

Но разве это было бы справедливо? Разве было бы справедливо вот так, просто, поставить крест на одном из наиболее замечательных мастеров отечественного хоккея? Нет, это было бы

большой ошибкой. Ведь это хорошо знаю Альметова – человека очень честного и любящего хоккей, двенадцать лет отдавшего спорту, не раз поднимавшегося на высшую ступеньку пьедестала почета, гроссмейстера хоккея, который немало сделал, чтобы мы назывались пятикратными. Альметов – умница, не только умный тактик – умный человек.

Почему же он пришел к такому решению? Почему появилось неверие в собственные силы? Может, и вправду слаб и в свои 27 лет он, как спортсмен, уже «кончился» и ни на что не способен? А может, просто слишком болезненно воспринимает критику, даже и справедливую, заслуженную (а Саша в этом году заслужил критику)? Одним словом, трудно было сразу ответить на эти вопросы, понять для себя, что происходит с моим подопечным, и я предложил Альметову перенести нашу беседу на следующий день, чтобы мы оба могли подумать, взвесить все «за» и «против», поспорить с самими собой.

На следующий день Альметов снова зашел ко мне. Настроение его было прежним.

Однако мне хотелось переубедить Сашу. Подумав, я пришел к твердому убеждению, что он как хоккеист не сказал пока своего последнего слова. Я постарался убедить Александра, что мы с Аркадием Ивановичем верим в него, в него верят ребята, что он должен доказать всем скептикам, и себе в том числе, что силы еще есть. И первое, что следует, на мой взгляд, ему сделать, – засучить рукава и работать, работать, честно работать.

Я напомнил Альметову, что он не заурядный хоккеист, каких сейчас много, а спортсмен с большим именем и имя это надо беречь. Можно, конечно, уйти с большой сцены и сейчас, чемпионом мира, но вряд ли имеет моральное право так поступать спортсмен коммунист, который при желании мог бы еще играть и играть. Нужно только взять себя в руки. Больше того, я прямо сказал Альметову, что мы – и команда ЦСКА, и сборная, и весь наш хоккей – в нем нуждаемся и верим в него, ждем многого. Я подходил к этому разговору с точки зрения профессиональной: Альметов и сейчас еще сильнее молодых хоккеистов.

Александр колебался. Желания его и мысли раздваивались. Сомнения терзали его.

Все-таки тогда мне удалось переубедить Альметова. Он решил пока не уходить из хоккея.

Мы договорились с Сашей о дополнительных тренировках, я высказал ему критические и конструктивные соображения по поводу выполнения им своих функций центрального нападающего. Он согласился со мной и обещал поработать над усилением своей игры.

Я совершенно счастлив, что этот трудный вечер принес свои плоды. Альметов прекрасно провел весь венский чемпионат мира, был там запевалой наших атак.

Но, разумеется, все обстояло не так просто, как я здесь излагаю. Скажу откровенно, что на каком-то этапе нашей подготовки к Вене и у меня появились сомнения в возможности возрождения бывшего Альметова. Я не сомневался в его таланте, но беспокоился, что Саша не сумеет перебороть самого себя, не заставит себя работать так, как нужно, а от него в этих условиях требовалась работа вдвойне напряженная – слишком много было упущено.

Альметов в марте стал чемпионом мира в пятый раз, вошел в символическую сборную мира, составляемую журналистами многих стран. Но тут же снова решил уходить из хоккея. Но теперь уже не только из сборной. И из своего родного клуба. Из ЦСКА, где прошла вся его спортивная жизнь. Александр решил посвятить себя целиком учебным занятиям в Военно-бронетанковой академии.

Говорят, что время – лучший врач. Я тоже стал в это недавно верить. Когда Саша подал рапорт, я сказал ему, чтобы он не торопился, но поскольку он уже не был уверен, что останется в хоккее (сомневался в этом и я), то мы пришли к выводу, что надо ставить в состав тех, кому придется бороться за восстановление утраченных позиций в следующем сезоне. Вот почему мы играли последние матчи сезона без Альметова. И финал Кубка, как ни тяжело было играть без гроссмейстера, мы выиграли.

Но, встречаясь с Альметовым, я чувствовал, что у него самого есть большие сомнения в верности своего решения. И вот однажды вместе с супругой он попросил встречи для серьезного разговора и спросил, как бы поступил я, будучи на его месте.

Я сказал, что учиться в академии заманчиво – кто же откажется от возможности приобрести высокую квалификацию военного специалиста.

Но ведь при этом Саша практически должен будет уйти из хоккея, которому он посвятил лучшие годы. Но стоит ли игнорировать тот опыт, какой в нашем хоккее имеют лишь единицы.

Мне кажется, что будущее Альметова скорее всего должно быть связано со спортом, он может стать хорошим тренером, специалистом, спортивным руководителем. В этой области ему и нужно совершенствовать свое искусство. Вот почему я сказал Альметову, что его учеба должна быть логическим продолжением всей предыдущей жизни и потому есть определенный смысл поступить в институт физкультуры, а с хоккеем пока не расставаться.

– Но, – оговорился я, – ты стал хуже играть, и тебе немало сил нужно положить, чтобы восстановить свою прежнюю игру.

Не дав мне договорить, Александр сказал, что согласен со мной, что он решил поступать в институт физкультуры, что он согласен не отдыхать летом ни одного дня и работать столько, сколько нужно, чтобы вернуть былой уровень мастерства.

Мы договорились, что он пересмотрит некоторые свои взгляды на спортивный режим, на отношение к тренировкам.

Я в тот день был рад, что Альметов еще будет служить нашему хоккею.

Но не изменит ли он снова своего решения? Хватит ли у него силы духа, выдержки и терпения?

Оказалось, что нет. Не хватило. Уговаривать его я не стал. Не имел права. Тренеры совсем не всесильны...

Тренер... Специалист». Психолог... Учитель... Режиссер...

ПСИХОЛОГ. Вспоминаю время начала нашей совместной с Аркадием Ивановичем работы в сборной. Нам тогда советовали сразу взять третьего человека для руководства командой – психолога.

То были годы, когда вся спортивная общественность находилась под впечатлением замечательных побед бразильцев, когда все говорили, что у тренера южноамериканских футболистов Феолы есть психолог – доктор Гослинг (потом, правда, выяснилось, что он врач-психиатр).

Однако и тогда, во время «бразильского» бума, и сейчас я остаюсь верен своему убеждению, что команде не нужен иной человек, кроме тренеров. Не нужен специалист-психолог.

(Кстати, не могу понять тех футбольных тренеров, которые приглашают во время подготовки к сезону легкоатлетов или гимнаста для проведения специальных тренировок по этим дисциплинам. Не думаю, что это верно: разве могут хорошо знать они, что именно из гимнастики или легкой атлетики нужно моим подопечным.)

Вернемся к хоккею. Как и любой другой вид спорта, он имеет свою неповторимую специфику. И если я, хоккейный тренер, не очень хорошо знаю гимнастику или баскетбол, те подсобные виды спорта, которые нужны для совершенствования атлетизма у хоккеиста, то мне нужно просто прийти к специалисту, посоветоваться с ним, прочесть кучу литературы, но работать все-таки с хоккеистами должен я сам. Только я отлично знаю своих ребят, только я могу тренировать их так, как это нужно тому или иному спортсмену, только я, наконец, могу решить, нужно ли вообще это упражнение, задание хоккеисту в принципе.

Теперь, полагаю, вам понятен мой взгляд на роль врача-психолога. Как бы хорошо ни знал он команду, я все-таки знаю ее лучше, лучше знаю хоккей, и незачем кому-то постороннему заниматься какими-то душевными, «психологическими» беседами с моей командой. Как можно укрепить дисциплину, привить хоккеисту порядочность, трудолюбие или, предположим, заставить его преодолевать страх, как приучить его умно, творчески тренироваться, уметь жертвовать собой в интересах команды, как, наконец, можно с ним говорить, если ты не провел сегодня вместе с ним тренировку, не разделил тяжесть работы?!

Впрочем, хочу оговориться. Наверное, я воюю с вымышленным персонажем. Наверное, психолог команды представляет собой что-то иное, чем думаю я. Но что поделаешь: у нас в командах психологов нет, а о зарубежных я читал лишь, что они подолгу якобы умело беседуют со своими спортсменами.

Но я в такие беседы, в таких психологов не верю. Именно потому и считаю, что посторонний человек команде не нужен.

Я думаю, что тренировка, где существуют отличный контакт и великолепная словесная или, может быть, чисто зрительная связь, взаимопонимание, при котором игрок с одного

взгляда понимает, что хочет от него тренер, а тренер – в чем игрок просит ему помочь: вот этот контакт, это взаимопонимание, умение найти общий язык с игроком, подсказать ему правильное решение (на тренировке, в игре ли) – вот это и есть психология.

Мы с Аркадием Ивановичем отвергли идею приглашения психолога.

Психология – это знание тех людей, которые вместе с нами работают. Это труд объемный, интересный. Это коллектив, где есть партийная и комсомольская организации. Это крепкое ядро. Это общественность, которая поддерживает нас в трудные минуты.

Вот вам задача для психолога. Решит ли он ее? Что нужно сделать, какие меры принять, чтобы команда, каждый буквально игрок ни в коем случае не испугались соперника, и одновременно задача, сопряженная с первой, – чтобы никто не недооценил его? Как найти эту середину, где каждый серьезно, тщательно готовится к игре и твердо верит в победу?

Психолог, даже талантливый, будет, видимо, вести продолжительную, но весьма абстрактную беседу со спортсменом или целой командой. Он, не будучи специалистом хоккея, вынужден говорить общие слова, а ведь ребятам нужно доказать, почему мы имеем основания не бояться соперника, почему у нас есть причины верить в победу. Надо с карандашом в руках выписывать, чертить, сравнивать компоненты игры двух команд. Нужно знать соперника и точно подсказать хоккеисту, в первую очередь молодому, на что надо рассчитывать, как действовать, чтобы завоевать победу.

А это не так просто. Знаю по собственному опыту.

Как-то наш армейский хоккеист, спортсмен, уважаемый в команде мастер, которого я очень люблю и уважаю, сказал:

– Анатолий Владимирович, а ведь вы сегодня говорили нам неправду... Вы слишком хвалили нашего соперника. Неужели вы забыли, что год назад вы говорили о нем совсем по-другому...

Не знаю, может быть, я был не прав, давая несколько неверную оценку сопернику, но за несколько часов до матча мне хотелось приподнять его, потому что я боялся пренебрежительного отношения к команде, которую мы недавно обыграли с крупным счетом. Вот почему, чтобы мобилизовать ребят, я и решил в этот день именно так расценить силы соперника. Мало того, я сказал даже несколько неприятных слов некоторым своим ведущим мастерам: нужно было, чтобы они острее, тщательнее готовились к матчу.

Но получилось так, что по крайней мере для одного хоккеиста моя «педагогика» оказалась слишком «очевидной».

А давайте вспомним матч с канадцами на чемпионате мира в Вене. Матч, где решалось многое. Мы, тренеры, знали, что канадцы – хоккеисты отчаянные, мужественные, даже драчливые, и потому, может быть, победу стоит искать именно... в жестком хоккее.

Я и сейчас убежден, что этот матч не мог быть выигран только за счет превосходства в технике или верно избранной тактики. Все решало мужество людей, и потому нам заранее казалось важным внушить ребятам както незаметно, ненавязчиво – так, чтобы получилось, будто они сами пришли к этой мысли, что мы не только физически подготовлены лучше, лучше катаемся, овладели техническим мастерством, что наша тактика рациональна и сулит нам победу, но самое главное – нужно было сказать, что мы и более мужественны, хоть там есть Бревер и Боуэнс, экс-профессионалы. Нам нужно было сказать ребятам, что они и сильнее и спокойнее, что они и подраться могут умело, и выдержки вместе с тем им не занимать. Но сказать все это надо было так, чтобы ребята поверили в наши слова, чтобы наши мысли стали их мыслями, убеждениями, чтобы ни у кого не осталось и толики сомнения. Так мог ли это говорить человек со стороны? Человек, знающий хоккей хуже, чем мы, тренеры? Разве поверили бы ему спортсмены? Нет, это могли сказать только те, кто трудится с ними на льду изо дня в день, кто переносит с ними радости и горести, кого вместе со спортсменом и хвалят и ругают.

Бесценность тренерского совета в том и состоит, что хоккеист имеет основание верить каждому слову тренера.

Вот почему я сомневаюсь в необходимости и целесообразности иметь в команде какую-то дополнительную фигуру психолога.

Однако если бы нам, тренерам практикам, кто давнымдавно расстался с учебной

аудиторией, читали бы ежегодно, курс психологии, рассказывали о ее новейших достижениях, это было бы, скажем прямо, совсем нелишне.

Тренер... Специалист... Психолог... Учитель... Режиссер...

РЕЖИССЕР, каждый спектакль которого должен, быть по-своему новым. Театральные критики утверждают, что не может быть двух совершенно одинаковых спектаклей. Образ, созданный актером, живет только вместе с ним. Сегодня артист играет так, а завтра уже несколько иначе. Появляются или, напротив, исчезают какие-то черточки или детали образа. Он, этот образ, рождается вновь? в присутствии зрителей – на каждом спектакле.

И игра хоккейной команды в каждом новом матче не может быть повторением той игры, что была показана в предыдущей встрече. Каждый хоккеист, как и актер, что-то прибавляет к своему мастерству, какие-то игровые черточки, детали, навыки.

Но в отличие от театрального режиссера, работа которого над спектаклем к премьере в целом уже заканчивается, хоккейный режиссер – тренер обязан к каждому спектаклю (а наши спектакли – это матчи) готовить какую-то новинку. Иначе просто нельзя. Иначе соперники смогут приладиться к нам, к нашей игре, найти для нее какое-то противоядие...

Тренер... Учитель... Психолог... Режиссер... Специалист...

СПЕЦИАЛИСТ, который обязан постоянно, ежегодно, ежедневно опережать в собственном совершенствовании самых талантливых своих воспитанников. Тех, кому отдаешь себя до конца.

Противоречие, которое невозможно устранить. Чем более успешно вкладываешь ты свои знания и опыт в руки своих младших товарищей, тем сильнее, взрослее, умудреннее становятся они и... тем большего ждут они от тебя. Они верят в тренера, верят, что он знает все. Что он может каждому объяснить, в чем его сила и его слабость. Может каждому помочь отыскать пути к совершенствованию мастерства.

Не просто это и не легко быть все время впереди. В поиске, в раздумьях. Тем более сейчас – в пору совершеннолетия нашего хоккея, когда известно, казалось бы, уже почти все.

И все-таки работа тренера – это счастье.

Потому что ты всегда молод. Всегда в поиске. Всегда в движении.

Потому что радость и счастье, пришедшие к твоему воспитаннику, – это и твоя радость, твое счастье: значит, не зря прошли годы напряженного труда.

Потому что вот сейчас, сию минуту к тебе подъезжает семнадцатилетний паренек, дебютант команды, и, немного смущаясь (он, чудак, стесняется, что чего-то не знает!), с огромной верой в тебя и с великой надеждой спрашивает.

– А почему у меня не получается?..

Герои Вены

ВРАТАРИ

Виктор Коноваленко («Торпедо», Горький). Слесарь. Заслуженный мастер спорта. Чемпион мира и Европы 1963–1967 гг. Олимпийский чемпион. Третий призер чемпионата мира 1961 г. Второй призер чемпионата Европы 1961 г. Родился в 1938 г. Рост 168 см. Вес 76 кг. За сборную СССР впервые выступил 2 марта 1961 г. (против сборной США). Всего за сборную провел 67 матчей.

Виктор Зингер («Спартак», Москва). Столяр. Заслуженный мастер спорта. Чемпион мира и Европы 1965–1967 гг. Родился в 1941 г. Рост 172 см. Вес 68 кг. За сборную СССР провел 23 игры (впервые 26 февраля 1965 г. против Канады).

ЗАЩИТНИКИ

Александр Рагулин (ЦСКА). Лейтенант. Заслуженный мастер спорта. Чемпион мира и Европы 1963–1967 гг. Олимпийский чемпион. Третий призер чемпионата мира 1961 г. Второй призер чемпионата Европы 1961 г. Родился в 1941 г. Рост 185 см. Вес 101 кг. Сыграл 102 матча

за сборную СССР (дебют состоялся 8 января 1961 г. с командой Швеции). На чемпионатах мира забросил 12 шайб.

Виктор Кузькин (ЦСКА). Лейтенант. Заслуженный мастер спорта. Чемпион мира и Европы 1963–1967 гг. Олимпийский чемпион. Родился в 1940 г. Рост 181 см. Вес 90 кг. 76 раз играл за сборную СССР (дебют состоялся 28 декабря 1962 т. против команды ГДР). На чемпионатах мира забросил 8 шайб.

Виталий Давыдов («Динамо», Москва). Педагог. Заслуженный мастер спорта. Чемпион мира и Европы 1963–1967 гг. Олимпийский чемпион. Родился в 1939 г. Рост 172 см. Вес 72 кг. Провел 96 Матчей за сборную СССР (первая игра 16 января 1962 г. против ЧССР). В играх чемпионата мира забросил 1 шайбу (1964 г.).

Валерий Никитин («Химик», Воскресенск). Педагог. Заслуженный мастер спорта. Чемпион мира и Европы 1967 г. Родился в 1939 г. Рост 172 См, Вес 73 кг. За сборную СССР провел 10 матчей, впервые выступив за нее 26 февраля 1965 г. против Канады.

Эдуард Иванов (ЦСКА). Младший лейтенант. Заслуженный мастер спорта. Чемпион мира и Европы 1963–1965, 1967 гг. Олимпийский чемпион. Родился в 1938 году. Рост 177 см. Вес 83 кг. Впервые выступил в сборной СССР против сборной Чехословакии 16 января 1962 года. Сыграл в составе сборной 76 матчей. На чемпионатах мира забросил 11 шайб.

Олег Зайцев (ЦСКА). Лейтенант. Заслуженный мастер спорта. Чемпион мира и Европы 1964, 1966–1967 гг. Олимпийский чемпион. Родился в 1939 г. Рост 179 см. Вес 87 кг. Впервые выступил за сборную СССР против сборной Канады 15 января 1964 г., всего провел в составе сборной 44 матча. В играх чемпионата мира забросил 4 шайбы.

НАПАДАЮЩИЕ

Виктор Якушев («Локомотив», Москва). Токарь. Заслуженный мастер спорта. Чемпион мира и Европы 1963–1967 гг. Олимпийский чемпион. Чемпион Европы 1959–1960 гг. Второй призер чемпионата мира 1959 г. Второй призер чемпионата Европы 1961 г. Третий призер чемпионатов мира 1960–1961 гг. Третий призер олимпийских игр 1960 г. Родился в 1937 г. Рост 172 см. Вес 72 кг. За сборную СССР провел 116 Матчей (впервые 1 января 1959 г. против сборной США) и забросил 47 шайб, из них 33 в играх на первенство мира.

Вениамин Александров (ЦСКА). Старший лейтенант. Заслуженный мастер спорта. Чемпион мира и Европы 1963–1967 гг. Олимпийский чемпион. Чемпион Европы 1958–1960 гг. Второй призер чемпионатов мира 1957–1959 гг. Второй призер чемпионатов Европы 1957, 1961 гг. Третий призер чемпионатов мира 1960–1961 гг. Третий призер, олимпийских игр 1960 г. Родился в 1937 г. Рост 178 см. Вес 81 кг. За сборную СССР провел 141 матч (впервые сыграл 3 декабря 1956 г. против Польши) и забросил 106 шайб, в том числе на чемпионатах мира – 63.

Виктор Ярославцев («Спартак», Москва). Слесарь. Мастер спорта международного класса. Чемпион мира и Европы 1967 г. Родился в 1945 т. Рост 178 см. Вес 77 кг. За сборную СССР провел 15 игр (дебют, состоялся 26 февраля 1965 г. против Канады) и забросил 3 шайбы (одну – на чемпионате мира).

Вячеслав Старшинов («Спартак», Москва). Инженер. Заслуженный мастер спорта. Чемпион мира и Европы 1963–1967 гг. Олимпийский чемпион. Второй призер чемпионата Европы 1961 г. Третий призер чемпионата мира 1961 г. Родился в 1940 г. Рост 174 см. Вес 83 кг. За сборную СССР выступил 91 раз (впервые 6 января 1961 г. против Швеции) и забросил 95 шайб, из них на чемпионатах мира – 45.

Борис Майоров («Спартак», Москва). Инженер. Заслуженный мастер спорта. Чемпион мира и Европы 1963–1967 гг. Олимпийский чемпион. Второй призер чемпионата Европы 1961 г. Третий призер чемпионата мира 1961 г. Родился в 1938 г. Рост 176 см. Вес 72 кг. За сборную СССР выступал 91 раз (дебют состоялся 6 января 1961 г. против Швеции) и забросил 46 шайб, в том числе на чемпионатах мира – 25. На четырех чемпионатах мира (Стокгольм, Инсбрук, Тампере, Вена) был капитаном сборной СССР.

Александр Альметов (ЦСКА). Лейтенант. Заслуженный мастер спорта. Чемпион мира и Европы 1963–1967 гг. Олимпийский чемпион. Чемпион Европы 1960 г. Второй призер

чемпионата Европы 1961 г. Третий призер чемпионатов мира 1960–1961 гг. Родился в 1940 г. Рост 178 см. Вес 84 кг. За сборную СССР провел 103 матча (впервые сыграл 24 ноября 1959 г. против Швеции). В играх чемпионата мира забросил 37 шайб.

Владимир Викулов (ЦСКА). Младший сержант. Заслуженный мастер спорта. Чемпион мира и Европы 1966–1967 гг. Родился в 1946 г. Рост 175 см. Вес 70 кг. За сборную СССР провел 34 матча (впервые выступил за команду 5 декабря 1965 г. против Швеции) и забросил 12 шайб (11 – на чемпионатах мира).

Виктор Полупанов (ЦСКА). Младший сержант. Заслуженный мастер спорта. Чемпион мира и Европы 1966–1967 гг. Родился в 1946 г. Рост 176 см. Вес 76 кг. За сборную СССР провел 34 матча (дебютировал 5 декабря 1965 г. против Швеции) и забросил 21 шайбу (11 – на чемпионатах мира).

Анатолий Фирсов (ЦСКА). Лейтенант. Заслуженный мастер спорта. Чемпион мира и Европы 1964–1967 гг. Олимпийский чемпион. Родился в 1941 г. Рост 174 см. Вес 74 кг. За сборную СССР провел 67 матчей (впервые сыграл 28 декабря 1962 г. против ГДР) и забросил 51 шайбу, в том числе 25 – на чемпионатах мира.

Александр Якушев («Спартак», Москва). Студент. Мастер спорта международного класса. Родился в 1947 г. Рост 190 см. Вес 84 кг. За сборную СССР выступил впервые 26 февраля 1965 г. против Канады, всего в составе сборной сыграл 10 матчей и забросил 3 шайбы (одну – на чемпионате мира).